РУССКАЯ РЕЧЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР Основан в 1967 году Выходит 6 раз в год Издательство «Наука» Москва

зыки народов ссср	
Ф. П. Филин. Языки-братья	88
старые книги А.В.Барандеев. «Книга Большому Чертежу»	99
из истории слов	
Н. В. Попова. Вечер	103 105
введение в языкознание	
В. И. Фадеев. Этимологические дублеты	108
прочитайте детям	
Б. Шергин, Глупые люди. Небылицы	112
консультации	
Словарь эпитетов	115 118
почта «русской речи»	121

На обложке: «Ленинград. Здание Академии наук СССР» Γ равюра Ю. И. Космынина

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

BOADIIO /

АКАДЕМИЧЕСКИЙ



В юбилейном ленинском году Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев представление Комитета по Ленинским и Государственным премиям, постановили присудить Ленинскую премию в области науки и техники академику С. П. Обнорскому. членам-корреспондентам СССР С. Г. Бархударову, Е. С. Истриной, Ф. П. Филину, В. И. Чернышеву, доктору филологических наук А. М. Бабкину за создание «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах (М.—Л., 1948—1965). Высокой награды удостоена работа большого авторского коллектива советских словарников-русистов.

Вскоре после выхода в свет последнего тома Словаря академик В. В. Виноградов писал: «Завершение работы над многотомным, общирным словарем родного языка — всегда огромное событие как для его авторов и составителей, так и для всего народа, говорящего на этом языке. для всего общества. Это — важное национальное дело, особенно если такой словарь не только большой, но и ценный по своим высоким качествам... Всякий доброкачественный словарь глубоко освещает пути и искапия прошлого в его попытках понять и осмыслить, оценить "сокровищницу родного слова", открывая широкие возможности будущих достижений и перспектив в этой области». Далее В. В. Виноградов говорит о том, что «это самый значительный словарь современного русского языка», что данный словарь — «плод общенационального дела» («Вопросы языкознания», 1966, № 6).

Искусство составления словарей известно на Руси с XIII века. Первые наши лексикографы, заботясь о понимании читателем древних рукописей, прикладывали к ним небольшие списки слов

с объяснениями или переводами и называли их так: «Толкование неудобь познаваемым в писании речем...», «Сказание о неудобь понимаемых речех, иже обретаются во святых книгах не преложены на русский язык...», «Толкование о неразумных словесах» и т. п. Со временем объем этих словарей увеличивается, составители располагают слова в них уже в порядке букв русского алфавита, называя с XVI века свои труды «азбуковниками». От XVII века до нас дошло немало азбуковников с обширной объяснительной частью, включавшей и подробные толкования слов, и пояснения синонимами, и ссылки на разнообразные произведения древнерусской письменности. Азбуковники неоднократно переписывались, имели широкое хождение среди наших книжников, оказывая глубокое влияние как на развитие письменной культуры, так и на распространение просвещения.

Первыми печатными словарями у восточных славян были «Лексис» Лаврентия Зизания Тустановского, опубликованный в Вильне в 1596 году, и «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды, вышедший первым изданием в Киеве в 1627 году. Эти труды сыграли выдающуюся роль в развитии всей восточнославянской культуры.

Петровская эпоха знаменуется появлением многочисленных переводных дву- и многоязычных словарей, предназначавшихся для изучения иностранных языков и переводческой деятельности. Среди них можно выделить ряд работ, представляющих богатство словарного состава русского литературного языка того времени: «Лексикон треязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собраное и по славенскому алфавиту в чин расположеное» Федора Поликарпова, вышедший в Москве в 1704 году, «Немецко-латинский и русский лексикон», изданный в Петербурге в 1731 году, и др. В XVIII веке появляются в России значительные по объему словари иностранных слов, словопроизводные, словари церковнославянского языка.

В XVIII веке русскими филологами была осознана необходимость создания словаря современного литературного языка. 21 октября 1783 года состоялось научное заседание Российской академии, и самой неотложной сгоей задачей все члены Академии признали составление словаря родного языка. О большой нужде в таком словаре и неотложности его составления говорил еще в 1735 году В. К. Тредиаковский в речи «О чистоте российского слова» на открытии «Российского собрания любителей русского слова», учрежденного при Академии наук. В черновых записях М. В. Ломоносова к его «Российской грамматике» (1755) упоминается о планах создания «Лексикона русских примитивов»: «Положить проект, как сочинять лексикон».

В XVII—XVIII веках Академии наук в европейских странах — Испании, Франции и других — создавались специально для составления национальных словарей,

Чрезвычайно богата русская академическая словарная традиния. В короткий срок был составлен шеститомный «Словарь Академии Российской» (1789—1794), называемый словопроизволным. так как построен он по алфавиту основных, коренных слов, пол которыми помещались все производные. В работе над словарем приняли участие 47 членов Академии (из 60), среди которых было много выдающихся ученых, писателей. Выбирали слова и объясняли их Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин. И. Ф. Богданович, И. И. Лепехин, Е. Р. Дашкова, И. И. Шувалов. А. И. Мусин-Пушкин. В 1806-1822 годах вышел значительно пополненный «Словарь Акалемии Российской, по азбучному поряпку расположенный». Эти словари открывают ряд замечательных лексикографических работ XIX — начала XX века. о части которых мы расскажем на странинах этого номера (см. также: «Русская речь», 1967, № 4; 1969, № 3). Академия издала также ряд крупных областных и исторических словарей, специальных справочников.

30 лет собирал материалы для своего «Лексикона» П. Берында, всю жизнь отдал «Толковому словарю» В. Даль. О тяготах работы словарника писал французский филолог XVI века Ж. Скалигер:

Если в мучительские осужден кто руки, Ждет бедная голова печали и муки, Не вели томить его делом кузниц трудных, Не посылать в тяжкие работы мест рудных: Пусть лексикон делает — то одно довлеет, Всех мук роды сей един труд в себе имеет.

(Перевод Феофана Прокоповича)

Укажем здесь также, что знаменитый Оксфордский словарь английского языка в 13 томах (1-е издание закончено в 1928 году) составлялся 50 лет, а издание Словаря немецкого языка братьев Гримм в 16 томах заняло столетие (1854—1954).

Значительное изменение языка в революционную эпоху (пополнение словарного состава множеством слов, обозначающих новые понятия, быстрое отмирание слов, уходящих в прошлое вместе со старым общественным строем), курс молодого Советского государства на распространение грамотности и подъем общей культуры народа — все это поставило перед русскими словарниками совершенно новые залачи.

О развитии отечественного словарного дела заботился В. И. Ленин. В тяжелое для Советской России время написаны были им следующие письма:

18.I.1920 r.

Тов. Луначарский!

Недавно мне пришлось— к сожалению и к стыду моему, впервые, ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел. Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек? Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

He делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообшите мне Ваше мнение.

Ваш Ленин

5.V.1920 r.

Т. Покровский!

Мне случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка. Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно). Засадить на паек человек 30 ученых или сколько надо, взяв, конечно, негодных на иное дело,— и пусть сдедают.

Луначарский сказал, что об этом он уже думал и что это не то делается не то будет сделано.

Будьте любезны проверить, делается ли, и черкнуть мне.

Ваш Ленин

Ленинские указания об издании словаря «настоящего русского языка» явились почетным и очень важным заданием для советских словарников.

Русская советская лексикография достойно продолжает традиции дореволюционного словарного дела. Вместе с тем у нас впервые в мире выдвинута теоретически и блестяще осуществлена практически идея создания целой системы словарей современного литературного языка, словарей разного объема, назначения.

Первой законченной работой советских словарников-русистов был четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова (1935—1940; переиздан в 1947—1948) — нормативный словарь, отразивший изменения, произошедшие в языке в 20—30-х годах. Роль этого популярного труда в осознании нормы современного языка, в широком распространении культуры устной и письменной речи переоценить трудно. В 1957—1961 годах издан еще один четырехтомный «Словарь русского языка», в котором значительно усовершенствована система нормативно-стилистических помет, состав словника пополнен новыми словами, вошедшими в язык в 40—50-х годах. Теперь начата работа над новым изданием четырехтомного академического словаря. Поистине книгой для всех стал у нас массовый однотомный

«Словарь русского языка», составленный профессором С. И. Ожеговым. С 1949 года он выходил уже девять раз, новое, дополненное и переработанное его издание вышло в этом году. И особое место, как высшее достижение русской советской лексикографии, занимает в этом ряду толковых словарей русского языка Большой академический семналиатитомник.

0

Большой академический словарь был задуман как толково-исторический и нормативный. Перед его составителями стояла задача с наивозможной полнотой отобрать и объяснить общеукотребительные слова, имеющиеся в художественной, научно-популярной, политической и иной широко распространенной литературе от Пушкина до наших дней, показать образцовое словарное богатство русской речи. Для этого самого авторитетного руководства по русскому языку из миллионов слов приходилось делать отбор самых нужных. Их в семнадцатитомнике оказалось 120 480, соответствующих образцовым нормам русского словоупотребления 50—60-х годов нашего века.

Ботатейшими смысловыми гранями сверкает русское слоьо в Большом академическом словаре. Вот, например, определение основного значения слова человек: '1. Общественное существо, способное производить орудия труда, обладающее сложно организованным мозгом и членораздельной речью; отдельная личность'. И первой иллюстрацией в словарной статье поставлено пушкинское высказывание: «Что и составляет величие человека, ежели не мысль?»; а следом: «Человек есть организм сложный, а потому и внутренний его мир до крайности разнообразен». Салтыков-Щедрин; «Вы — человек, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явление на земле». Горький; «Человек и природа существуют только во времени и пространстве». Ленин.

При этом же значении выделено устойчивое сочетание как один человек — 'все сразу, единодушно' — с примерами из Ленина и Мамина-Сибиряка. С пометой «устарелое» приведена форма множественного числа человеки, -ов, проиллюстрированная цитатами из Батюшкова и Грибоедова; а на то обстоятельство, что в особом случае и теперь возможно применение этой формы, указывает нам далее помета «шутливое», например: «Ну, ну... идите! Идите... живите! (Степан и Катя уходят.) Эх... милые вы мои человеки...». Горький; «В девятнадцатом веке чудно жили человеки — пили водку, пили пиво, сизый нос висел, как слива». Маяковский.

Специально разъясняется выражение все мы люди, все мы человеки — со слабостях человеческой природы. Так же подробно рассмотрена в Словаре звательная форма от человек — человече: «устарелое» и «шутливое». При этом же значении указаны устойчивые сочетания и связанные употребления слова: великий, большой (или маленький, ничтожный) и т. п. человек с примерами из

Пушкина, Л. Толстого, М. Горького; свой, близкий (или чужой, далекий) и т. п. человек с примерами из Изюмского и Кетлинской; человек с умом, с сердцем, с совестью и т. п. с примерами из Достоевского и Писемского; человек дела, слова, жизни и т. п. с примерами из Писарева и Куприна и т. д. (Мы не привели и половины этих выражений.) При том же значении указаны три особых оттенка, столь же полно проиллюстрированные, дана фразеология.

В качестве особого значения выделено «устарелое» — '2. Дворовый; вообще слуга мужского пола, лакей', показано употребление его у Пушкина, Герцена, Мамина-Сибиряка; приведены устойчивые сочетания и связанное употребление слова: крепостной, дворовый человек с примерами из Пушкина и Гоголя, чей-нибудь человек — у Пушкина и Лескова. При этом значении есть оттенок: 'слуга в трактире, ресторане' — с примерами из Боборыкина и Чехова. В конце словарной статьи помещена справка о том, что слово это есть в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в «Лексиконе треязычном» Федора Поликарнова.

Вся словарная статья, которую мы вкратце (!) здесь пересказали, занимает 201 строку самого убористого текста, но она отнюдь не самая большая. Если обратиться к словам того же гнезда, то в семнадцатитомнике мы найдем солидные словарные статьи на прилагательные человеческий, человечий и человечный; с пометой «разговорное» в отдельных статьях приводятся слова человечек, человечина, человечинка, человечица, человечишка, человечище; два значения указаны только к устарелому прилагательному человечественный, проиллюстрированному примерами из Белинского и Герцена; подробно рассмотрено стилистически нейтральное слово человечество; из сложных слов в отдельные словарные статьи выделены человеколюбец, человеколюбивый, человеколюбие, человеконенавидение, человеконенавистник, человеконенавистнический, человеконенавистничество, человекообразный, человекоподобный, человекоубийственный, человекоубийство, человекоубийца: с пометой «специальное» найдем мы здесь же две словарные статьи *человеко-день* и *человеко-час* — с примерами из произведений Кирова и Овечкина.

Детальная смысловая и литературно-историческая разработка словарных статей, глубоко теоретически продуманная и искусно примененная система нормативно-стилистических указаний, широкий охват лексики — все это делает Словарь неоценимым пособием по культуре русской речи. Составители немало потрудились и над тем, чтобы полно показать особенности произношения слова, дать исчернывающую грамматическую его характеристику.

При весьма широком охвате материала составители выполнили и такую кропотливую работу, как указание на словарь, который первым поместил толкуемое слово (в тех случаях, когда оно не впервые введено в этот Словарь).

Важно и то, что семнадцатитомник служит богатым и достаточно надежным справочником по орфографии. Толковые словари и в прежние времена выполняли подобную роль, поскольку собственно орфографических словарей с большим словником до недавнего времени не было. Недаром В. И. Ленин в одном из писем о словаре (19 мая 1921 года) специально обращает внимание на вопросы правописания, ибо одной из важных задач, которую должен был выполнить новый словарь, являлась задача внедрить новые, утвержденные Советской властью, нормы правописания.

Письмо, о котором идет речь, было направлено тоглашнему заместителю наркома просвещения РСФСР Е. А. Литкенсу. Убедившись, что А. В. Луначарский и М. Н. Покровский из-за чрезмерной перегруженности не могут уделить достаточно внимания задуманному словарному предприятию, В. И. Ленин дает конкретные поручения работникам Наркомпроса. Текст письма гласит:

[Е. А. Литкенсу]

Воспользуйтесь отдыхом Покровского, чтобы, не обременяя его администрированием, начать работу по составлению словаря русского языка.

- 1) Назначьте комиссию 3—5 лучших филологов. Они должны в 2 недели разработать план и состав оконтательной комиссии (для [определения] работы, ее состава, срока и пр.).
- 2) Задание краткий (малый «Лярусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образдового, современного. По новому правописанию.
- 3) По их (3—5) докладу научно-ака ∂ емический центр должен утвер- ∂ ить. Тогда к осени начнем.

Как видим, В. И. Ленин особо подчеркивает важность нового правописания в словаре.

Составители четырехтомного «Толкового словаря русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова выполнили большую работу и в этом направлении, ибо «старались, поскольку это было в их силах, придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка» (из Предисловия к первому тому).

Однако невысокий еще уровень разработки орфографических проблем, слабая оснащенность справочными материалами не позволили достаточно полно решить в этом словаре всю совокупность орфографических вопросов. Вот почему авторитетный знаток орфографии русского языка и один из составителей семнадцатитомника член-корреспондент АН СССР В. И. Черныпев, в целом весьма высоко оценивая «Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова, указывал на орфографические недочеты, разнобой в написа-

нии отдельных слов. «...Сами составители толкового словаря. писал он, — совершенно запутались в вопросах отдельного и слитного правописания, так что дают в тексте Толкового словаря одни

и те же примеры с разными написаниями.

Bконец разорить (под B). B конец разорить (под K). Купил лошадь и $enpu\partial avy$ получил уздечку (под B). Выменял ружье на седло да в $npu\partial a$ чу получил новую уздечку (под Π). Спрашивать вразбивку таблицу умножения (под В). Спрашивать в разбивку (под P). Надеть рубашку наизнанку (под H). Вывернуть пальто на изнанку (под Й)» [цитируется по рукописи, хранящейся в Институте русского языка АН СССР: В. И. Чернышев. Толковый словарь русского языка. (Критический отзыв)].

В 17-томном словаре сделан большой шаг вперед в вопросе устранения еще не всюду изжитого разнобоя в написании отдельных

групп слов.

Известное положительное значение в этом случае имел и тот факт, что в годы, когда начал издаваться словарь, были утверждены «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956).

Строгое единообразие в написании слов и их форм имеет важное значение для культуры языка, способствует повышению культуры русской речи.

Семнадцатитомник по праву получил широкое общественное признание, им пользуются писатели, научные работники, журналисты, переводчики, педагоги — все, кто изучает великий русский язык в нашей стране и за рубежом. Но этим не исчерпана его роль в развитии нашей культуры, науки и просвещения. Он оказался необходимой базой для создания целой серии специальных словарей - и тех, которые начинают уже выходить, и тех, над которыми работают теперь наши словарники: это словари фразеологические. синонимические, словари новых слов, трудностей словоупотребления и т. п. Они призваны удовлетворить все растущую потребность общества в познании родного языка.

Открывая номер «Русской речи», посвященный отечественным толковым словарям, Редакционная коллегия поздравляет составителей Большого академического словаря с высокой наградой и желает славному отряду советских словарников-русистов новых творческих успехов. Редколлегия обращается к читателям, любителям русского языка, с призывом следовать примеру нашего великого поэта А. С. Пушкина, который «заглядывал встарь в Академический словарь».

JIEHUHCKUE JIAYPEATUI--CJOBAPHUKU



огда было решено подготовить новый академический словарь — будущий 17-томный «Словарь современного русского

литературного языка», возглавить организацию этого необычайно ответственного дела поручили члену-корресполденту АН СССР В. И. Чернышеву.

Создавался новый тип академического словаря: словарь, призванный удовлетворить культурные запросы широких слоев советского общества, словарь классического русского языка (от Пушкина до наших дней). Прежний академический словарь «шахматовской редакции», издание которого чрезвычайно затянулось и было прекращено, пытался охватить русский язык во всех его разновидностях и формах; в результате литературный язык не был отделен от народных говоров.

В проекте нового академического словаря предполагалось описать слова образцового русского языка. Для этого необходимо было «просеять» весь огромный словарный запас, взвесить и оценить каждое слово с тем, чтобы признать его «права» на включение в словарь.

В. И. Чернышев и его сотрудники энергично принялись за создание «Словаря современного русского ли-

тературного языка». Первый том его должен был выйти в конце 1941 года, но этому помешала война, и книга увидела свет только в 1948 году. Василий Ильич был главным редактором первых двух томов. Смерть прервала его самоотверженную работу. Но дело, начатое замечательным русским ученым, было продолжено его соратниками и учениками.

Путь В. И. Чернышева в науку необычен. 25 лет он был учителем четырехклассного училища, совмещая педагогическую работу с научными занятиями. Размах научной деятельности Василия Ильича чрезвычайно широк: им написано свыше 500 работ по русскому языку, фольклору, этнографии, диалектологии И педагогике. Академик А. А. Шахматов называл В. И. Чер-«отличным знатоком русского языка» и особенно поощрял его занятия лексикологией и лексикографией; словарному делу Чернышев отдал в общей сложности более 50 лет жизни.

В русском языкознании есть одна область, само возникновение которой связано с именем этого ученого. Мы говорим о стилистике русской литературной речи. Его знаменитая кпига «Правильность и чистота русской речи», написанная в начале на-

中華中華中華中華中華中華中華



В. И. Чернышев

шего века и до сих пор не потерявшая значения, в свое время была явлением выпающимся.

После смерти В. И. Чернышева работу по дальнейшему составлению и редактированию академического Словаря возглавил член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов. Он был главным редактором 2-го (вместе с В. И. Чернышевым) и 3-го томов и председателем редакционной коллегии 4-го тома.

В это время происходит переход от полугнездового принципа расположения материала в словаре к строго алфавитному, что значительно облегчало пользование изданием в справочных целях. Этот переход не был чисто технической перестройкой; он потребовал усовершенствований, уточнений и изменений в толкованиях слов, в их грамматической характеристике и т. п.

Много сил и энергии отдал С. Г. Бархударов организации и воспитанию молодых лексикографов будущих составителей и редакторов академического словаря. Теперь словарный сектор Института русского языка АН СССР, находящийся в Ленинграде, — крупнейший лексикографический центр страны. В нем трудятся более 60 лексикографов, которые после завершения работы над 17-томным и 4-томным словарями русского языка, создали еще ряд важных лексикографических пособий: два синонимических словаря, словарь трудностей русского языка, словарь новых слов и словоупотреблений и др. Многие из сотрудников словарного сектора — ученики Степана Григорьевича.

С. Г. Бархударов явился инициатором создания 4-томного академического Словаря русского языка; он был председателем редакционной коллегии первого тома. Теперь Степан Григорьевич руководит новым большим лексикографическим предприятием - «Словарем древнерусского (в 4-х томах), в котором языка» будет представлена лексика древнерусских памятников XI-XVII веков. Перу С. Г. Бархударова принадлежит ряд обобщающих статей по теории и истории лексикографии.

Степан Григорьевич Бархударов знаком не только специалистам-филологам, но и самым широким кругам советского общества; по его школьной «Грамматике русского языка» училось много поколений советских людей. Преподавание русского языка в советской школе за последние тридцать лет неразрывно связано с именем С. Г. Бархударова. Степан Григорьевич много сделал в



С. Г. Бархударов

области методики преподавания русского языка в школе; длительное время он был ответственным редактором журнала «Русский язык в школе», а ныне является главным редактором журнала «Русский язык в национальной школе».

Но в круг интересов ученого всегда входили не только вопросы теории, методики и практики преподавания; его интересовали вопросы грамматики, словообразования, орфографии и пунктуации современного языка, а также проблемы исторической грамматики и истории русского языкознания.

С. Г. Бархударов — прекрасный организатор. Он был заместителем директора Института языка и мышления АН СССР, ученым секретарем Отделения литературы и языка, заместителем директора Института AΗ CCCP. c русского языка 1953 года — заместитель академикасекретаря Отделения литературы и языка АН СССР, Теперь он стоит во главе Научного совета по лексикологии и лексикографии при Отделении литературы и языка АН СССР.

Много сил, энергии и творческого вдохновения отдал 17-томному Словарю член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. С первого тома «Словаря современного русского литера-

турного языка» он был членом главной редакции словаря, активным участником обсуждения и выработки его теоретических установок. Он редактор 7-го тома, а начиная с 6-го становится во главе редакционной коллегии этого грандиозного научного предприятия и руководит работой словарного коллектива до окончания составления словаря. В это время уточняются и окончательно утверждаются теоретические принципы академического словаря, издается инструкция по его составлению. Составление словаря национального языка — особенно такого объема, 17-томный Словарь Академии наук СССР, - дело чрезвычайно сложное В успешном завершении замыслов подобных работ решающую роль играет руководство большим колученых. лективом Φ. Π. Филин проявил себя прекрасным организатором словарного дела. На всем проработы Федот Петрович тяжении стремился смягчить наметившееся при первоначальном замысле словапротиворечие между нормативными установками его и историческим подходом к разработке лексического запаса. В том, что 17-томный Словарь сохранил единство принципов в отборе слов, их истолковании и нормативно - стилистической оцен-



 Φ . Π . Φ_{HAHH}

ке большая заслуга принадлежит Ф. П. Филину. Федот Петрович был также членом редколлегии 4-томного Словаря русского языка.

Круг интересов Ф. П. Филина необычайно широк: история языка и диалектология, вопросы этногенеза славян и лингвистическая география. проблемы языка и мышления, нормы современной литературной речи и социальная лингвистика, лексикология и лексикография. Более 190 опубликованных работ, среди которых семь больших монографий, - таков вклад Федота Петровича в науку о русском языке. При всем многообразии научных интересов три основных направления отчетливо выделяются в творчестве Ф. П. Филина: история языка, русская диалектология и лексикография.

Ему принадлежит первая монография по диалектной лексике — «Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии». В 30-е годы по инициативе Ф. П. Филина была развернута широкая работа по подготовке диалектологического атласа русского языка. Разработана и опубликована программа для собирания материалов, организованы экспедиции, в которых принимали участие работники многих вузов страны.

Вместе с М. Д. Мальцевым Ф. П. Филин издает «Лингвистический атлас района озера Селигер».

Федот Петрович — один из лучших современных знатоков истории древнерусского языка. В этой области ему принадлежат такие исследования, как «Очерк истории русского языка до XIV столетия», «Лексика литературного языка древнекиевской эпохи» (в этой книге впервые широко поставлен вопрос об особенностях древнерусской лексики, прежде всего о древнерусских диалектах по лексическим данным).

Много трудится ученый над сложными проблемами формирования языка древнейших славян и вычленения из него восточнославянского языка. Итог этих разысканий — книга «Образование языка восточных славян». Сейчас им закончена большая монография, посвященная древнерусским диалектам и возникновению на их базе языков русской, украинской и белорусской народностей.

Вместе с тем Ф. П. Филин не ослабляет внимания к теории и практике русской лексикографии. Еще в процессе работы над 17-томным Словарем он публикует ряд статей, посвященных новому нормативно-стилистическому словарю современного



А. М. Бабкин

русского литературного языка и вопросам составления словарей народных говоров.

В 1961 году выходит в свет книга Ф. П. Филина «Проект Словаря русских народных говоров», в которой изложены теоретические и методические основы Словаря. Фелот Петрович составил 1-й выпуск, он главный редактор всего этого многотомного издания, оно будет заключать в себе более 300 тысяч слов народной речи. «Проект Словаря русских народных говоров» вышел за рамки проекта в обычном понимании. Эта книга явилась значительвкладом в развитие теории диалектной лексикографии и лексикологии.

Много внимания уделяет Ф. П. Филин и общему языкознанию, разрабатывая проблемы теоретического характера.

Ф. П. Филин — незаурядный организатор науки. Он был заместителем директора Института русского языка АН СССР, ученым секретарем Президиума АН СССР, директором Института языкознания АН СССР; в настоящее время — директор Института русского языка и заместитель академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР.

Творческий путь доктора филологических наук Александра Михайловича Бабкина может служить примером роста ученого, занятого исключительно словарной деятельностью. Начав свои научзанятия в словарном секторе в качестве составителя словарных статей, он становится затем редактором 4-го тома «Словаря современного русского литературного языка», тома, как говорилось выше, в котором окончательно утвердился тип словаря. Он также соредактор пятого тома. Александр Михайлович — ближайший помощник С. Г. Бархударова и Ф. П. Филина во всей огромной научной и организационной работе по изданию академического словаря. Он — заместитель председателя редакционной коллегии, в течение ряда лет заведовал словарным сектором.

Длительное время А. М. Бабкин занимается вопросами русской фразеологии. Он подготавливает проект фразеологического словаря — «Лексикографическая разработка русской фразеологии» и продолжает разработку вопроса в теоретическом плане. В 1970 году вышла из печати его монография «Русская фразеология. Ее развитие и источники».

Многие читатели пользуются благожелательно встреченным научной общественностью «Словарем иноязычных выражений и слов», соста-



С. П. Обнорский

вленным А. М. Бабкиным. Он же редактировал очень полезный «Словарь пазваний жителей РСФСР» (сейчас готовится второе издание).

В настоящее время А. М. Бабкин занимается подготовкой пового академического большого словаря русского языка, в котором найдет отражение и лексика русского языка последнего времени. Одновременно он работает над весьма нужным справочным пособием — «Словарем крылатых слов» и монографией по теории и истории лексикографии.

Ученый с мировым именем, первый директор Института русского языка АН СССР, академик С. П. Обнорский известен прежде всего как историк русского языка (sa одну из своих монографий «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» он был удостоен в 1964 году Государственной премии), как исследователь древнерусских памятников, как выдающийся знаток морфологии и фонетики русского слова. Но одновременно Сергей Петрович - замечательный лексикограф. Ученик А. А. Шахматова, очень много сделавше-TO пля развития отечественной лексикографии, Сергей Петрович еще в 1912 году, 24-летним ученым, был привлечен к составлению академического словаря. С тех пор болсе сорока лет он был тесно связан со словарной работой, со всеми этапами перестройки академического словаря.

Нередко называют «Словарь современного русского литературного языка» — ленинским. Это справедливо, так как его делали согласно тем идеям, которые Ленин высказал руководству Наркомпроса РСФСР в 1920—1921 годы по поводу словаря «настоящего русского языка». К этому следует добавить, что еще до того, начали составлять словарь, Обнорский отдал распоряжение расписать на лексические карточки все 3-е издание Сочинений В. И. Ленина.

Таким образом, многомиллионная картотека слов русского языка, авляющаяся той базой, на основе которой и создаются академические словари, впитала в себя лексику ленинского языка, приобрела соответствующее духу времени определенное качество. В создании картотеки решающую роль сыграл С. П. Обнорский.

До последних лет жизни, даже будучи больным, С. П. Обнорский продолжал заботиться о «Словаре современного русского литературного языка», как о своем родном деле. Будучи членом редколлегии, он прочитал рукописи 13 томов словаря, подбирал для него новые лексические



Е. С. Истрина

материалы, давал ценнейшие советы работникам словаря.

Следует добавить, что Сергей Петрович был членом редакционной коллегии и академического 4-томного «Словаря русского языка». Под его редакцией издан широко известный однотомный «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым.

В формировании нового академического словаря, выработке его принципов много сделала и член-корреспондент АН СССР Евгения Самсоновна Истрина. Широко известны труды Е. С. Истриной по истории русского языка, в первую очередь ее работа «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи», оказавшая большое влияние на дальнейшее развитие отечественной науки. Евгения Самсоновна также была ученицей А. А. Шахматова и научным издателем его «Синтаксиса русского языка». Эта работа потребовала немало сил, но и многое принесла Е. С. Истриной в расширении и углублении грамматических знаний. Являясь выдающимся теоретиком в данной области современного русского языка (Евгения Самсоновна была одним из создателей академической Грамматики русского языка), она больше всего занималась разработкой грамматической части словаря. Е. С. Истрина имела многолетний личный составительский опыт в академическом словаре старой редакции щедро делилась им с молодыми словарниками.

Подобно С. П. Обнорскому, Евгепия Самсоновна до конца своих дней, насколько ей позволяли силы, как член редакционной коллегии принимала участие в работе по составлению словаря.

Большую помощь молодым словарникам в овладении лексикографическим мастерством оказал семинар «Основы словарной работы», который в течение целого года вела Е. С. Истрина.

В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, Е. С. Истрину можно отнести к зачинателям «Словаря современного русского литературного языка». Их роль (особенно В. И. Чернышева) в подготовке теоретических принципов словаря и его картотеки, в первоначальной организации этого предприятия очень значительна. На ныне здравствующих лауреатов легла основная масса всей работы по рукоизменению водству изданием. формулированию окончательному его принципов, по руководству большим коллективом составителей и редакторов словаря.

CORPOBNIMHMIA PYCCKIX CJOB

усский язык очень богат. Сколько же в нем слов? Учитываются ли вновь появляющиеся слова и, если учитываются, где и как это делается? В ленинградском отделении Института языкознания АН СССР существует словарный сектор, основная задача которого — создание словарей русского языка различных типов. Чтобы создавать словари (толковые, синонимические, трудностей словоупотребления и другие), нужно множество примеров употребления слов в самых разнообразных контекстах. Большая картотека словарного сектора представляет собой именно такое собрание. В ней систематизируются материалы, дающие возможность вести словарную работу, учитываются слова, появляющиеся в русском языке. Ясно, что качество словарей непосредственно зависит от характера и количества источников. Известный советский лексикограф С. И. Ожегов писал: «Основой для всех типов словарей должна являться богатая разносторонняя картотека произведений художественной и нехудожественной литературы. Только хорошо продуманная картотека, учитывающая всех безусловно значительных по своему общественному влиянию авторов, может служить прочной базой для отбора слов в разные типы словарей» («Вопросы ния», 1952, № 2).

Основатель теперешней картотеки словарного сектора академик Я. К. Грот и затем академик А. А. Шахматов придавали ей очень большое значение. Картотека начала создаваться в соответствии с замыслом академического словаря. Этим определился и круг емисточников.

В настоящее время в картотеке собрано более 6 миллионов карточек-цитат из произведений различных жанров. Каждая карточка регистрирует употребление слова в каком-либо произведении. Это не только произведения художественной литературы, но и публицистика, научная и научно-популярная литература, деловая литература, письма, мемуары, и т. п. Подсобными, но важными источниками служили также разного рода словари (главным образом XIX века), энциклопедии. Более подробно об источниках картотеки можно прочитать в книге «Лингвистические источники. Фонды

Института русского языка» в разделе «Словарная картотека совре-

менного русского литературного языка» (М., 1967).

Поскольку картотека служила прежде всего базой для академического толкового словаря, то и материалы ее должны были соответствовать тем задачам, которые ставили перед собой создатели словаря. А задачи эти чрезвычайно многообразны. Словарь требует наиболее полного охвата различных языковых явлений. Поэтому в материалах картотеки отражено разнообразие значений слова, оттенков значений и употреблений, основная и вариантная формы слова, сочетаемость его, фразеологические единицы.

В картотеке есть устарелые слова (свирецство, окрест, аше) и слова, вошедшие в русский язык недавно (акваланг, аквалангист, прилуниться, лизин); слова нейтральные (голова, ходить, земля, сейчас) и слова, употребляемые преимущественно в просторечии (чуток, шибко, неважнецкий). Картотека дает сведения о самых различных словах русского языка. Вот лишь один пример. Материалы картотеки номогают установить, что слово авоська, зарегистрированное в середине XIX века, употреблялось в значении будущий желанный случай, счастье, удача, стот, кто делает все на авось. В этом значении слово авоська отмечено в Толковом словаре В. И. Даля. В значении сетчатая сумка для продуктов слово авоська начинает употребляться примерно в 30-е годы нашего столетия. Однако тогда слово авоська в этом значении еще не получило прав гражданства в языке. Оно не зарегистрировано в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Л. Н. Ушакова. В произведениях художественной литературы оно обычно заключалось в кавычки: «Больше было женщин с "авоськами", с мешками» (Гладков. Малашино счастье); «...Хлопотливые хозяйки с клеенчатыми сумками и плетеными "авоськами"» (Панова. Времена года). Только в последние годы слово авоська признано полноправным. оно уже не заключается в кавычки, хотя и имеет разговорный характер: «[Клава] отдала ему только авоську с бутылочками» (Чивилихин. Про Клаву Иванову); «...В дверях появился высокий сухощавый господин с авоськой в руках» (В. Некрасов. Месяц во Франции).

Картотека словарного сектора стала не только хорошей основой для составления словарей, но и источником, с помощью которого создавались различного рода работы, поскольку она представляет собой наиболее полное собрание слов русского языка. Только на букву А (не самую большую по количеству слов в русском языке) зарегистрировано 13 291 слово! Картотека использовалась при работе над академической Грамматикой русского языка, над «Очерками по исторической грамматике русского языка XIX века». Она и сейчас постоянно используется при работе над многими частными

исследованиями.

С 1947 года по настоящее время материалами картотеки пользовалось около полутора тысяч человек, в том числе и зарубежные ученые. В картотеке работали аспиранты, докторанты, научные

сотрудники, преподаватели Польши, Чехословакии, ГДР, Норвегии, Вьетнама и других стран. Из вспомогательного отдела картотека превратилась в крупнейшее собрание словарных материалов, имеющее самостоятельное научное значение.

Как же создавалась словарная картотека? Откуда взялось такое количество карточек? В 1886 году, когда было принято решение о создании академического толкового словаря, академик Я. К. Грот и его помощники начали выборку материалов из различных произведений XVIII и XIX веков. Такая работа при подготовке гротовского словаря проводилась впервые. В предисловии к первому тому говорится: «В прежнем акалемическом словаре выниски из книг делались очень редко, и притом большей частью из памятников старинной письменности; при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его, и источником для них служат все наши первоклассные и некоторые второстепенные Первыми и самыми деятельными помошниками писатели». Я. К. Грота в этой работе были молодые ученые, окончившие Петербургский университет, — Е. В. Петухов, Н. А. Смирнов, П. К. Симони и этнограф П. В. Шейн. Несколько позднее выпиской цитат из сочинений писателей занимались И. Ф. Наумов, Н. А. Иваницкий, С. И. Пономарев и другие. Позже, когда руководить работой стал А. А. Шахматов, границы словаря расширились, Шахматовский словарь был задуман как тезаурус (словарь живого русского языка во всех его проявлениях), с одной стороны, и как словарь, в котором предполагалось показать историю развития значений слова, — с другой. Поэтому источниками картотеки стали также материалы народных говоров, цитаты из учебников, научных произведений и руководств.

В этот период самое деятельное участие в пополнении картотеки принимали Н. Е. Васильев, В. А. Водарский, П. А. Дилакторский, П. А. Иваницкая, члены семьи П. К. Симони (сестра и дочери), Н. П. Шляков и мн. др. Значительный вклад в картотеку сделал И. Ф. Наумов: он выписал цитаты из произведений свыше 200 авторов, из 16 названий журналов, 12 названий газет. От него поступило в картотеку несколько десятков тысяч карточек (см. статью А. В. Семерикова «Из истории академической словарной картотеки» в указанной книге «Лингвистические источники...»).

В период первой мировой войны и революции работа по составлению словарей была прервана. Осенью 1917 года картотека вместе с другими ценными материалами Академии наук была эвакуирована из Петрограда в Саратов. В 1920—1921 годах научные ценности были возвращены в Петроград. В организации этого дела принимал непосредственное участие В. И. Ленин. Владимир Ильич дал указание В. Д. Бонч-Бруевичу «экстрепно и изо всех сил помочь в перевозке рукописей». Вот что рассказывает об этом В. Д. Бонч-Бруевич в своих боспоминаниях «В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.)»:

«Для перевозки академического имущества был снаряжен особый товарный поезд с прицепом пассажирского вагона, в котором поместился В. И. Срезневский, назначенный начальником экспедиции, и несколько его помощников — служащих Академии. Служащие Академии и отряд, выделенный пля охраны резвакуированных ценностей, были снабжены необходимым провиантом по списку, лично утвержденному Владимиром Ильичем. Саратовским городским и железнодорожным властям были даны телеграммы о важности этой экспедиции. Владимир Ильич лично переговорил по прямому проводу с секретарем Саратовского партийного комитета и представителем Совета рабочих и солнатских депутатов возложил на них ответственность за всю реэвакуацию. Ф. Э. Дзержинскому было поручено по линии ВЧК оказать всяческое содействие этому делу. Поезд был составлен в Москве и осмотрен технической комиссией. С каждой большой станции в Управление делами посылали тенеграфное уведомление о следовании поезда, и об этом тотчас же докладывали Владимиру Ильичу.

В Саратове все имущество было благополучно погружено в несколько дней.

Владимир Ильич лично следил за прохождением этого поезда». Накопление словарных материалов заметно увеличивается с 1927 года. К началу 1938 года в картотеке было около трех миллионов карточек. К этому времени издание «Словаря русского языка» под редакцией А. А. Шахматова прекратилось. Перед словарным сектором уже в 30-е годы была поставлена задача создания нового «Словаря современного русского литературного языка». В соответствии с этим сузились хронологические рамки собираемого материала и его состав. Более четкое определение границ литературного языка в значительной степени повлияло и на выбор источников картотеки. Она стала по существу картотекой лексических материалов литературного языка XIX и XX веков с включением в нее некоторого, довольно значительного количества материалов народных говоров и языка XVIII века.

В пополнении картотеки принимали личное участие такие известные филологи, как академик С. П. Обнорский, член-корреспондент АН СССР В. И. Чернышев, И. А. Фалеев, Д. К. Зеленин. Особенно велик вклад С. П. Обнорского; до последних дней жизни он присылал карточки с выписанными им цитатами.

Великая Отечественная война прервала работу по собиранию и систематизации словарных материалов. Возобновилась она в 1948 году. Встал вопрос о пополнении картотеки. Для того чтобы накопление материала было равномерным, по заданию Ф. П. Филина было подсчитано количество всех цитат и количество современных цитат к каждому слову. Оказалось, что, например, к слову урок в картотеке 208 цитат, из них 90 современных; к слову перелетать — соответственно 36 и 7 и т. д. Однако первое время работа шла медленно: не хватало средств, мало было штатных сотрудников.

Обстановка изменилась в 50-е годы, после того как в работу включилось Издательство иностранных и национальных словарей (руководитель К. А. Марцишевская). С 1952 по 1958 год в словарном секторе велась интенсивная работа над четырехтомным «Словарем русского языка» и одновременно продолжалась работа над «Словарем современного русского литературного языка» в семнадцати томах. Благодаря средствам, отпущенным издательством, картотеку удалось увеличить почти вдвое, особенно на буквы второй половины алфавита, которые до этого были представлены совершенно неудовлетворительно. Если бы не это обстоятельство, семнадцатитомный и четырехтомный словари вообще не могли бы быть составлены.

Большую роль в пополнении картотеки сыграли заведующие словарным сектором члены-корреспонденты АН СССР С. Г. Бархударов и Ф. П. Филин, создавшие и обучившие большую группу внештатных выборщиков.

Очень много внимания организации работы по выборке материалов из разного рода источников и их систематизации уделял А. В. Семериков, сотрудник словарного сектора, заведовавший картотекой в течение почти тридцати лет. Под его руководством материалы были объединены в один общий алфавит, были написаны словоразделители. Все это сделало картотеку доступной для пользования. Благодаря усилиям А. В. Семерикова и работников картотеки, материалы ее всегла содержались в порядке несмотря на постоянную работу посетителей. В настоящее время пополнение картотеки продолжается. Задача картотеки словарного сектора — вести наблюдение за раздичными источниками, в которых отражается русский литературный язык, производить выборку материалов из них, отражать непрерывный рост словарного состава русского языка. Эта работа должна проводиться постоянно и достаточно широко. Тогда будут серьезные основания говорить об изменениях, происходящих в языке, о тех тенденциях, которые в нем намечаются. Это паст возможность регулярно издавать бюдлетени новых слов. Сейчас в словарном секторе полготовлен словарь-справочник «Новые слова» под редакцией доктора филологических наук Ю. С. Сорокина и кандидата филологических наук Н. З. Котеловой.

Наши словари не всегда успевают фиксировать вновь появляющиеся слова, изменения в их употреблении, сочетаемости. По разным причинам соответствующие материалы не сразу попадают и в картотеку словарного сектора. Чтобы не было остановок, нужна помощь всех любителей русского языка, чутко реагирующих на все новое, что появляется в языке и завоевывает в нем права гражданства.

Хотелось бы, чтобы все, кто любит русский язык, внесли в картотеку словарного сектора — подлинную сокровищницу русских слов — свой посильный вклад. (Ленинград, В-164, Университетская наб. 5, Словарный сектор Института языкознания).

P. P.

PYCCKIE MACATEJIA CJOBAPHIKA

Не потому, чтобы я чувствовал в себе большие способности к языкознательному делу; не потому, чтобы надеялся на свои силы... Нет, другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительным словарем: ничего более, «как» любовь, просто одна любовь к русскому слову, которая жила во мне от младенчества и заставляла меня останавливаться над внутренним его существом и выражением.

Н. В. Гоголь

оставители словарей не всегда имеют специальную подготовку. Однако ценность собранного ими материала йодоп удачно соперничает лексикографическими опытами ученых-специалистов. Подтверждение тому — легендарная слава автора «Толкового внаменитого словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, славного мичмана русского флота, инженерамостостроителя, писателя и врача.

Мало кто из русских писателей занимался лексикографией специально, большинство были лексикографами-любителями, собирателями, наблюдателями. Но и Лермонтов, переводивший Гете, в чем-то лексикограф, и Пушкин, заменяющий в «Деревне» горестный ярем на тягостный, — лексикограф, и Карамзин, поясняющий в «Письмах русского путешественника»: «скатились две лавины, или кучи снегу», - лексикограф; и еще, может быть, в большей степени лексикографы Гончаров, когда в «Фрегате "Паллада"» он сообщает, что в Сибири «проступающая сквозь лед вода, или вытекающие на ленский лед горные ключи, вероятно. минеральные, которые

иногда вовсе не замерзают, может быть, от присутствия в них газов», называются наледи; и Гоголь, поместивший в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» «по азбучному порядку те слова, которые в книжке этой не всякому понятны», например: бан-дура — инструмент, род гитары; батог — кнут; болячка — золотуха; бондарь — бочар и т. д. В этом смысле по-своему лексикографы и такие советские писатели, как А. Чапыгин и А. Толстой, первый - в своей практике подстрочного объяснения старинных слов, второй - в приемах не требующего комментария ввода их в ткань исторического романа.

Такие словарики, толкования отдельных слов, а также замечания на словари без конца встречаются в записках, дневниках, письмах и черновых набросках русских писателей. Нередко это беглые записи, иногда весьма обстоятельные, как у Достоевского по поводу слов стрюцкие и стушеваться в «Дневнике писателя», где раскрывается значение этих слов, происхождение и мотивы употребления их в литературов.

«,,Стрюцкие" есть слово простонародное, употребляющееся единст-

венно в простом народе и, кажется, только в Петербурге. Так что это слово, кажется, и изобретено в Петербурге, пишет Ф. М. Достоевский. — "Стрюцкий" есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а может быть, и всегда — пьяница-пропоица; потерянный человек... Это крикливая ничтожность... Слово "стрюцкие" произносится... с пренебрежением... Второй существенный признак пьяницы-пропоицы. называемого "стрюцким", кроме вздорности и неосновательности его, есть недостаточно определенное положение его обществе... Итак, "стрюцкий" это ничего не стоящий, не могущий нигде ужиться и установиться, неосновательный и себя не понимающий человек, в пьяном виде часто рисующийся фанфарон, крикун, часто обиженный и всего чаще потому, что сам любит быть обиженным, призыватель... караула, властей... В этом слове для литератора привлекательна сила того оттенка презрения, с которым народ обзывает этим словом... вздорных..., рисующихся в дрянном гневе своем людишек. Таких людишек много ведь и в интеллигентных кругах, и в высших кругах — не правда ли?.. Как удержаться и не обозвать иногда и этих высщих "стрюцкими". благо слово готово и соблазнительно тем оттенком презрения, с которым выговаривает его народ?».

Иногда в записях писателя имеется грамматическая характеристика слова (ср. у Пушкина о слове араб — «женского рода не имеет»), но главное в этой любительской лексикографии то, что характеристика слов дается без строго определенного плана, слова описаны изолированно друг от друга, определения их либо лаконичны до неточности, либо расплывчаты, и границы между лексикографией и житейской заметкой как бы не существует.

Но у одних писателей любительство перерастает в самостоятельный серьезный лексикографический труд, как это случилось с Далем. Другие передают свои записи составителям академических словарей, третьи оказываются тонкими официальными рецепзентами и авторами проектов известных словарей. Все

это, несомненно, составляет интереснейшие страницы не только писательских биографий, но в какойто мере и истории лексикографии в России. Как на литературной, так и на словарной работе писателей всегда лежит яркий отпечаток их времени.

Итак, век восемнадцатый... Как отразилась эпоха русского классицизма, западноевропейского влияния и становления основ национальной русской культуры в лексикографической практике писателей?

Тогла появилось у нас MHOLO писателей-лексикографов. светских Пристальнейшее их внимание приковывает к себе в это время перевод и объяснение новых иностранных слов. Так, В. К. Тредиаковский, переведя с французского «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели», приложил к нему небольшой словарик под названием «Французский с латинского и греческого перевод философическим званиям в сем Слове употребленным по-славенски, зделанный нарочно в ползу умеющим из наших по-французски для лучшаго им понятия оных званий», а М. Попов при переводе первой части поэмы Дора «На феатвозглашение» - словарик ральное «Речения вновь переведенныя», в котором declamation переводится как «возглашение», parterre — «поsympathie — «сострастие». М. И. Чулков составляет словарь иностранных слов для журнала «И то и сьо», М. Комаров — для сборника «Разные письменные материи», А. С. Шишков, будучи и писателем и адмиралом, создает словари морских терминов. Замечательна для этого времени попытка А. П. Сумарокова и Н. Г. Курганова заменить новые иностранные слова русскими, фрукты — плоды, сервиз – прибор, валет — хлап (А. П. Сумароков. О истреблении чужих слов из русского языка), жесты — телокривия, гардемарин — морестраж (Н. Г. Курганов. Русский словотолк).

Многие русские писатели XVIII века так или иначе принимают участие в составлении первого пормативного словаря русского литературного языка, «Словаря Академии Российской», который, по словам Н. М. Карамзина, «принадлежит к

числу тех феноменов, комми Россия удивляет внимательных иноземцев». Известно, что Д. И. Фонвизин составил знаменитый «План или начертание Словаря Российского языка». Он же автор многих предложений по его осуществлению.

Интересно и свидетельство М. Чумкова о том, что какой-то «Лексикон или словарь Российскаго языка, сочиняем был обще с Михаилом Поповым..., которого словаря до несколько тысяч вокабулов собране было... Но как Университетской типографии напечатан был лист словаря Российскаго языка, а притом и объявлено, что уже и весь оный сочинен, и мы увидя из того листа, что расположение в нем было точно так, как мы свое сочинение расположили, того ради оставили сие дело и истребили его на всякия ненужности, и можно сказать, что много стоило труда истребить его, следственно сочинить и еще того больше». Только после ломоносовской реформы, уже в период формирования новых норм литературпого языка, Фонвизин мог составить свой «Опыт российского сословника» — подобие синонимического словаря, в котором в один ряд были выстроены слова писец — писатель - сочинитель и приличное ранее лишь для божества творец, с определением их значения и оттен-Замечательно собирание необычных и вообще труднопонятных слов, которым занимаются многие русские писатели XVIII века (в том числе и Н. И. Новиков). На фоне всего этого ярко выступает лексикографическая деятельность М. В. Ломоносова-теоретика, выразившаяся прежде всего в замечательных разборах им словарей К. А. Кондратовича, Г. Дандоло и А. Богданова. Эти работы Ломоносова стали краеугольным камнем отечественной научной лексикографии.

Самый конец XVIII и начало XIX века ознаменованы в истории русской языковой культуры яростной борьбой шишковистов и карамзинистов. Адмирал Шишков, ставший президентом Российской академии, прилагает все силы к тому, чтобы русский литературный язык развивался на книжной, славянизированной основе, без примеси живых

разговорных и иностранных элементов. В ряду его лексикографических экспериментов находим и знаменитые галоши-мокроступы, и фортепьяно-тихогромы, и предложения от имени Академии говорить вместо аудитория — слушалище, а вместо актер — лицедей.

Карамзин напротив стремится сблизить литературный язык разговорным, ратует за мотивированное употребление славянизмов, за осторожное введение в русский необходимых иностранных язык слов, прежде всего интернационализмов. И недаром в примечаниях к его «Истории государства Российского» мы находим множество толкований древнерусских и татарских из летописей. Например: «Нестор пишет: в гроблю. Сие древнее слово употребляется в двояком смысле, означая плотину и ров»; «Сеунчь есть слово татарское и значит весть» и т. д. На титульном листе одного из экземпляров «Писем путешественника» русского изд.) — перечень иностранных слов из этой книги. Но не одному Карамзину было ясно в начале XIX века, что новый литературный язык должен впитать в себя западноевропейский элемент. Яркое тому свидесловотолковательство — «Новый тель, расположенный по алфавиту. содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины... как древних так и новых времен» (1803-1806) Н. М. Яновского, третьестепенного поэта и первоклассного лексикографа.

практическом осуществлении своего главного принципа - сближения литературного языка с разговорным - Карамзин шел по узкому и ложному пути ориентации на язык европеизированного салона. Не Карамзин, а Пушкин стал создателем национального русского литературного языка, который мог развиваться прежде всего на широкой народной основе, Пушкин место в литературном языке всем жизнеспособным на его почве русским и иноязычным элементам. Но Пушкин-поэт только мечтал о лексикографическом труде, не составляя словарей (если не считать небольшого списка турецких выраже-

ний с их переводом на французский в его черновиках). Называя словарь «уложением», он писал: «А право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов». И хотя в статье «Российская академия» критика эта у Пушкина мимолетна, здесь настойчиво звуубеждение в необходимости нового издания академического сло-Пушкин был слишком художником для большого лексикографического труда. Но зато его самого Гоголь сравнил со... словарем: «В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы, показал все его пространство». Речевое богатство Пушкина принадлежит уже новому, XIX веку, на развитие общественной мысли, языковой и общей культуры которого он оказал решающее влияние.

Писательский лексикографический XIX век развивается в России под знаком народности. Сложные идеологические процессы этой эпохи, связанные с проблемой народа (редекабриволюционная программа демократизм эстетический Пушкина и эволюция реалистического метода у его последователей, славянофильство во всех его видоизменениях, революционный демократизм разночинцев) получают отражение не только в бурном развитии исторической науки, этнографии и фольклористики, не только в художественной литературе и изобразительном искусстве, но и в лексикографических занятиях писателей. Собирание материалов живой народной речи привлекает русских писателей XIX века более всего.

В этом собирательстве тесно переплетаются две линии — этнографическая и, если так можно сказать, эстетическая. О первой можно говорить, когда собирают вообще не типичные для литературной нормы явления, территориально или социально прикрепленные или смещанные. О второй — там, где осуществляется собирание таких слов, которые заставляют, как выразился Гоголь, «останавливаться над в н утрен и м [разрядка моя.— И. В.] их существом и выражением», которые прежде всего этим своим качеством

представляют для писателя цейность. Часто эти линии сливаются, но этнографическая все же преобладает. Так собирают лексический материал в XIX веке представители самых разных школ, направлений, политических взглядов. Так составлял свой словарь, знаменитый богатством и разнообразием отражения в нем народной живой речи, записанной из уст представителей разных социальных слоев народа на широкой территории, В. И. Даль, наивно надеявшийся при этом найти в этой стихии прочные словозамены для иностранных обозначений (горизонт — небосклон, кругозор, небозем, небоскат, глазоём, зреймо, завесь, овидь и др.). Этнографическая линия прослеживается в записных книжках Гоголя («Лексикон малороссийский», список слов «по Владимирской губернии», названий картежных мастей, кушаний, птиц и животных и т. д.).

Так же ведет свои словарные записи на сибирском поселении декабрист Н. Бестужев, отмечая местные слова: мельтешиться, ошульник — насмешник, озяб — оторопел, муторно — тошно и др. В. Ф. Одоевский приносит в дар Обществу любителей российской словесности, издававшему Словарь Даля, до двадцати тысяч записанных им на карточках слов для задуманного им самим «Великорусского областного словаря». А. Шаховской составляет списки слов, употребляемых Курской крестьянами губернии Дмитре-Сванского уезда, среди них: берно — бревно, варягуша — лихорадка, пилюкать — резать, и слов, употребляемых в Северо-Западной Сибири: тайга, тороз, наледь, дошлый, наст. И. М. Снегирев собирает «Мценские идиотизмы [фразеологизмы, по терминологии XIX века] и пословицы». Из собранного им материала укажем на следующие: навья — мертвец; овощник - огород: сигать — прыгать, лезть; дают — бери, бранят - беги, Записи материаязыка ведет раскольничьего П. И. Мельников (А. Печерский).

Огромный труд по созданию словаря народного языка был задуман А. Н. Островским. 1040 карточек содержат собранные им слова, употреблявшиеся, по пометам Остров-

ского, в разных уголках России. Среди них—специальные термины, слова общеупотребительные и устаревшие. Ср.: Балага́н, м. поплавок у маленькой сети. Каляз.; Заводить— у бурлаков значит 'запевать песню'. Волга; Ведомство, ср. Старин. Знахарство, знание разных средств для доброго и злого, безразлично.

Основа этого собрания Островского — «Опыт Волжского словаря», который он составлял в этнографической экспедиции по Волге в 1856 году. В нем собраны названия берегов, судов, рыболовных орудий, различных предметов волжского быта и др. Так же собирает в семинарские годы слова Н. А. Добролюбов в Нижнем Новгороде, Н. А. Некрасов — на Волге.

Иная струя чувствуется в «Материалах для словаря русского языка» Гоголя, в записи испорченных слов и речений Лескова (интересовавшегося, впрочем, и специально арго петербургских мошенников), в «Сибирской тетради» Достоевского, в «Крылатых словах» С. Максимова. Здесь слова и выражения выписываются не столько из-за их принадлежности определенной среде. сколько в силу их «интересности», образности, занимательности, точности в качестве наименований и характеристик, отличия их от слов общелитературных. Так, Гоголя привлекают прежде всего образные, мослова-названия тивированные прозрачной «внутренней формой». равно принадлежащие языку и окказиональные, вроде: веримость --свойство верить; ветрельник - флюдергота — спазмы; ветрогон; жилобой - пульс, а также слова редкие, устаревшие, забытые, труднопонятные: обуща — подарок; бур — алоэ и др. В записях Лескова находим: смарканские носовые платки вместо самаркандские, благодухание вместо благоухание, крестол вместо престол, воромонах вместо иеромонах, старый нажим вместо старый режим, дончихот-ка вместо дон Кихот, семимирная выставка, начатки и комчатки христианского учения. Это материалы народного этимологизирования лексики, столь любимые этим писателем и широко используемые им в его творчестве. Во время пребывания в омском

остроге Достоевскому была запрещена писательская работа. Единственное, что он писал тогда, это записки «чисто словесного значения». В его «Сибирской тетради» самый разнообразный материал. Тут и украинские слова, польские и еврейские выражения, и запись целых отрывков из речи староверов, и народные песни и многое другое. Достоевского привлекают и остроумные народные присловья (Тебя вместо соболя бить можно. Одежи рублей на 100 будет), и народная риф-мованная речь (Люди — ложь, и я тожь), и поэтичные выражения (Растуманился, припечалился), и яркая образность наименований (Измясничил его; послал я мою слезницу, то есть просительное письмо) и народное переосмысление фразеологизмов («Па буль ты проклят на семи кабаках!» вместо — на семи соборах), и тайный смысл некоторых речений, который Достоевский тут же рас-шифровывает (Режь [хлеб] со лба [перекрестясь]) и т. д. Яркая особенность этих записей Достоевского - отражение в них ситуации высказывания, наличие во многих случаях контекста.

Примечательно, что писателей XIX века (особенно второй половины) гораздо меньше, чем народная живая речь, интересует собирание книжных и иностранных слов, хотя свидетельства такого интереса есть. Для декабристов он характерен. В. Кюхельбекер в письме Пушкину из Сибири пишет: «Здешний язык богат идиотизмами ... простолюдины употребляют здесь пропасть книжных слов, особенно часто: почто, но, далее — облачусь однако, денусь, ограда вместо двор etc». В XIX веке постепенно утвержоденусь.

В XIX веке постепенно утверждается рациональное отношение к иностранным словам. Оно характерно для Пушкина, добродушно подсмеивающегося над пуризмом Российской Академии в «Евгении Онегине»:

Но панталоны, фрак, жилет Всех этих слов на русском нет; А вижу я, винюсь пред вами, Что уж и так мой бедный слог Пестреть гораздо б меньше мог Иноплеменными словами, Хоть и заглядывал я встарь В Академический Словарь.

Пушкин был одинаково против огульного неприятия иностранных слов и против слепого злоупотребления ими. И то, что Пушкин выразил в стихах, Белинский четко сформулировал в критической статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (статья I). Главное в мысли Белинского — признание объективной неизбежности заимствования как такового и объективных законов, по которым одни иностранные слова прочно входят в язык, а другие исчезают из употребления, едва появившись. И если наивнопатриотическая мечта поэта-декабриста Ф. Глинки о военном словаре исключительно русских терминов в самом начале века еще не встречает явного протеста, то установка Даля на исключение иностранных слов из русского языка уже вызывает во второй половине века резкое осуждение передовой общественной мысли, и прежде всего Н. Г. Чернышевского. Показательно, что даже такой яркий русский бытописатель, как И. Т. Кокорев, в 50-е годы осмеливается протестовать не столько против заимствований вообще, сколько против крайностей русской европеизированной моды.

Новое отношение писателя к иностранным словам обнаруживает лексикографическая деятельность революционных демократов и петрашевцев. Словари иностранных слов (их составление и редензии на них) они использовали отчасти и как повод пропаганды политических идей. Так, Добролюбов, рецензируя «Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке» (изд. В. Н. Углова, СПб., 1859), «Объяснение 1000 иностранных слов, употребляемых в русском языке» (М., 1859), изданный А. С., и «Краткий политико-экономический словарь» (СПб., 1859), и критикуя составителей за пропуски длинноты толкований, внесение русских терминов в словарь иностранных слов и пр., восстает одновременно против лицемерных нравственных сентеций, вроде: «Бедность состояние нуждающихся в первых потребностях жизни, бывает следствием скудости природы, лености и беспечности человека...» (Краткий политико-экономический словарь).

Интересен с политической точки зрения «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым» (а по существу — Буташевичем-Петрашевским) (СПб., 1845). в составлении которого принимали активное участие В. Майков А. Плещеев. Наряду со сведениями собственно лексикографического характера, словарь этот содержит и такую информацию, которая явилась причиной цензурных преследований и запрещений. Ср. статью этого словаря: «Конституция, Слово это в обычном смысле значит - государственное устройство, организм, государство... В тесном же смысле под конституцией разумеется такой образ правления, в котором верховная власть разделена между монархом и выборными от народа... Этот образ правления в западных государствах был следствием сильного развития сословий... Монтескье пленился им... Защитники его доказывают, что он основан на праве каждого члена общества участвовать в управлении того целого, которого он часть, но на практике это начало не осуществимо в больших государствах: везде необходимость заставляет ограничивать число лиц, имеющих право выбирать... А так как единственная мера (масштаб), которою везде руководствуются, состоит в количестве имущества гражданина, то на практике, до сих пор это хваленое правление есть не что иное, как аристократия богатства... Защитники конституции забывают что человеческий характер заключается не в собственности, а в личности, и что, признав политическую власть богатых над бедными, опи защищают самую страшную деспотию! Двести тысяч богатых, управляющих 33-мя миллионами бедных и нищих - то же самое, что каста афинских или римских граждан, которые утопали в неге и роскощи, попирая личность миллионов людей, называвшихся вешаофициально ми».

Замечательно развитие во второй половине XIX века в России словарного дела на научной основе. Деятельность А. Х. Востокова, И. К. Грота, И. И. Срезневского — славная страница в истории отечественной

лексикографии. Это развитие повлияло и на некоторых русских писателей. Здесь следует назвать прежде всего «Опыт словаря к Ипатьевской летописи», составленный Н. Г. руководством Чернышевским под И. И. Срезневского, работу Добролюбова по систематизации его нижегородских словарных записей — в соответствии с указаниями того же

Срезневского.

Во второй половине XIX века многие русские писатели выступают в печати с отзывами о словарях, и все чаще в их записках появляются заметки о конкретных словарях. Известна подробная критическая авторецензия Чернышевского «Отечественных записках» на «Опыт Словаря к Ипатьевской летописи», известна речь А. С. Хомякова в Обществе любителей российской словесности о Словаре В. И. Даля, обстоятельные «Заметки по лексикографии» в журнале «Семья и школа» (1877) писателя Н. Макарова с подробным разбором Словаря Даля и пр. Наконец, в библиотеке академика В. В. Виноградова хранится экземпляр Словаря В. И. Даля с личными пометками и замечаниями Н. Островского, представляющими несомпенный интерес для науки.

Но насколько связаны все эти лексикографические опыты с художественным творчеством русских

инсателей?

В XVIII веке составленные писателями словари не столько влияют на их произведения, скорее наоборот - словари вырастают из последних (оказываются приложениями к преимущественно к переводам). В XIX веке писательские словарные записи, прежде всего записи народной речи, на эстетическую значимость которой указал Пушкин, заготовками становятся отчасти для будущих произведений писателя. «Разговорный язык простого народа, — писал он, — ...достоин глубочайших исследований...». И после Пушкина русские писатели все знают это, вслушиваются в народную речь, восхищаются ее прасотой.

«Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и поларок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное названье еще драгоцениес самой вещи» (Гоголь).

«Что за прелесть народная речь. И картинно, и трогательно, и серьезно» (Л. Н. Толстой). «В Орловской Тульской губерниях крестьяне удивительно образно и говорят метко... Муж о приятной жене не говорит, что она ему "понравилась", он говорит "она по всем мыслям пришла"» (Н. С. Лесков). «Вникайте в прелесть простонародной речи» (А. М. Горький). Достоевский просто записывает рассказ арестанта, любуясь живописностью его языка: «Вот вышли мы с ней. На мне смущачья шанка, тонкого кафтан, шаровары плисовые. Она в новой заячьей шубке, платочек шелковый, т. е. я ее стою и она

меня стоит, вот как идем».

Из писателей, окружавших Пушкина, едва ли не ближе всех ему был Даль. Пушкин подсказал Далю мысль о словаре. Даль присутствовал при последних минутах жизни Пушкина. Знаменитый перстеньталисман с руки поэта перешел к Далю, и Наталья Николаевна не кому-нибудь, а именно Далю попробитый пулей Дантеса парила пушкинский сюртук. И Даль оказался одним из первых, попытавшихся на практике осуществить пушкинпринцип демократической языковой эстетики. Но его попытка вылилась В крайность. Ведь он ошибочно прочил русскому литературному языку развитие исключительно на простонародной основе и пытался в своей художественной практике осуществить этот принции, за что и был беспощадно раскритикован Белинским. «Казак Луганский [литературный псевдоним В. И. Даля.— И. В.],— писал критик,-- утверждает, что не должно говорить так: "Казак оседлал лошадь свою как можно поспешнее, посадил товарища своего, у которого не было коня, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его постоянно в виду, чтоб при благоприятных обстоятельствах на него кинуться"; а должно вместо того говорить: "Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на заведры, следил неприятеля в назерку, чтоб при спопутности на него ударить. Воля его казацкой удали, а мы, люди письменные, равно не понимаем ни уторопи, ни

Белинский справедливо считал, что общепонятность изложения совершенно необходима. Другое дело, что существование общелитературной напиональной языковой нормы открывает широкий простор для расцвечивания языка художественного произведения всеми красками народной речи. Но расцвечивание это должно быть искусством, должно отработанным спепиально быть приемом, должно отвечать важнейшему пушкинскому требованию «соразмерности и сообразности».

Развитие русской литературы XIX и XX веков в языковом отношении шло в основном по пушкинскому пути. Просторечие, диалектизмы. профессионализмы — весь этот периферийный по отношению к литературной норме языковой марусскими использовался классиками не прямолинейно, вливался в сложную систему взаимоотношений речевых образов автора, персонажей, рассказчика, хотя здесь писателей и подстерегало немало опасностей.

Об одной из них замечательно сказал Достоевский. Нарочитое нагнетание каких-либо однородных в качественном отношении слов речи отдельного лица в художественном произведении он назвал «вывескной», «малярной» работой. случается, писал Ф. М. Постоевский, тогда, когда «"писатель-художник", …отмежевывающий себе ...отмежевывающий себе какую-нибудь в литературе специальность (ну, выставлять купцов, мужиков и проч.), обыкновенно ходит всю жизнь с карандашом и тетрадкой, подслушивает и записывает характерные словечки; ...Начинает потом роман, и чуть заговорит у него купец или духовное лицо — он и начинает подбирать ему речь из тетрадки... и уж, кажется бы, верно: дословно с натуры записано, но оказывается что хуже лжи, именно потому, что купец или солдат в романе говорят эссенциями, т. е. как никогда ни один купец и ни один солдат не говорит в натуре. Он, например, в натуре скажет такую-то записанную вами от него же фразу, из десяти фраз в одиннадцатую. Одиннадцатое словечко характерно и безобразно, а десять словечек перед тем ничего, как и у всех людей. А у типистахудожника он говорит характерностями сплошь, по записанному,— и выходит неправда. Выведенный тип говорит как по книге». Достоевский уточняет: «Записывать словечки хорошо и полезно, и без этого нельзя обойтись, но нельзя же употреблять их совсем механически».

Объективно Достоевский в этих рассуждениях прав, неправ он был в том, что адресовал свой упрек Н. С. Лескову, писателю, в творчестве которого нагнетение языковых характерностей превращалось в специальный прием художественной речи, известный под названием «сказовой манеры».

Ни Гоголь, ни Тургенев, ни А. Н. Островский, ни сам Достоевский, ни Толстой «эссенциями» не писали. Материалы словарных записей они использовали в своем творчестве лишь отчасти. Известно, например, что Достоевский применял их в «Записках из мертвого дома», в «Преступлении и наказании» (кажись генеральские дочки, а носы все курносые), в «Подростке» (голодом сидят), в «Селе Степанчикове и его обитателях» (штука капитана Кука), в «Братьях Карамазовых», в «Бесах». В «Зараженном семейиспользует в сатирических целях слова из своего списка публицистических клише Л. Н. стой. Но это не огульное использование. Невелико число диалектизмов в «Записках охотника» Тургенева, во «Власти тьмы» Л. Н. Толстого украинизмов в украинских повестях Гоголя. Умело вплетены они в словесную ткань произведения, оказываясь понятными читателю без особого труда. В общем и словарь украинизмов, приложенный к повестям Гоголя им самим, очень певелик, а Тургенев снабжает небольшим словариком диалектных слов (орловских) только один «Разговор на большой дороге».

В осторожности, с какой пользовались русские классики материалом нелитературной речи, проявилось глубокое проникновение их в суть подлинной напиональности, тайна которой, по определению Белинского, заключается не в одежде

народа и его кухне, а «в его, так сказать, манере понимать вещи». Отбор областных слов в хуложественное произведение основывается у классиков русской литературы на принципе реалистической типизации, а не этнографического натурализма. Принцип глубокой, истинной, а не внешней показной народности художественного языка унаследовала от русских классиков в лучших своих образцах советская литература. Этот принцип отстаивал всячески А. М. Горький. «Большая ошибка, писал он в 1925 году. нисать словами, которые понятны лишь населению одной губернии».

Для характеристики писателейлексикографов замечателен один момент - писательское словотворчество, благодаря которому заметно обогащаются наши словари (если словотворчество удачно, то есть отвечает потребностям общения, правилам и духу языка). Словотворчество это включает как созлание новых слов, так и развитие новых значений у старых слов в пропессе развития мысли, о чем писал Пушкин: «Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона».

Многие писатели осознавали эту роль. В. А. Жуковский, приветствуя академического словаря 1847 года, писал, что его поэзия «почти входит в составление руслексикона: слова творятся утверждаются необходимостью И счастливым их употреблением», а А. Вяземский позволял себе «неологизмы, то есть прибавления к Словарю Российской Академии, которые... не произвольны, а вытекают обыкновенно из самого состава и наказа языка». Глубоко прав был академик В. В. Виноградов, сказавший, что «Крупный писатель почти всегда сочетает в себе свойства художника слова и природного лингвиста с крепкой любовью к родному языку».

Это качество русских литераторов ценили создатели академических словарей и в XVIII, и в XIX, и в XX веках. Российская Академин обращалась в XVIII веке ко

многим духовным и светским писателям с просьбой присылать материалы для составляемого ею словаря, поручая им собирание слов по разным разделам. В работе «Словарем церковнославянского и <u>(1847)</u> принимал русского языка» ÌΙ. Á. участие критик Плетнев. В 1880 году академик Я. К. Грот написал А. Н. Островскому, что такого [как он, Остров-«труды ский. — И. В.] талантливого знатока русской народной речи не могут не заслуживать особого внимания», что желательно было бы ознакомиться с собранными Островским словарными материалами, без сомнения не лишенными значения для отечественной лексикографии». После смерти драматурга его брат М. Н. Островский передал основную часть словарных материалов во Второе отделение Академии наук. А. М. Горький также считал учатие крупных писателей в составлении словарей, имеющих общеназначение, живительциональное ным и полезным.

Даже частные писательские словарные записи, не говоря уже о монументальном труде Даля, представляют большую ценность для науки о русском языке. Умелое введение народных слов в ткань художественных произведений во многом способствует лексическому обогащению общелитературного русского языка.

Нельзя только забывать, далеко не все плоды индивидуального словотворчества писателя и не все подслушанные и записанные им слова входят в общелитературный (особенно это касается поэязык По разным причинам не TOB). вошли в язык ни морестраж Курганова, ни тихогромы Шишкова, ни многочисленные сложные новообра-Гнедича, переводчика вования «Илиады». Наверно останутся лишь индивидуальными поэтизмами осенебри и зимарь А. Вознесенского. С другой стороны, в общем литературном языке есть немало слов «писательского происхождения». создание слова небокоптитель принадлежит Гоголю, злопыхательство и пенкосниматель придумал Салтыков-Щедрин, прекраснодушие родилось в кружке Белинского.

Но некоторые из записанных в свое время писателями периферийных, по отношению к литературному языку их времени слов вноследствии переместились к "центру". Так, в семнадцатитомный «Словарь современного русского литературновключены с пометой языка» «просторечное» и без нее отмеченные Гоголем владимирские слова: ошарашить, привередлив; Бестужевым, Гончаровым, Шаховским сибирдошлый, муторно, наледь, наст, тайга, торос; Шаховским мценское сигать; Островским как употребительное лишь в нетербургской актерской среде выигрышный и пр.

Для изучения истории родного языка обращение к писательским словарным онытам обязательно. И

следует подчеркнуть, что ценность этих опытов для науки не опредсляется уровнем писательского ранга. Словарные записи таких забытых и полузабытых пыне литераторов, как Н. Курганов, И. М. Снегирев, И. С. Вавилов, А. Шаховской, Н. Языкова, А. Плещеев, не менее важные для специалиста, чем записки Гоголя (который, кстати, использовал в своих «Материалах для словаря русского языка» записи Н. Языкова), А. Н. Островского, Л. Толстого, не говоря уже о словарном наследии А. Х. Востокова и В. И. Даля, у которых таланты ученого и лексикографа блистательно затмили собой таланты поэта и прозаика.

И. А. ВАСИЛЕВСКАЯ



СПОВАРЬ 1847 ГОДА



1847 году вышел в свет словарь, получивший официальное название «Словарь церковнославянского русского языка, составленный

Вторым отделением императорской Академии наук» (сокращенно его принято называть «Словарь 1847 года»). Он состоит из четырех объемистых томов и включает 114 749 слов. По замечанию академика В. В. Виноградова, этим словарем открывается новый этап в истории русской лекси-

Задача Словаря 1847 года — «быть сокровищницею русского языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» (Предисловие к словарю. Т. I). Авторы eroсчитали неудобным «ограничиться одним новым языком, от эпохи Петра Великого до нашего времени» и решили совместить в рамках одного словаря «нынешний русский язык, старинный русский

и церковнославянский, как составные части живого языка, тем более, что слова двух последних нередко являются у писателей наших в новых формах», Последовательное осуществление этого принципа превра-Словарь в универсальный справочник по лексике старославянского, древнерусского и современного русского языка той эпохи.

Однако такой широкий диапазон лексикографического материала не помешал составителям сравнительно полно и объективно зафиксировать словарный состав русского литературного языка конца XVIII и первой трети XIX века. Профессор Е. М. Галкина-Федорук, отмечая недостоинства сомненные Словаря 1847 года, писала: «Словарь этот интересен и тем, что в нем отражен язык пушкинской эпохи, как в словарном, так и в грамматическом отношении. В словаре 1847 года были использованы самые разнообразные материалы из более чем 200 книг авторов, из научных различных

работ и произведений писателей» (Современный русский язык. Лексика. М., 1954).

В словарь добавлено больщое число пропущенных в предыдущем Академии Российской» таких, благодатный. как: бояться, буженина, бушевать, внезапность, водянистый, воевать, глашатай, гулкий и т. н.; в нем зарегистрированы новые значения слов, не отмеченные ранее: отражены отдельные неологизмы того времени, научно-технические термины и профессионализмы, общеупотребительные иностранные слова, иноязычобозначения -специальные «речения наук, искусств и художеств, заимствованные по необхо-(Предисловие). Эти раздимости» ряды лексики почти полностью были исключены из «Словаря Академии Российской» (кроме «речений церковных», заимствованных из древних языков).

Кроме того, на страницах Словаря 1847 года нашли место около 300 диалектизмов, которые, по мнению его составителей, «с точностью выражают предмет и пополняют ощутительный недостаток в языке». Действительно, некоторые из них впоследствии получили право на литературность: балка, кондовый (о деревьях), пойма, пурга, тайга, хутор, шаман и др.

Словарные статьи здесь отличаются максимальной сжатостью, а опрезначений — простотой и логической точностью. Словарь отвергает громоздкие, полуэнциклопедические толкования старых лексиконов и довольно четко выделяет отдельные значения слова, соблюдая при этом историческую последовательность расположения их в Олнако пределах одной статьи. многие омонимы по традиции объединены как разпые значения одного слова, например: spac —(1) неприятель; 2) овраг'; $6\pi y \partial u \tau b$ —(1) блуждать, скитаться; 2) шалить'.

Значительно улучшена в словаре подача иллюстративного материала, наибольшее количество пояснительных примеров приведены из произведений Пушкина, Крылова, Грибоедова, из «Истории Государства Российского» Карамзина. Словарь передко привлекает примеры из

русских народных песен и афористического фольклора, причем некоторые из них - с соответствующикомментариями, например: Почью все кошки серы. Пословица значит в соминтельном случае легко можно ошибиться³; Своя ноша Пословина тянет. значит свое дело легче исполняется, нежели чужое; Шути да оглядывайся. Пословица значит в тутках будь осторожен, чтобы шуткою не оскорбить кого-нибудь; Ψ ужую кровлю кроет, а своя каплет. Пословица значит 'печется о чужих делах, а о своих не заботится; Из огня да в полымя. Пословип а значит чиз белы в еще большую беду'. Первую песню зардевшись спеть. Поговорка, употребляемая в извинение, когда кто по непривычке в первый раз делает что-либо с робостью и т. п.

Словарь пересмотрел основанные на традициях ломоносовского учения о трех стилях принципы стилистической характеристики слов и принятую в «Словаре Акалемии Российской» систему стилистических помет. Вместо прежнего обозначения «славенское слово» теперь последовательно применяются две по-(речение дерковное) меты: $\mu e p \kappa$. и стар. (старинное речение); вместо указания на высокий слог вводятся пометы «риторическое» и «стихотворное». Для выделения стилистически сниженных слов использованы две основные пометы: «в просторечин» и «простонародное речение» (сокращенно: простои.), которые заменили теперь многочисленные указания на средний и низкий слог в «Словаре Академии Российской». Составители тщательно изучают историческую судьбу и социально-речевую сферу применения того или иного слова. Просторечный или простонародный характер определяется на основе всестороннего учета их отличительных особенностей.

Судя по определениям, приведенным в Словаре, «просторечие»— это «простой, обыкновенный разговор», фамильярно-разговорный стиль городской речи. Следовательно, просторечные слова были связаны тогда с повседневной разговорно-бытовой речью представителей образо-

ванных сословий. А «простонародное речение» — это слово или выражение, «принадлежащее или свойственное простому народу» (в словаре объяснено: простой народ — «люди низшего сословия», то есть крестьяне, мещане, городские ремесленники, мелкие чиновники и т. п.).

Словарь зафиксировал около 200 просторечных и свыше 1200 простонародных слов и выражений. В то же время в нем отобрано из живой народно-разговорной речи и размещено без помет немало таких слов и выражений, которые, будучи еще не признанными литературной нормой той эпохи, в новых условиях развития русского литературного языка могли послужить обогащению его лексического состава. Мало того, Словарь освободил около 1200 слов и фразеологизмов от ставших сомнительными к тому времени помет: «просто же», «слово низкое», «простонародное» и т. п., которыми они были напелены прежде в «Словаре Академии Российской».

Слова, принадлежащие к разряду стилистически сниженной лексики, составители стремятся снабдить оправдательными примерами из произведений художественной литературы — буркалы большие глаза:: «Что ты буркалами-то похлопываешь?» (Фонвизин); гуторить 'разговаривать, шутить слуги слуги вздор, плетутся вслед шажком» (Крылов); окорнать обрезать больше, чем надобно, или обрезать непорядочно³: «Ему все крылья окорнали И детям отдали играть» (Крылов); мастерище 'большой знаток': «Ты, сказывают, петь великий мастерище» (Крылов); намедни 'за несколько времени пред сим': «Порой дождливою намедни я заглянул на двор» (Пушкин); нещескотный чко — «смягчительное слова нечто»: «Как скажу я тебе нещечко, так пожить на свете слюбится» (Фонвивин); насандалить нос от излишне выпитого хмельного получить красноту на носу: «Исправно насандалив нос, У полыных, каналья очутился» (Измайлов) и т. д.

Вместе с тем Словарь еще не ставит в полной мере, и не решает проблемы стилевых разветвлений литературной речи своей эпохи, не отражает той дифференциации и мно-

гообразия лексико-стилистических категорий, которыми характеризовался русский язык первой трети XIX века.

Как уже было упомянуто. Словарь весьма богато представил профессиональную и научно-терминологическую лексику. Параллельно с общеупотребительными наименованиями растений, кустарников, минералов, птиц, животных, рыб и т. п. даются их латинские обозначения, принятые в той или иной науке, широко привлекаются И многочислепные «простонародные» названия: a pжапед, Phleum, трава. Дикая рожь. Роженец. Ржанец и рядом: арженец -- «то же, что аржанец»; аспараг. Asparagus, растение. Cпаржа. Hодчёс. Cосенка. Xолодец; белладонна, Atropa Belladonna, ядовитое растение. *Бешеная ягода*. Волчьи ягоды, Красавица. Огурник. Песьи вишни. Сонная одурь. Черные псинки и т. д.

В составлении Словаря 1847 года активное участие принимали специалисты самых различных отраслей знаний. Так, генерал-майор горных инженеров Д. И. Соколов давал объяснения профессиональных слов и терминов, относящихся к горнозаводскому делу; директор Ботанического музея АН К. А. Мейер представил во Второе отделение огромный список названий представителей растительного мира; директор Зоологического кабинета академик Ф. Ф. Брандт помогал в объяснении терминов зоологии, анатомии и физиологии; академик В. Я. Буняковский просматривал статьи, относящиеся к терминам математических наук; академик Э. Х. Ленц проверял объяснения терминов физики, академик В. К. Вишневский - астрономии и т. д.

Поистине титаническую работу проделали составители и редакторы отдельных томов Словаря. В частности, действительный член Академии с 1828 года В. А. Поленов почти один составил и отредактировал І том, завершил редактирование III тома (со стр. 540 до конца), подготовил отдельные отрезки IV тома. Редактором II тома и автором многих статей был замечательный русосновоположник ский языковед, сравнительно-исторического языкознания и автор двухтомного «Словаря церковнославянского языка» академик А. Х. Востоков. Под его руководством были составлены Правила построения словаря. По всем спорным вопросам грамматики и орфографии составители лись именно к нему, как автору самой популярной тогла «Русской грамматики». Вся система грамматических помет в словаре построена в соответствии с указаниями, содержащимися в трудах Востокова.

Исключительный энтузиазм в быстрейшем завершении работ по составлению и изданию Словаря проявили редактор III тома академик М. Е. Лобанов, редактор IV тома академик И. С. Кочетов, академики Я. И. Бередников, П. Г. Бутков, П. А. Плетнев, Д. И. Языков, адъюнкт М. А. Коркунов и др. Всем хоюнкт М. А. Коркунов и др. Всем хо

пом работ руководил акалемик Ширинский-Шихматов. Он, Π. как председательствующий во Втором отделении Академии наук (Отделении русского языка и словесности), просматривал все корректурные листы, вносил в них новые слова и примеры, исправлял и пополнял определения. перечитывал исправленные и подготовленные к печати экземпляры листов, в общем, как сказано в Предисловии к Словарю, «наблюдал за успешным ходом всех этих разнородных занятий, давая каждому из них направление, сообразное с общей целью словаря».

> И.Т. СЕРГЕЕВ, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н.Ульянова



СЛОВАРЬ

Я. К. ГРОТА—А. А. ШАХМАТОВА



ервым нормативным словарем русского языка в лексикографической традиции Академии наук был «Словарь

русского языка» под редакцией Я. К. Грота (т. I, буквы А—Д, 1891—1895), иятое по счету издашие академического словаря.

Замысел его создания возник вскоре после выхода в свет «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 года, объем Словаря 1847 года, его церковнославянская направленность вызвали глубокую неудовлетворенность в самых раз-

ных кругах русской интеллигенции. Поэтому, когда взявшийся с огромной энергией за создание нового словаря академик Я. К. Грот составил объяснительную записку о новом академическом словаре, она была одобрена членами Второго Отделения Академии наук. В этой записке, в частности, отмечалось, что новое издание словаря «имеет предметом собственно обще у потребительный (разрядка моя.— Т. К.) в России литературный язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова».

Впервые в истории русской академической лексикографии в Словаре Грота было широко использовано

наследие русской классической литературы. В нем нашло отражение лексическое богатство таких русских писателей, как С. Аксаков, Батюшков, Вяземский, Гоголь, Гончаров, Грибоедов, Григорович. Ленис Давыдов, Державин, Достоевский, Жуковский, Кантемир, Карамзин, Кольцов, Крылов, Лермонтов, Ломоносов, Лесков, Мельпик ский, Некрасов, Новиков, Мельпиков-Печер-Остров-Писемский, ский Помяловский, Пушкин, Решетников, Салтыков-Щедрин, Толстой, Тургенев, Тют-чев, Г. Успенский, Фонвизин. В то время в силу политических взглядов и убеждений его редактора Я. К. Грота Словарь игнорировал сочинения революционно-демократических писателей — Радише-Огарева. Белинского. ва, Герцена. Добролюбова. Чернышевского, Писарева.

Основным лексикографическим источником были Словарь 1847 года, Словарь В. И. Даля, «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова, «Юридический словарь» М. Чулкова, «Настольный словарь» Ф. Толля, «Этимологический словарь славянских наречий» Ф. Миклошича и др. Однако взятый из них материал использовался Гротом критически: у СЛОВ изменилось толкование — логически более четко классифинировались их значения: пругие получили иную стилистическую квалификацию: наконеп, все слова в их многочисленных значениях и употреблениях снабжались богатыиллюстрациями, извлеченными произведений художественной литературы.

Словарь Грота — это словарь русского литературного языка нормативного типа с историческим уклоном; словник его включает общеупотребительную и деловую лексику и фразеологию со времен Ломоносова до момента составления словаря.

После смерти Я. К. Грота составление академического словаря было поручено А. А. Шахматову, который с этой целью был введен в состав членов Академии наук. Шахматовская редакция Словаря— это в сущости его пестое издание. Начиная со второго тома, первый выпуск ко-

торого вышел в 1897 году, «Словарь русского языка» стал выхолить на расширенных новых. основаниях. А. А. Шахматов воплотил в своем детище идею полного словаря русского языка (тезауруса - гр. thesauros 'сокровище'). Взяв за основу принципы Даля, он идет дальше, обильно включая в словарь не только народную лексику, но и научнотехнические термины, извлеченные научно-популярных сочинений, учебников, словарей, рукописных источников. Объем шахматовских выпусков Словаря превысил излание 1847 года более чем в десять раз. в то время как гротовская часть - всего в полтора раза.

Широким историко-лингвистическим взглядам Шахматова были тесны нормативные рамки гротовской традиции. «Меня, - писал он, - как будущего редактора Словаря, смущает определять задачу нашего словаря как словаря русского письменного языка, так как в таком определении, предполагающем противоположение между письменной и живой речью, между литературным и народным языком, есть, как мне кажется, противоречие». Отказ от установления языковых норм в Словаре компенсируется строжайшей документацией всякого языкового факта, внесенного в Словарь. Такая документация, по мысли Шахматова, позволила бы тщательно, с помощью целой системы помет подтверждать наличие в современном литературном языке слова, включенного в Словарь.

После того как выпуски Словаря пошли безостановочно, Шахматов постепенно отходит от лексикографической работы. Редакторами стали академики В. М. Истрин и Е. Ф. Карский. Не отличались по своим принципиальным установкам от идей Шахматова и выпуски «Словаря русского языка», издаваемые в первые годы после Октябрьской революции, Шахматовское издание продолжалось вплоть до 1929 года (это примерно одна пятая часть словаря). Таким образом, но шестому изданию вышли в свет т. И, вын. 1-9 (1897—1907); т. III, вып. 1—2 (1922—1929); т. IV, вып. 1—10 (1906— 1926); т. V, вып. 1—3 (1915—1928); т. VÍ, вып. 4-2 (1927—1929); т. VIII,

вып. 1—2 (1927—1929); т. IX, вып. 1—2 (1930).

В 1928 году Академия наук решила приступить к полному переизданию Словаря. Причиной этому послужили колоссальные сдвиги в языке, внесенные Октябрьской революцией; кроме того, нельзя было продолжать печатать словарь по старой орфографии. С 1932 года «Словарь русского языка» начинает выходить повым, седьмым изданием. Главным редактором его был академик Н. С. державин, составителями отдельных выпусков — С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, Е. С. Истрина, В. И. Чернышев, П. Л. Маштаков.

Отсутствие твердого порядка в выходе томов и выпусков, затянувшиеся темпы и сроки издания (Словарь должен был состоять из 56 томов!), отказ от принципа нормативности — все это вызвало протесты у
широкой общественности, и поэтому
в 1937 году работа над словарем была прекращена.

Несмотря на такой исход, незавершенный «Словарь русского языка». подготовлявшийся вначале Я. К. Гротом, а затем А. А. Шахматовым и его преемниками, - интересное лексикографическое предприятие. Ставший библиографической редкостью, он особенно ценен для исследователей русского языка как по собранному и систематизированному огромному лексическому и фразеологическому материалу, так и по тщательности грамматической и семантической обработки его. Словарные материалы, так вдумчиво и тщательно собиравшиеся всеми составителями «Словаря русского языка», начиная от Шахматова, стали основанием словарной картотеки Академии наук. Без поисков Шахматова и его преемников, стремившихся установить тип академического толкового словаря, без эксперимента невозможно было бы создать новые академические словари — семнадцатитомный и четырехтомный.

> Кандидат филологических наук Т. С. КОГОТКОВА



НОВЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ



амая нужная для народа книга — это словарь его родпого языка, — так думал Вольтер. Другой француз, великий народный поэт Беранже писал: «Что касается меня, то язык занимал меня постоянно и горячо, несмотря на мою неученость, или, лучше сказать, именно

благодаря ей, и я предпочел бы присоединению Бельгии и рейнских провинций к Франции — большой прекрасный словарь, составленный Академией, пересматриваемый каждые десять лет... и занимающий место подле наших кодексов, с которыми он, по моему мнению, сравнялся бы тогда в пользе» (Моя биография).

И у русских писателей и ученых можно отыскать немало высказываний, в которых подчеркивается важная роль словарей в культурно-исторической жизни нации. Так, известный русский академик И. И. Срезневский более ста лет назад писал: «Словарь родного языка есть одна из самых необходимых настольных книг для всякого образованного человека... Чем образованиее парод, чем значительнее в нем масса людей просвещенных, тем у него лучше, богаче, полнее, удовлетворительнее словарь его языка» (Обозрение замечательнейших из современных словарей).

Хорошие и полные словари национального языка появляются лишь после многократных повторных изданий их. Традиция академических словарей не прерывается: завершение работы над одним словарем, его издание, ставит сразу же вопрос о новом. Не рискуя повториться, две книги могут постоянно возобновляться. Это — словарь живого языка и его грамматика. Изменчивость запаса слов в языке, неизбежное и непрерывное изменение значений многих из них, постоянно проявляющаяся способность слов в потоке речи по-новому сочетаться и спепляться друг с другом приводит к возникновению новых смысловых оттенков и к появлению новых устойчивых оборотов речи — все это заставляет лексикографов и грамматистов зорко следить за жизнью языка, подмечая и регистрируя новые явления. В этом и состоит прямое назначение академических словарей и грамматик. Их общественная роль столь же трудна и ответственна, сколь и почетна. Быть законодателем в области норм речевого поведения, языкового вкуса, моды и т. п. совсем нелегко.

Трудно писать словарь, так же как и грамматику, прежде всего потому, что для придания им силы неоспоримого влияния на современников необходимо не только подметить существенно ноьое в языке, но и толково объяснить роль слов, их сочетаний и связанные с ними значения, то есть вскрыть смысл употребления их в живой речи, в разных областях ее проявления. А для этого составителю словарей, помимо хорошего опыта собственного словоупотребления, от которого он обычно и неизбежно отправляется, необходимы широкие и обильные материалы, появляющиеся в результате весьма трудоемкой разработки источников словаря, то есть многочисленных текстов, откуда выписываются сотни тысяч и даже миллионы цитат, содержащих слова и выражения, которые найдут место в словаре.

Для работы над новым академическим словарем русского языка необходимо значительно пополнить картотеку, на основе которой делался «Словарь современного русского литературного языка» (в 17-ти томах). Это значит, что должны появиться сотни тысяч новых карточек с цитатами из текстов художественной, общественно-публицистической, научно-популярной литературы и деловой прозы, по преимуществу последних десятилетий.

Новый академический словарь русского языка, как и его 17-томный предшественник, будет словарем литературного языка. Диа-

лектная лексика и фразеология всех русских народных говоров XIX—XX веков находит место в специальном «Словаре русских народных говоров», пять выпусков которого на буквы А—В уже вышли в свет (1965—1970) под общей редакцией Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова.

В новый словарь, как правило, не будут включены также слова и выражения из живой ненормированной речи, которые носят яркий отпечаток жаргонного происхождения, характеризуют сниженную манеру высказывания, являются неприличными, грубо бранными или же представляют собой вычурные словечки. Многие такие слова и выражения, как показывает история русского языка новейшего времени, являются эфемеридами (подёнками). Слова и речевые обороты того и другого разряда могут стать объектом особого словаря ненормированной речи. Живая разговорная речь и ее отражение на страницах книг, журналов, газет насыщена (нередко без нужды) подобным лексическим материалом.

Русский литературный язык последних двух-трех десятилетий заметно изменился, прежде всего расширился его лексический состав, в основном за счет новых слов из области науки, техники, экономики, культуры и т. п. Заметно возрос культурный и образовательный уровень населения страны. Это, естественно, сказалось на задачах русской лексикографии. Большой академический «Словарь» — он содержит 120 480 слов — уже требует заметного пополнения. Проведенный эксперимент показал, что словник нового словаря может оправданно возрасти в 2—3 раза, а если поставить перед ним более широкие задачи, то словарный запас русского литературного языка нашего времени, требующий истолкования, может простираться до полумиллиона слов, выражений и более или менее устойчивых сочетаний.

Любопытно отметить, что русско-иноязычные словари (например, русско-украинский, русско-чешский, русско-словацкий), вышедшие или выходящие в свет после 17-томного, значительно расширили свою русскую часть по сравнению с этим словарем: по некоторым буквам в полтора-два раза. Специалисты по тем или иным терминологическим системам (искусство, медицина, спорт и др.) находят, что при выравнивании словника в этих областях можно увеличить его по крайней мере вдвое.

Хронологические границы нового словаря остаются прежними, то есть от пушкинской поры до наших дней, но с совершенно законным перемещением центра тяжести на литературный язык наших дней. Лексико-грамматические явления, характеризующие прошлое литературного языка, оставляются для специального исторического словаря нового времени.

Новый академический словарь замышляется как фундаментальный. На его основе могут быть созданы различные словари практического назначения. Его преимущественной особенностью должна быть углубленная семантическая разработка слова, открытие и показ всех его смысловых оттенков.

Большой и серьезной проблемой для нового словаря явится отбор иноязычной и терминологической лексики. Перенасыщенность словарного фонда современного литературного языка словами этих перекрещивающихся разрядов потребует специальных исследований. Старые академические словари иностранных слов, как правило, избегали, а отношение к терминологической лексике регулировалось весьма зыбким для нашего времени критерием — исключать все «слишком специальное».

Фундаментальный словарь литературного языка уже на стадии его замысла оказывается в широком кругу теоретических проблем, таких, например, как развитие литературного языка нашего времени, язык современной художественной литературы, в кругу далеко не всегда решенных вопросов грамматики, семасиологии, стилистики и т. п.

Узнать из словаря значение слова — еще не все, что необходимо тому, кто обращается к словарю. Он хочет знать, как слово употреблять. На эту сторону дела и обратил внимание В. И. Ленин, предлагая создать словарь «не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех». Стилистическая нормализация лексического запаса современного русского языка в новом толковом словаре будет углублена и проведена более последовательно.

В наше время роль русского литературного языка не ограничивается тем, что он является языком русского парода. Русский язык служит также средством межнационального общения народов Советского Союза и представляет собой один из важнейших языков современной мировой цивилизации. Все многообразные функции русского литературного языка должны найти свое выражение в новом словаре.

Каждый филологический словарь — справочник, но сам тип справок может иметь разный характер. Представляется целесообразным сделать новый словарь активным пособием по культуре русской речи, показать в нем образцы хорошего словоупотребления, а тем самым пропагандировать его и с его помощью обучать образцовому русскому языку.

Лауреат Ленинской премии А. М. БАБКИН





Язык художественной литературы

ТУРГЕНЕВСКИЕ ОБРАЗЫ В СОЧИНЕНИЯХ В.И. ЛЕНИНА

В нашей повседневной речи, в повествовании писателей, в выступлениях ораторов, в корреспонденциях журналистов встречаются разнообразные литературные параллели, употребляются имена персонажей или пересказываются (с пояснениями и оценкой) отдельные эпизоды из художественных произведений. Подобные литературные заимствования принято называть реминисценциями.

В сочинениях В. И. Ленина особенно часто употребляются реминисценции из произведений наиболее крупных русских писателей XIX века, в том числе тургеневские.

Не затушевывая того, что Тургенев по своим социально-политическим взглядам в целом близок русскому либерализму и субъективно был чужд идее революции («потягивало к конституционной монархии»), В. И. Ленин полагал, что Тургенев как художник несомненно превосходил либералов искренностью своего протеста против крепостничества и последовательным обличением любых форм насилия над народом; сочинения его имели объективно революционизирующее значение.

Десятки тургеневских реминисценций в сочинениях, выступлениях, письмах и записях Ленина свидетельствуют о том, что образы Тургенева вошли в сознание Ленина, что тургеневская картина мира и русской жизни неизменно представала перед

Лениным в ходе его анализа конкретных обстоятельств политиче-

ской борьбы.

Наиболее часто Ленин обращался к «Стихотворениям в прозе» (в особенности к «Житейскому правилу»), «Отцам и детям», «Рудину», «Дворянскому гнезду», «Запискам охотника», «Нови», «Пыму». Разумеется, Ленин не принимает в целом тургеневскую концепцию русской общественной жизни и перспектив ее развития. Из указанных произведений Ленин заимствует и использует с особой целью (чаще всего в полемике) отдельные образы и замечания («пля ради важности» — ироническое замечание Базарова), отдельные переломные ситуации — чаще для характеристики идейного перелома («сжег то, чему поклонялся»), имена героев (Аркадий Кирсанов, Ворошилов), характеры и типы общественного поведения — с их жизненными правилами (рецепт старого пройдохи — как можно громче обличать те пороки, которые свойственны ему самому), замечания типа поговорок и афоризмов («с каждого цветочка по взяточке»), алогизмы («дважды два -- стеариновая свечка») и т. п.

Кроме того, имеется значительное число полускрытых тургеневских реминисценций, сплавленных с ленинским повествованием. Нередко они представлены одним-двумя словами и оказываются своего рода речевыми с и г н а л а м и, указывающими па комплекс литературных ассоциаций, необходимых Ленину для наиболее наглядного и доказательного изложения его мысли. Так, в статье «Крепостники за работой» имеется явно тургеневская параллель. не расшифрованная в комментарии к Полному собранию сочинений В. И. Ленина: «А когда крестьяне, несмотря на все затруднения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь, - тогда царское правительство, точно бурмистр старого барина, побежало за ними влогонку, чтобы донять их и на новом месте» (Полное собрание сочинений. Т. 5, стр. 89). Взятые нами вразрядку слова и есть те речевые сигналы, которые прямо отсылают к своему источнику - к рассказу Тургенева «Бурмистр» и напоминают читателю о том, как ретивый бурмистр барина Пеночкина донял невзлюбившихся ему крестьян деревни Шипиловки.

Тургеневские реминисценции у Ленина (как и вообще все литературные заимствования у него из русских авторов) имеют преимущественно критическое, нередко обличительное, сатирическое
назначение. С их помощью обычно расщепляется внешне целостное, стройное политическое явление, понятие, событие: в них обнажается тайный смысл, социальная, классовая подоплека. Ленин
раскрывает истинное содержание, скрываемое за словесным фасадом. Реминисценция помогает Ленину срывать маски с политических, общественных деятелей, которые сами заблуждаются, играя
придуманную роль, не понимая собственной, или сознательно вводя
в заблуждение других: царское правительство и его слуги — точно бурмистр, или (в других случаях) гоголевский Держи-Морда,

или помещик Пеночкин, или щедринский помпадур. Маска мнимого гуманизма, законности и европеизма срывается такими сопоставлениями. В связи с либералами Ленин вспоминает щедринского Балалайкина, грибоедовское «шумим, братцы, шумим», пушкинское «услышишь суд глупца» и тургеневские «друг Аркадий, не говори красиво», «совсем как пылкий тургеневский герой, сбежавший от Аси», «куда уж вам ходить на rendez-vous с революцией» (здесь происходит сращение двух реминисценций — из Тургенева и статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous»). На надутое фразерство и политическое пустозвонство Ленин указывает многократно кратким базаровским замечанием: «для ради важности».

В каждом отдельном случае материал из сочинений Тургенева вводится в ленинское повествование особым образом. Диапазон словесно-речевого оформления тургеневских реминисценций оказывается необычайно широким: строгая цитация, полускрытый намек, простое сравнение, сочетание сравнения с пояснением или политическим комментарием, параллелизмы (простые и развернутые), метонимия, метафора, антономасия (переименование) и т. п. Нередко на протяжении статьи происходит развитие, видоизменение и перерастание одного приема в другой.

В статье «Аграрный вопрос и "критики Маркса"», срывая маску псевдоучености, служащую для оправдания неприемлемых для Ленина политических выводов, используется подобный прием—и он оказывается необычайно эффективным: «Милый г. Чернов! Как он удивительно похож на тургеневского Ворошилова: помните—в "Дыме"— молодого русского приват-доцента, который совершал променад по загранице, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученейших, редких и редчайших имен? Точь-в-точь наш ученый г. Чернов, который совсем уничтожил этого невежественного Каутского» (т. 5, стр. 147).

Далее это усложненное сравнение (оно разорвано посредине, и в разрыв введен комментарий с явственной оценкой тургеневского персонажа) сменяется приложением: оба имени ставятся рядом — Чернов-Ворошилов, Ворошилов-Чернов — как равноценные и взаимозаменяемые. Наконец, имя персонажа прочно вытесняет собственное имя политического деятеля — происходит переименование (антономасия), прием древний и, как казалось, нигде, кроме поэзии, более не употребляющийся, а тем более в политике. Так, не прибегая к недопустимой грубости в полемике, Ленин полностью отвергает политически вредную концепцию Чернова.

В статье «Наши упразднители» Ленин, разоблачая путаницу философских взглядов Потресова, его примиренчество (и вытекающее отсюда ликвидаторство), вводит образ либерального фразера Аркадия Николаевича Кирсанова: вначале посредством этого

имени он оттеняет смысл высказываний Потресова; Аркадий как тень следует за Потресовым, затем сменяет его, и далее Ленин обращается уже к нему, а не к реальному лицу: «Когда Аркадию Николаевичу случается, в виде исключения, сказать словечко без выверта и без ужимок, он себя сам побивает великоленнейшим образом. Понатужьтесь-ка, Аркадий Николаевич, попробуйте подумать» (т. 20, стр. 124); «Ну что, Аркадий Николаевич, вы и теперь не понимаете, что такое ликвидаторство?» (там же, стр. 125); «Опять фраза и ничего более, как фраза... Ведь у вас, Аркадий Николаевич, что ни выстрел, то мимо» (там же, стр. 125—126).

Тургеневские реминисценции у Ленина всегда имеют переносное значение, то есть это настоящие тропы, какие обычны в художественной литературе и издавна входят в ее арсенал изобразительно-выразительных средств. Перенесение признаков в таких случаях у Ленина — при видимой легкости и безыскусности — оказывается сложным, двусторонним процессом.

Во-первых, литературный персонаж как бы изымается из своего окружения, вводится в политическую сферу и начинает жить новой жизнью. Это позволяет определить ленинское отношение к тургеневскому персонажу, к произведению, к тем жизненным ситуациям, которые воссоздаются Тургеневым, и к самому Тургеневу как писателю и как общественному деятелю. Введенный в сферу политики, Паншин кончает непременно ренегатством; по-видимому, Ленин угадал самое существо этой натуры. Аркадий Кирсанов всюду остается романтическим фразером и расчетливым хозяином и т. д.

Во-вторых, литературное привносится, прибавляется к реальному лицу. Комплекс литературных ассоциаций прочно прикрепляется к политическому деятелю, событию. Отдельное явление современной Ленину политической жизни приобщается к определенному литературному ряду или типу — и теперь оно раскрывается под углом сложившегося отношения к этому типу.

Во «Внутреннем обозрении» Ленин пишет: «Тургеневский цивилизованный помещик не только не шел сам на конюшню, но ограничивался вполголоса сделанным замечанием чрез одетого во фрак и белые перчатки лакея: "Насчет Федора ... распорядиться!". Вот и у нас теперь так же "без шума", тихо-благородно будут "распоряжаться" об обуздании неумеренных аппетитов голодающего населения» (т. 5, стр. 301). Эта сцена из времен крепостничества, казалось бы, давно отмененного, приобщает административные начинания царского правительства к давно известному типу общественных отношений. Ленин с ее помощью показывает, что крепостнические пережитки сохранились и не могли не проявиться, ибо самодержавие — само по себе пережиток феодально-крепостнических времен. Администрация приобщается к типу барского лакея. Сами распоряжения — к тем надругательствам над крепостными, которые были свежи в памяти народной.

Йзвестны метафоры поэтические (шипенье ненистых бокалов; горит костер рябины красной; ноэмы замерли, к жерлу прижав жерло), научные (электронная шуба; черный ящик; демон Максвелла; дрейф контипентов), просторечные (втирать очки; пилить ближних; заесть чужой век).

Тургеневские (и иные литературные) реминисценции в сочинениях Ленина позволяют выделить особый вид политических метафор. Они имеют различное происхождение и вид. Выделяются они по сфере бытования и по смыслу: они употребляются политическими деятелями в их выступлениях и сочинениях, имеющих политический характер, и выражают явления политической жизни, понятия и названия, которые вне политической жизни приобретают совсем иное значение. Это не привлечение известных, самостоятельных метафор: у Ленина это всегда выглядит как рождение новой метафоры, органически связанной с коптекстом; изъятая из него, она обессмысливается, а содержание контекста значительно обедняется, иногда же вообще разрушается. Именно поэтому такие реминисценции воспринимаются не как пресловутая «наглядность» или оживление сухого повествования литературными украшениями, у Ленина это всегда живой творческий процесс.

Когда Ленин на Конгрессе Коминтерна использует известный алогизм (несообразность) Пигасова: «дважды два — стеариновая свечка», то с его помощью он убедительно представляет качественное различие тех промахов, которые были допущены империалистами и большевиками, при достижении их классовых целей: с одной стороны — это настоящая глупость классов, кичащихся давней культурой, вековым опытом управления, многочисленностью хорошо обученного административного аппарата; с другой — это всего лишь просчеты, промахи или ошибки, которые практически были неизбежны на никому дотоле не известном пути социалистического преобразования общества.

Реминисценции из произведений русских писателей придают повествованию Ленина образность; конкретность сочетается с огромным обобщением. Наглядность, картинность, ассоциативность — извечные свойства литературного изображения действительности — привлекаются Лениным в область политики.

Реминисценции придают повествованию Ленина то особое качество, которое в литературе нового времени определяется как подтекст: оно базируется на широчайшем круге сопоставлений, каждый его элемент как бы обволакивается массой напоминаний, связей, оттенков значения, намеков. Подтекстное повествование обычно ориентировано на читателя, который, следуя за расставленными автором знаками второго плана, додумывает, дорисовывает, досказывает, — одним словом, заполняет своим опытом и соображениями видимые разрывы между деталями-штрихами. Во всяком случае, за планом видимым возникает второй план, намеченный отдельными разрозненными речевыми сигналами; изображение приобретает объемность и широту при относительной крат-

кости. Полобное качество присуще повествованию Ленина. Оно приобретает многоплановость. Четкая логика доказательств сплетается с намеком, часто переходящим в сарказм. Так, например, Ленин пишет о бундовцах: «... новые теории фабрикуют в редакции "Последних Известий" не очень тщательно. Рецепт простой, издавна издюбленный людьми, которые никогда не грешили ни единой самостоятельной мыслишкой: взять противоположные взгляды, смещать вместе и разделить пополам! У "Пролетария" возьмем критику народных выборов при самодержавии, у "Искры" — осуждение "ужасного вопроса"; у "Пролетария" — активный бойкот, у "Искры" — негодность восстания, как лозунга ... "как ичелочка с каждого цветочка берет взяточку"» (т. 11, стр. 233). Ленин использовал ту единственную фразу, с которой появляется в романе «Отцы и дети» председатель казенной палаты, старый взяточник: даже природу он воспринимает под одним углом зрения — взятки берут и дают ... Но взятка — форма вымогательства, присвоение чужого; в сущности это полуограбление — полуворовство. Именно так и оцениваются политические новании бундовцев.

Ориентируясь на развитого, мыслящего читателя, избегая упрощений в духе псевдонародности и того сухого, черствого догматизма, который мог бы оттолкнуть человека, желавшего самостоятельно разобраться в политических понятиях, Ленин использует то, что дала к тому времени русская литература, учитывая, что она приобрела к концу XIX века огромный авторитет среди читательских масс.

Тургеневские реминисценции дают богатый материал не только для определения полемического, ораторского стиля Ленина. Изучение их поможет точнее представить и отношение Ленина к произведениям Тургенева, к их образам и идеям, к нему самому. В конечном счете, это содействует более глубокому пониманию ленинской оценки роли и значения Тургенева в русской литературе и национально-освободительном движении в России XIX века.

С. Е. ШАТАЛОВ Арзамас

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

ольшое место в современных работах о художественной речи запимают два специальных вопроса: об экспрессивности художественной речи и осравнении как основе словесно-художественной ее организации. Но, как представляется, первый из них часто трактуется чрезмерно широко, а второй, напротив, слишком узко.

1. Многие исследователи так или иначе видят в экспрессивности неотъемлемое, либо даже основное (или, по крайней мере, одно из основных) свойство художественной речи вообще. Нередко это положение преподносится как некая не подлежащая обсуждению аксиома: раз, мол, искусство — сфера человеческих чувств, раз оно призвано воссоздать эмоциональный (вспомним изначальный смысл понятия «эстетическое» — греч. aisthēsis 'чувство, ощущение') аспект бытия, художественное слово с необходимостью должно быть воплощением экспрессии, заостренной эмоциональности.

Это убеждение имеет свои основания. Однако когда оно выступает в прямолинейном виде, оно оказывается в сущности ложным. Простой тезис «художественная речь экспрессивна» сложился в основном на почве весьма малоплодотворного способа анализа, исходящего из сопоставления (и противопоставления) искусства и науки (и соответственно слова в искусстве и науке). При этом как-то даже забывают о необозримом океане повседневной речи людей (устной и письменной), которая является наиболее полным и основным носителем свойств речи вообще.

Можно утверждать, что по сравнению с повседневной житейской речью экспрессивность выступает в художественной речи в скрытой, непрямой, опосредованной форме. Люди в реальной жизни говорят более экспрессивно, эмоционально, чем герои и тем более автор литературного произведения.

Это вытекает из самой природы искусства. В реальной речи «оправданы» любые свойства, любые «крайности», ибо это именно реальная речь, возникшая в действительно совершающейся ситуации, принадлежащая действительно существующему человеку. В искусстве речь — вне зависимости от того, является ли она речью персонажа, рассказчика или самого автора, — создается, тво-

рится по художественным законам. А это означает, во-первых, что любая речь в искусстве так или иначе обладает мерой, гармонией, пропорциональностью. Далее, она всегда по-своему правдоподобна: это наиболее вероятная, типичная, «закономерная» речь данного героя (или автора), она отвечает определенной целесообразности, не впадает в «крайности»; она, если угодно, сдержанна. Наконец, она наиболее полно, объективно, всесторонне, воплощает свой предмет и выражает своего посителя, отказываясь от всякой исключительности, от всего одностороннего, случайного, преходящего.

Все это определяет относительную, но принципиальную уравновешенность, «нормальность» и даже своего рода нейтральность художественной речи — в сравнении с другими видами речи. Художественная речь не бывает предельно обработанной, образцовой, «красноречивой» (как, например, речь ораторская, риторическая); не бывает она (даже в устах героя) и всецело просторечной или диалектной, жаргонной, профессиональной (что вполне возможно в жизпи); чужда ей и последовательная архаизация, воссоздание реальной речи предшествующих времен, а также и точное воспроизведение сегодняшней, сиюминутошной речи (она всегда опирается на более широкое и прочное бытие речи — на речь целой энохи).

Наконец, художественная речь не бывает ни излишне всеобщей (что присуще официально-деловым формам речи), ни чрезмерно индивидуализированной (как в интимных формах речи): и то и другое нарушило бы ее уравновешенность и полноту. Она в меру всеобщна и в меру индивидуализирована.

Конечно, все это особенно справедливо по отношению к авторской речи. Но все это относится в той или иной мере и к речи героев — персонажей или рассказчика. Правда, можно указать произведения, в которых как раз выступают те или иные «исключительные», односторонние по своему характеру, «крайние» свойства и формы речи. Однако во всех подобных случаях эти явления так или иначе мотивированы, обусловлены и воспринимаются именно как исключения, как сознательно и целесообразно впесенная в произведение односторонность, которая уже поэтому перестает быть едносторонностью, включается в словесно-художественную полноту и многогранность целого.

Такова, например, косноязычная речь мистера Джингля («Пиквикский клуб» Диккенса), или — разумеется, совершенно иная — Кириллова («Бесы» Достоевского). Каждый читатель ясно сознает, что эти исключительные речевые формы обусловлены особыми художественными целями.

Художественная речь не бывает и излишне экспрессивной, эмоциональной, заостренно выразительной. Конечно, степень ее экспрессивности может быть различной в разные эпохи, в разных литературных направлениях. Так, например, выделяется своей экспрессивностью речь литературы романтизма. Однако и здесь наиболее подчеркнутая эмоциональность характерна для посредственных художников, для модных романтических беллетристов и эпигонов.

Чрезмерная экспрессивность речи в ультраромантизме нередко служила объектом литературных народий. Типична в этом отношении пародия Ф. М. Достоевского «Итальянские страсти», вошедшая в его роман «Бедные люди»:

- «... Владимир вздрогнул, и страсти бешено заклокотали в нем, и кровь вскипела...
- Графиня,— вскричал он,— графиня! Знаете ли вы, как ужасна эта страсть, как беспредельно это безумие? Нет, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бешено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальет бешеного, клокочущего восторга души моей! Ничтожные препятствия не остановят всеразрывающего, адского огня, бороздящего мою истомленную грудь! О Зинаида, Зинаида!..» и т. п.

Чрезмерная экспрессивность разрушает основные свойства художественной речи, ее гармоничность, ее правдоподобие и особенно се полноту и многогранность. Речь становится однообразной, однотонной, она не схватывает цельное богатство мира и человека. В каком-то смысле она терпит ущерб даже с точки зрения подлинной экспрессивности. В спокойной, уравновешенной речи эпического повествования таится, дремлет и тем не менее живет многогранное богатство человеческих эмоций, словно готовых в любой момент выйти на поверхность. Пусть мы отчетливо слышим только «нейтральный» эпический тон — мы угадываем в нем многообразие чувств, целую экспрессивную гамму. И с тем большей остротой ощущается эмоциональное напряжение в тех точках повествования, где художник на мгновенье как бы слегка прорывает эпический покров и внутреннее пламя чуть вырывается наружу.

С чисто эпическим спокойствием рассказывает Толстой о предсмертных часах Андрея Болконского, о прощании его с Наташей. И лишь в одном месте есть перебой в речи, который действует сильнее, чем любые самые «экспрессивные» формы:

«Наташа быстрым, но осторожным движением подвинулась к нему на коленях и, взяв осторожно его руку, нагнулась над ней лицом и стала целовать ее, чуть дотрагиваясь губами.

- Простите! сказала она шепотом, подняв голову и взглялывая на него. — Простите меня!
 - Я вас люблю,— сказал князь Андрей.
 - Простите...
 - Что простить? спросил князь Андрей.
- Простите меня за то, что я сде ... лала,— чуть слышным, прерывным шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрагиваясь губами, целовать руку».

Это «сде ... лала» вдруг озаряет всю сцену и навсегда врезается в намять ...

Итак, экспрессивность, конечно, составляет неотъемлемое качество художественной речи, но совсем в ином смысле, чем нередко полагают. Прямолинейное определение «художественная речь экспрессивна» в сущности бессодержательно, ибо с большим основанием можно говорить об экспрессивности речи любого житейского диалога, устного рассказа или частного письма.

В искусстве дело заключается не в экспрессивности речи самой по себе, а в художественном воссоздании, претворении этой экспрессивности,— претворении, которое делает ее элементом искусства, художественным феноменом, обладающим мерой, гармонией, красотой, без которых немыслимо искусство вообще.

В жизни крайнее человеческое отчаяние может говорить на безобразном (хотя и экспрессивном) языке и все же вызвать у нас глубокое сочувствие. В искусстве и отчаяние говорит на языке прекрасном; иначе мы не сможем ему сочувствовать, оно вызовет только скуку, раздражение или смех.

2. Современная поэтика, как представляется, терпит большой ущерб из-за того, что она редко и мало опирается на классическую филологию и, в частности, на древнейшие и средневековые трактаты об искусстве слова. Обращаясь к поэтикам древней Греции, Индии, Рима, Китая, Византии, Японии, западноевропейского и славянского средневековья, мы стремимся прежде и более всего к тому, чтобы извлечь из этих памятников те идеи и наблюдения, которые непосредственно перекликаются с современными исканиями в сфере поэтики. Из «Поэтики» и «Риторики» Аристотеля обычно приводят и комментируют всего несколько положений, наиболее созвучных сегодняшним представлениям об искусстве слова.

Между тем древнейшие теоретические размышления о поэзии обладают одним неоценимым преимуществом перед современной филологией. В них есть давно уже утраченная свежесть восприятия предмета, позволяющая видеть такие стороны, которые позднейшие наблюдатели нередко просто не замечают, уже хотя бы в силу их очевилности.

Известно восхищение Чехова, вызванное фразой из сочинения ребенка: «Море было большое». Элементарная очевидность факта делает его доступным лишь наивному восприятию, к которому взрослый человек может вернуться только с громадным напряжением. Но ведь это действительно основное, всеопределяющее свойство моря, которое и отличает его от иных форм бытия воды ...

Одним из центральных тезисов древней поэтики было понятие о сравнении как основе, фундаменте художественной речи. Именно в категории или — позволю себе употребить не очень научное слово — стихии сравнения видели древние определяющее своеобразие художественной речи, ее отличие от всякой другой.

Древнее понимание сравнения принципиально отличается от новейшего. Для нас сравнение — это, в конечном счете, один из художественных приемов, одна из форм словесной образности. Между тем, например, античное учение о тропах выступает как универсальное решение проблемы искусства слова (другие стороны античной филологии обращены в сущности ко всякой речи — ора-

торской, философской, исторической, деловой и т. д.). Квинтилиан видит своего рода изначальное зерно искусства слова в выражениях типа «он — лев» (все тропы, кстати сказать, правильно понимаются в античных поэтиках как модификации сравнения; так, например, метафора или метонимия — не что иное, как «сокращенные сравнения»).

Индийская поэтика определяет искусство слова понятием д х в а н и, которое имеет в виду сложную и многообразную систему сравнений различных типов и форм. Позднее это универсальное понятие о сравнении было утрачено. Правда, одно из наиболее глубоких филологических направлений новейшего времени, связанное прежде всего с именами Гумбольдта и Потебни, придавало большое значение этому понятию. Но оно как бы перенесло центр тяжести из собственно словесного плана в психологический, и это очень затрудняло объективный анализ проблемы. Кроме того, развитие самого искусства слова, в особенности становление художественной прозы, требовало существенно изменить и обновить понятие о сравнении как фундаменте художественной речи.

И это, по-видимому, наиболее важная сторона дела. В древней поэзии сравнение выступало на первый план в своей прямой, собственной форме, например как всеобъемлющая сложная цепь или, точнее, сплетение тропов (в их различных видах, восходящих тем не менее к элементарному сравнению). В современной поэзии и особенно художественной прозе стихия сравнения предстает прежде всего в иных и очень многообразных формах.

Сравнение в широком смысле — это всякое художественно значимое взаимодействие слов и словесных (или речевых) полей, зон, пластов. Формы сравнения в самом деле неистощимо многообразны. Всякий архаизм художественной речи порождает именно сравнение: сравнение старого и нового, современного. Архаизм в речи — не старое, а старинное слово. Этот оттенок значения очень важен. Ибо старинное значит не просто старое, но старое, прошлое, перенесенное в современность. И суть дела не просто во введении старого слова, а в сравнении, столкновении двух речевых планов, способном высвободить художественную энергию. Столкновение «современных» и «старых» слов порождает новый предмет, новое «слово», или, точнее, побуждает нас самих сотворить новое слово, вбирающее в себя свойства прошлого и современности. Сказанное об архаизме относится и ко всем специфическим явлениям в лексике — неологизмам, прозаизмам, диалектизмам, поэтизмам, жаргонизмам и т. п.

Для современной прозы гораздо более существенна другая форма сравнения — сопоставление различных «голосов» в целостной речевой системе произведения. Это голоса (или речевые планы, зоны, пласты) автора, рассказчика, персонажей и т. п. Здесь сталкиваются глубоко различные — характерные или индивидуальные — речевые планы, что опять-таки высвобождает художественную энергию.

Проблема сопоставления или взаимодействия речевых планов, играющего, по-видимому, определяющую, центральную роль в художественной речи современной прозы (начиная с Толстого и Достоевского) широко исследована в работах М. М. Бахтина и В. В. Виноградова.

Анализируя речевое воплощение размышлений Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин показывает, что наиболее характерная черта здесь — «наполненность ... чужими словами». Во «внутреннюю речь» Раскольникова то и дело входят слова матери, сестры, Мармеладова, Сони, Лужина, Свидригайлова и т. д. «Он наводняет этими чужими словами свою внутреннюю речь, осложняя их своими акцентами или прямо переакцентируя их, вступая с ними в страстную полемику. Благодаря этому его внутренняя речь строится как вереница живых и страстных реплик на все слышанные им и задевшие его чужие слова ...» (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, стр. 320).

Как раз из этого сопоставления, этого столкновения различных «голосов» и рождается художественная энергия. Конечно, данная конкретная разновидность сопоставления голосов характерна именно для Достоевского и близких ему писателей. Но в ней выражается и общий закон новейшей художественной прозы.

Можно бы указать и другие формы «стихии сравнения», лежащие в основе художественной речи. Но важнее, пожалуй, сказать в заключение о другом.

Дело в том, что все изложенное может быть подвергнуто сомнению и отрицанию как такая концепция, которая отнюдь не решает проблему именно художественной речи. Ведь сравнения в прямом смысле, сопоставление различных лексических явлений (архаизмов и современной лексики) и, наконец, взаимодействие различных голосов присущи всякой речи. Чем, например, отличается вобравшая в себя различные «голоса» и речевые планы повесть или драма от записи любого житейского диалога?

Этот вопрос поставить необходимо. Более или менее просто увидеть отличие художественного сравнения (в прямом смысле) от сравнения в нехудожественной речи. Очевидно принципиальное отличие художественных метафор от метафор языковых, типа «солнце село». Последние и не являются сравнениями как таковыми, ибо не требуют творческого акта, рождающего новый «предмет», давно застыли и стали достоянием всех и каждого.

Однако в речи любого человека могут, конечно, возникать индивидуальные сравнения и метафоры, которые являются в конечном счете творческим актом и требуют такого же акта от слушателя. Относятся ли такие сравнения в той или иной мере к явлениям художественной речи? По-видимому, это так. Но нельзя ставить вопрос об искусстве, игнорируя категорию ценности, ибо искусство есть всецело ценностное явление.

В речи каждого человека есть более или менее значительные

элементы художественности, а в отдельных случаях вся речь имеет художественный характер. Но необходимо различать художественность в собственном смысле и художественность чисто формальную. Ибо подлинная художественность, позволяющая отнести речевое явление к искусству, должна удовлетворять определенным ценностным критериям.

Так, сочинение любого графомана формально принадлежит к числу художественных произведений. Но поскольку, скажем, сравнения и метафоры бездарного стихотворца не высвобождают высокой художественной энергии, не заключают в себе эстетического богатства и глубины, мы отказываем их автору в праве называться поэтом, хотя с формальной точки зрения он и выступает как поэт.

Собственно говоря, бездарное сравнение и не способно высвободить художественную энергию, породить в нашем воображении «новый предмет». Оно только претендует на это. То же самое следует сказать и о сравнении, сопоставлении «голосов» и «речевых планов» в прозе. Приведу замечательное высказывание Лескова о бездарном романе:

«Я стараюсь прислушиваться к голосам действующих в нем лиц... Многочисленные его герои расставляются ... на ровной плоскости, вроде оловянных солдатиков ... А сражения-то и нет! Стоят они себе оловянными, мертвыми, безголосыми...».

Иначе говоря, здесь сопоставление голосов не является плодом творчества и не порождает творчества в речевом воображении читателя.

Но как быть с обычным, реальным взаимодействием голосов, диалогом? Чем, скажем, протокол допроса отличается от гениального изображения допроса в «Преступлении и наказании» Достоевского? Дело, очевидно, просто в том, что диалог в романе всецело сотворен художником и потому до краев насыщен глубоким смыслом. Это принципиально отличает его от любого реального взаимодействия голосов, от «сравнения» речевых планов, данного самой жизнью.

Поэтому какое-либо отождествление взаимодействия голосов в собственно художественной и внехудожественной речи неправомерно. Подлинное сравнение слов и речевых планов (которое сознательно, целенаправленно и с художественной силой и глубиной осуществляется человеком) возможно только в искусстве. Стихия сравнения — основа именно художественной речи. За ее пределами сравнение как таковое — как плод творчества в собственном смысле слова — невозможно.

В. В. КОЖИНОВ



«Наш дар бессмертный речь»

И. А. Бунин вошел в историю русской литературы как один из величайших мастеров слова. По воспоминаниям Вс. Рождественского, считая Бунина «лучшим стилистом современности» и восхищаясь его языком, М. Горький говорил: «Это лучшее, на что способна современная проза». По мнению А. Н. Толстого, художественное творчество Бунина — замечательный «пример, как нужно обращаться с русским языком». В произведениях художника запечатлены беспримерное богатство и чарующая прелесть русского языка, его звучность и музыкальность.

Бунинская концепция языка стройна и последовательна. Человеческое слово писатель ценит как псмеркнущую святыню, он полон неиссякаемой любви к нему. Согласно воззрениям Бунина, письменное слово вечно, оно «незримой связью связует нас с отжившими», побеждает пространство и время, борется с «рекой забвения». В познании далекого прошлого, истории человечества именно слову, «письменам» отводится писателем решающая роль:

Молчат гробницы, мумии и кости,— Лишь слову жизнь дана: Из древней тьмы, на мировом погосте, Звучат лишь письмена.

Отсюда необычайно бережное, любовное отношение Бунина к слову, его забота о чистоте и гармонии литературного языка.

Как поэт Бунин выступил в конце 80-х годов прошлого столетия. В литературе в это время явно обнаружилась тенденция к понижению общего уровня языковой культуры. В буржуазно-либеральных, народнических журналах передко печатались произведения, написанные бедным, невыразительным языком со множеством штампов. Языку декадентской литературы была свойственна вычурность, нарочитая затемненность смысла слов.

В этих условиях Бунии выступил как наследник лучших традиций литературного языка Пушкина, Гоголя, Тургенева. Творческое кредо Пушкина — естественность, простота языка, гармония чувств и слова, взгляд Гоголя на язык как на яркое живописное средство, чувство ритма Тургенева и его стремление пополнять сло-

варный фонд диалектизмами, просторечиями — все это близко и дорого Бунину.

Но Бунин не только хранит заветы и достижения своих великих предшественников, он оберегает язык от тех, кто, оставаясь глухим к его внутренним законам и нормам, засоряет родную речь ненужными иностранными словами, неоправданными неологизмами.

Охраняя самую сущность и первозданную чистоту русского языка, писатель утверждал тем самым реалистическую простоту и точность стиля. Он призывал к борьбе с искусственной выспренностью, с ложной красивостью. В незаконченной рукописи Бунина о Чехове читаем: «Вспоминаю с великим удовольствием еще то, что он [Чехов] терпеть не мог таких слов, как "красиво", "сочно", "красочно".— Хорошо у Полонского сказано,— говорил я: — красиво уже не — красота! — Чудесно! — соглашался он. — А "красочно" — ведь они [критики] же не знают, что у художников это бранное слово!».

Предъявляя высокие требования к другим. Бунин был не менее требователен и к себе. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные рукописи произведений писателя. Случалось иногда, что у него, по собственным словам художника, целые дни проходили «в мучениях над словами и звуками». Для Бунина главное отнюдь не красота слова сама по себе. Писатель боролся за развитие литературного языка на народной основе, в которой он чувствовал эту безбрежную красоту. Безличная гладкость, расплывчатая фразеология интеллигентных кругов глубоко возмущала художника. Сам писатель с детства жадно слушал чистый, без иноземных заимствований, «богатейший русский язык» средней полосы России, того илодородного подстепья, «где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны...». В «Автобиографической заметке» Бунин писал, что от дворовых и матери он в детстве много наслушался песен, сказок, преданий... Им же он чувствует себя обязанным первыми познаниями «в народном и старинном языке». В дальнейшем писатель непрестанно расширял и дополнял свои первоначальные сведения о родном языке. В настоящем русском народном языке он видел яркость, остроумие, соль. Поэтическим образцом для нисателя служит фольклор. Об усвоении Буниным богатств устного народного творчества свидетельствуют многочисленные фольклорные элементы, искусно вкрапленные им в его творения. Такие произведения, как «Сказка», «Баллада», «Лирник Родион» и многие другие, почти целиком построены на фольклорных образах.

Услышанное из уст народа Бунин сопоставлял с древней русской речью. С этой целью он внимательно изучал старинные летониси и другие исторические и литературные памятники нашей письменности. В рассказе «Чистый понедельник» любимая автором героиня с восторгом говорит: «Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до тех пор перечитываю то, что особенно нравится, пока наизусть не заучу». Чутко Бунин улавливает изя-

щество и красоту звучания старинных слов и выражений: «рече Гюрги», «Церковь Спаса-па-бору» и т. д. Писатель восклицает: «Как хорошо!.. Вот это и подобное русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним».

Неоднократно писатель читал и перечитывал «Слово о полку Игореве», всякий раз упиваясь им заново. С восторгом говорил он о «несказанной красоте» этого древнерусского памятника. За связь «с своей почвой, с своей землей» Бунин высоко ценил «сильный простой язык» стихотворений И. С. Никитина. Особенно же восхищал художника «хороший колоритный» язык Л. Толстого: «...не мало слов произносил он на старинный лад...; любил выражаться народными поговорками; с мужиками говорил их языком, никогда, однако, не подлаживаясь под них...».

Любовь Бунина к старинной народной речи, беспрерывное изучение и тонкое понимание ее несомненно свидетельствовали о патриотических чувствах писателя. Однако в обращении к стихии народного языка сказались не только сильные, но и слабые стороны творчества Бунина. Оно не привело писателя, обладавшего большим тактом и чувством меры, к неуемному увлечению архаическими формами, но художник прошел мимо отдельных достижений, словесных находок, новых языковых веяний в творчестве талантливых поэтов XX века — Маяковского, Блока, Есенина и других.

Бунин прекрасно знает не только старинный русский язык, ему хорошо знаком весь фонд национального языка. Писателю было ясно, что литературный язык должен пополняться живыми новыми словами. В творчестве Бунина использованы местные говоры, в них сверкает и переливается сочная орловская речь. Сколько ярких колоритных слов в «Антоновских яблоках» (панёва, ободняется, зазимок); в «Деревне» (замашная рубаха, пельки) и многих других повестях и рассказах! Эти диалектизмы не выделяются резко на общем языковом фоне рассказа, но они придают произведению легкий местный колорит.

Главным достоинством стиля Бунин считает умение для изображения любой вещи, мысли найти одно, единственно необходимое слово, выражающее сущность, абсолютно точное определение. Восхищаясь языком Л. Н. Толстого, художник писал: «В смысле правдивости удивителен был даже язык его произведений, выделяющийся во всей русской литературе отсутствием всяких беллетристических красот, готовых стилистических приемов, условностей, поражающий смелостью, нужностью, точной находчивостью каждого слова».

Бунин умеет использовать смысловую многогранность слова, всю гамму его красок, оттенков, поставить его в такой контекст, чтобы оно дало максимум смысловых приращений.

Достоинством стиля писатель считает немногословность, краткость. В одном из своих писем художник писал: «Сравнения, всяческие одушевления должны диктоваться всличайшим чувством меры и такта, никогда не должны быть натянуты, пусты, "красивы" и т. д.». Критикуя начинающего писателя А. И. Тинякова, Бупин с возмущением спрашивает: «Неужели тяжкое — порою даже преднамеренно тяжкое — нагромождение высокопарных определений и сравнений... есть нечто иное, чем бессильное желание сказать что-то значительное?». Сурово он осуждает «беллетристическое сладострастничество», подразумевая под этой формулой, «то "щегольство" наблюдательностью и то излишество "штрихов", чем переболел» он сам. Редактируя свои произведения, писатель безжалостно вычеркивал множество подробностей, оставляя лишь характерные детали, которые заменяют целые описания.

Значительное место в теоретических высказываниях Бунина занимает вопрос о знаках препинания. В 1946 году, посылая Н. Д. Телешову рукопись «Темных аллей», художник писал: «Сохранить мои знаки препинания, поставить ударение (?) над теми словами, что указаны мной...». Подобными просьбами испещрены все письма Бунина к редакторам и издателям его сочинений.

В родном языке Бунин видел величайшую национальную гордость, отражение в нем дум, чувств, своеобразия духовного склада русского народа.

И нет у нас иного достоянья! Умейте же беречь Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья, Наш дар бессмертный— речь.

Н. И. ВОЛЫНСКАЯ, доцент Череповецкого педагогического института



Три редакции одного рассказа

Стиль Бунина-новеллиста не оставался неизменным на протяжении всей творческой жизни писателя. Это отчетливо видно, если проанализировать несколько редакций рассказа «Грамматика любви» и сравнить его с поздней новеллой «Темные аллеи».

Литературное произведение дано нам как динамическое делое. При изучении его очень важно открыть объединяющий принцип стиля. В теории художественной речи академика В. В. Виноградова таким объединяющим принципом стиля стал образ автора. Структура повествования «обус-

ловлена формами соотношения субъективных плоскостей автора и персонажей. Для понимания динамики этих колебаний необходимо определить принципы соприкосновения, слияния и разрыва разных субъектных планов» (В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы».— В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. № 2. М., 1936, стр. 105).

С этой точки зрения интересно то, как работал Бунин над стилем рассказа «Грамматика любви».

Текст претерпел изменения от рукописи, датированной 18 февраля 1915 года, до правки на авторском экземиляре сборника «Митина любовь.— Солнечный удар» (1953). Работу Бунина можно разделить на два периода: 1) подготовка к первой публикации (1915) и 2) подготовка к публикации в собрании сочинений (1935), правка на экземпляре VI тома этого собрания и правка текста в авторском экземпляре сборника «Митина любовь.— Солнечный удар». По времени и по характеру все изменения текста, относящиеся к 30—50-м годам, можно объединить. Поэтому здесь будут использованы лишь три источника: рукопись, текст первой публикации и окончательный текст (См. Собрание сочинений в 9-ти томах. М., 1966).

Для Бунина не характерна коренная переделка рассказа, заново написанный текст. Писатель обычно сохраняет в новой редакции произведения основные стилистические особенности первоначального варианта. Правка касается преимущественно деталей, отдельных выражений. Примечательно и то, что большинство рассказов, написанных в 90—900-е годы, Бунин не включил в собрание сочинений 30-х годов: стиль раннего рассказа оказался несовместим со стилистическими тенденциями последнего периода его творчества.

Подготовка «Грамматики любви» к первой публикации — это отделка, отшлифовка рукописного варианта, устранение различных стилистических излишеств, неточностей. Правка не касалась самого тона рассказа.

В рукописи

... То, что лошади всецело вверены ему, и то, что он наряжен, делало его особенно серьезным.

... с хлебов, с невысоких сизых ржей, простиравшихся ∂o горизонта насколько глаз хватит, дул сладкий ветерок.

Малый, в новом картузе и неуклюжем *постриновом* пиджаке, сидел *ровно*, прямо.

Затягиваясь и смеясь, она говорила без умолку, все сводя разговор на любовь...

...любви непонятной, в какое-то экстатическое житие превратившей целую человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной в своем обаянии, или только ставшей таковой в свете этой любви Лушки...

В публикации 1915 года

...то, что лошади всецело вверены ему и что он наряжен, делало его особенно серьезным.

... с хлеоов, с невысоких сизых ржей, простиравшихся насколько глаз хватит, дул сладкий ветерок.

Малый в новом картузе и неуклюжем пиджаке сидел прямо...

Затягиваясь и смеясь, она все сводила разговор на любовь...

...любви непонятной, в какое-то экстатическое житие превратившей целую человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной в своем обаянии Лушки...

Кроме исправлений мест, стилистически неудачных с нормативной точки зрения, в рукописи вычеркиваются и многие выразительные прилагательные-определения. Бунин при подготовке рассказа к печати последовательно устранял излишнюю детализацию, отвлекавшую внимание от развития сюжета.

«Малый ... спокойно мок под дождем на козлах тарантаса, остановившегося среди грязного двора, возле громадного каменного корыта...», «... Она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугие и круглые сеекольные руки ...»; «Но громыхали глухарями лошади, по их темным и блестящим ляжкам бежали серые струйки, под колесами сочно шуршали высокие травы ...»; «Потом дорога стала переходить с одного бока на другой по каменистым днищам оврагов ...»; «Зато огромны были грузные мрачные крыльца»; «... Ивлев увидел заношенный шнурок, а на нем — снизку действительно очень дешевеньких деревенских голубых твердых шариков, похожих на каменные...»; «Каждая глава состояла из коротеньких, изящных, порою очень тонких и метких сентенний ...».

Пристрастие к обильному употреблению качественных прилагательных — заметная черта в стиле Бунина, особенно в ранних рассказах 90—900-х годов. Сравните употребление качественных прилагательных в «Антоновских яблоках» (1900): «Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы...». Или: «Толпятся бойкие девкиоднодворки в сарафанах, сильно нахнущих краской, приходят "барские" в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова». В некоторых случаях сам по себе выбор прилагательных представляется в контексте повествования удачной находкой: «громадное корыто» во дворе барского дома или «серые струйки» дождя, сбегающие по темным ляжкам лошадей. Но они устраняются как несущественные детали.

Вместе с тем вычеркиваются и более крупные куски текста, насыщенные различными подробностями. О графине, например, вначале говорилось, что она была «дочерью станового, женившей на себе мальчишку графа», подробно был написан ее портрет: «у нее было крепкое тело, насмешливые глаза, толстая коса и бурый цвет лица, покрытого прыщами, сизыми от крема». Образ графини в окончательном варианте предстает в более обощенном виде: она становится «молодой», провинциально кокетливой, «постоянно сводящей разговор на любовь».

Но все же при подготовке рассказа к печати не все «редкостные реалии» были устранены, так как рассказ был построен на контрасте лирического начала и несколько карикатурных черт «реальной жизни». Поразительно нетипичной была такая картина: «Старик в очках, пахавший возле деревни ...». Эту деталь писатель убирает лишь в более поздних редакциях.

Бунин разрушает и всю систему символов, имевшуюся в рукописи и связанную с первым заглавием — «Невольник любви». Так, в конце рассказа: «Он все думал о Лушке, о ее ожерелье и о невольнике ее ...» — вычеркиваются последние слова. Однако правка в рукописи все же не затрагивала основного в структуре повествования рассказа.

В 30—50-е годы Бунин правит уже с иных стилистических поэмций. Декларативная лиричность, насколько это возможно, устраняется или смягчается. Общее число исправлений невелико, зато можно проследить, как последовательно вычеркиваются слова, напоминающие о том, что события рассмотрены под углом зрения лирического героя.

В публикации 1915 года

[После вопроса малого «К графу будем заезжать?»] Ивлев поглядел кругом: погода поскучнела, со всех сторон натянуло легких линючих туч, и уже накрапывало — эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями.

Но спорить не хотелось.

…под верх набпрался теплый ржаной дух, мешавшийся с запахом старого тарантаса,— ехать все-таки было отлично.

[Слова малого]:

— На этот, на писарев верх... Такого пути Ивлев не знал, и это тоже было приятно. В окончательной редакции

Ивлев поглядел кругом: погода поскучнела, со всех сторон натяпуло линючих туч и уже накрапывало—эти скромные деньки всегда окапчиваются окладными дождями.

...под верхом собирался теплый ржаной дух, мешавшийся с запахом старого тарантаса...

— На этот, на писарев верх... Та-кого пути Ивлев не знал.

Лексика субъективной сферы лирического героя была представлена в первой редакции не только полнозначными словами, но и словами с несамостоятельным лексическим значением. Так, в приведенном ниже отрывке вычеркивается союз но, что вызывает перевод последующего предложения в план объективного повествования: «Когда поехали дальше, дождь разошелся уже по-настоящему, пришлось поднять верх, закрыться каляным ссохшимся фартуком, сидеть согнувшись. Но громыхали глухарями лошади, по их темным и блестящим ляжкам бежали струйки, под колесами сочно шуршали травы ...». Употребление союза здесь необычно, но по-своему оправдано. «Поднять верх», «закрыться фартуком», «сидеть согнувшись» — это означает не только «спрятаться от дождя», но и «приглушить шум, отгородившись от дождя», «уйти в себя». Но тем отчетливее и раздельнее становятся звуки, проникающие в незакрытую часть, перед сидением кучера, которые мешают «уйти в себя» (и после приведенного отрывка, и до него описания перебиваются прямой речью — размышлениями Ивлева). Таким образом, употребление союза оправдано пропуском, опущением каких-то смысловых частей, которые легко восстанавливаются из контекста повествования. А устранение союза сближало описание с авторской речью, так как дальнейшее описание уже не обязательно связывалось с ощущениями героя рассказа.

Определенная последовательность в правке 30—50-х годов свидетельствует о новых стилистических тенденциях в новелле Бунина, которые в какой-то мере противоречили «лирическому потоку» первой редакции рассказа «Грамматика любви». Разумеется, нельзя утверждать, что этими тенденциями можно ограничиться при рассмотрении эволюции стиля новеллы Бунина. Апализ всего творчества писателя дает весьма сложную картипу: по-разному будет варьироваться стиль произведения в зависи-

мости от тематики, сюжета, от того, короткий ли это рассказ-притча или новелла, переходящая в повесть и т. д. Можно пока говорить лишь об эволюции стиля, проявляющейся в рассказах, сходных по тематике, композиции.

Изменения в стиле новеллы Бунина можно представить, сравнив два рассказа: «Грамматика любви» и «Темные аллеи» (паписан в 1938 году). Рассказы удобны для сравнения, так как композиционная рамка у них одна и та же: дорога — случайная остановка, во время которой происходит самое важное событие,— и опять дорога. Кроме того, оба рассказа связаны общностью тематики, даже одна и та же реальная ситуация составляет их основу: любовь молодого помещика и девушки-прислуги, жигущей «при господах». Стилистические особенности рассказов предопределены различным соотношением сферы авторской речи и речи персонажей, «построением» образа автора. Это можно увидеть, сравнив роль компонентов повествования: портретной характеристики, пейзажа, диалога и т. д.

В «Грамматике любви» пейзаж «одущевлен»: «теплый, тусклый день»; «сладкий ветерок»; «погода поскучнела»; «со всех сторон натянуло линючих туч» и т. д. Пейзаж отражает сближение автора и лирического героя. Когда Ивлев едет в Хвощинское, размышляя о необычной судьбе бывшего хозяина усадьбы, то здесь следует описание необычных, таинственных мест (необычность и таинственность — с точки зрения главного героя). То, что Бунин начинает вести описание как бы от лица персонажа, проявдяется и в особом характере лексики. «Места становились все беднее и глуше»; «какие-то еще не кошенные луга»; «чья-то маленькая пасека»; «объехали какию-то старую плотину, потонувшую в крапиве». Затем после реплик малого, снимающих всю притягательность и таинственность с дюбовной истории, следует неожиданная гроза («неожиданно небо над тарантасом раскололось от оглушительного удара грома»). И, наконец, после знакомства Ивлева с усальбой Хвошинского— «тихий теплый вечер» (и тут же воспоминания Ивлева об Италии). Пейзажное описание пронизано субъектным планом персонажа, смена настроений, мыслей героя дается через пейзаж.

В «Темных аллеях» пейзаж вкраплен в событийную цень повествования. Так, в начале рассказа он дан лишь несколькими штрихами, в части сложного предложения: «В холодное осеннее непастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, ...подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом ...». И в конце рассказа, после драматического диалога героев: «Низкое солнце желто светило на пустые поля, лошади ровно шлепали по лужам. Он глядел на мелькавшие подковы, сдвинув черные брови, и думал...». Здесь пейзаж лишь подчеркивает композиционную завершенность повеллы; он полностью принадлежит авторской речи.

В обоих рассказах есть «третий персонаж» — своеобразный комментатор событий. Это малый — в «Грамматике любви» и кучер — в «Темных аллеях». Третий персонаж под своим углом зрения рассматривает события, исходя из того, что известно ему и не известно в то же время главному герою. Слова малого о том, что Лушка просто утонилась от невыносимой жизни, а не таинственная смерть настигла се, что молодой Хвощин-

ский живет с женою дьякона и проч.— все это остается как параллельный, второй план в событийной ткани. Этот второй план не влияет на субъективный строй повествования. Автор сближен с главным героем, но не сближается со сферой третьего персонажа.

В «Темных аллеях» отделенность автора от персонажей проявляется не только в том, что автор и главный герой никогда не сближаются и не сливаются, но и в равной степени отдаленности от всех персонажей рассказа. Когда кучер характеризует бывшую возлюбленную главного героя: «Деньги в рост дает... Но крута! Не отдал вовремя — пеняй на себя», — то это вызывает новые раздумья у Николая Александровича: «Да, пеняй на себя ... Но, боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоялой горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?». Реплика кучера не повисает в воздухе, третий персонаж включается в событийный план повествования, как бы отдаляя главного героя от автора.

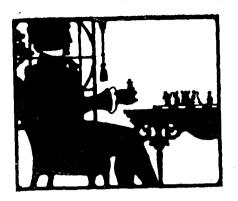
То же — и в портретной характеристике, которая дается внешне объективированно. Главный герой в «Темных аллеях» — «стройный старик-военный, в большом картузе и николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником, еще чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами ...». Так же внешне характеризуется и другой персонаж — кучер: «На козлах тарантаса сидел крепкий мужик в туго подпоясанном армяке, серьезный и темноликий, с редкой смоляной бородой, похожий на старинного разбойника...».

Иначе даются портреты в рассказе «Грамматика любви». Главный герой вообще лишь только назван — «некто Ивлев», в какой-то степени условное обозначение лирического героя. Портреты других персонажей даются субъективированно, через восприятие главного героя. Например о малом: «Малый лет восемнадцати, тупой, хозяйственный. Он все о чем-то недовольно думал, был как будто чем-то обижен, не понимал шуток». И само слово малый принадлежит к субъективной сфере главного героя (ср. нейтральное называние третьего персонажа в «Темных аллеях» — кучер).

К тем же выводам можно прийти, рассмотрев портретные характеристики других персонажей обоих рассказов, как и вообще любые описания. В более ранней новелле описания появляются постольку, поскольку герой останавливает свое внимание на чем-либо. На первый план выступаст объективно несущественное, необычное, которое объединяется субъективированной авторской речью (мебель в зале была топорная; полбыл устлан сухими пчелами и т. п.). Подобные же описания в «Темных аллеях» полностью принадлежат авторской речи: «В комнате было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки ...».

Таким образом, рассказы «Грамматика любви» и «Темные аллеи» представляют два разных периода в развитии стиля новеллы Бунина. Упрощая, можно сказать, что рассказ «Грамматика любви» — это переходная ступень от лирического рассказа раннего периода (90—900-е годы) к объективированному повествованию в поздней новелле Бунина (30—50-е годы).

В. В. КРАСНЯНСКИЙ, аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова



О синтаксисе прозы Бунина

Синтаксическая доминанта «Темных аллей»

Синтаксическая доминанта - это господствующие явления в синтаксисе произведения, которые определяются главным образом связями законченных предложений, согласованными со строением отдельных предложений (простых и сложных). Насколько тесная связь существует между синтаксисом отдельных предложений и синтаксисом целого текста, видно из опыта П. П. Бажова. Бажов советовал начинающим писателям: «Фразу надо разбивать ... Правда, тогда связки мучают. В длинной фразе они второстепенны, незаметны. А если разбивать, то сразу начинаются "но", "и", "однако", "оттого" и прочее, совсем нежелательные автору». Так происходит потому, что отношения причины, следствия, времени и другие по преимуществу неоднородные отношения, изгнанные из середины фразы, обязательно проявляются между отдельными фразами. Таким образом, заменяя сложные предложения простыми или наоборот, мы неизбежно меняем связи во всем тексте.

Соотношение между строением предложений и целого текста может меняться в широких пределах и в различных направлениях. У разных авторов оказываются свои излюбленые способы построения текста, которые могут меняться в зависимости от установки на тот или иной крут читателей, от жанра произведения и т. д.

Одни писатели предпочитают одпородные констатирующие предложения, просто сообщающие о фактах, без исно выраженных синтаксических связей, причем неоднород-

ные отношения укрываются внутри законченных предложений (так довольно часто делал И. С. Тургенев). Другие писатели выносят неоднородные отношения за рамки закопченных предложений, нагромождая одни отношения на другие Л. Н. Толстой). Третьи часто отрывают придаточное от главного, а также члены предложения, представляя их в виде самостоятельных предложений, после точки. Этот прием часто встречается в современной прозе. Возможны разные комбинации синтаксических доминант, но иногда встречается явное преоблапание какой-либо черты. В этом отноинтересен пикл И. А. Бунина «Темные аллеи», позволяющий описать синтаксическую доминанту однородности.

Понятие однородности в синтаксисе целого текста расширяется и углубляется. Под однородными отношениями понимаем такие отношения, когда в законченных предложениях сообщается о фактах в одной и той же грани возможных многосторонних связей: в системе сосуществования, в системе последовательности и т. д. Здесь возможны три степени: констатация, сочинение и подключение.

Сочетания констатирующих предложений являют самую слабую стелень однородности: однородность в системе независимого сосуществования, не допускающую прояснения при помощи союза и. Местами эта система сменяется системой последовательности, тоже намечаемой так слабо, что невозможно прояснение с помощью слова потом. В конста-

тирующих предложениях особенно ясно сказывается основная черта однородности: равноценность синтаксических элементов. Как одии синтаксический элемент относится к другому, так тот относится к первому. Самостоятельные предложения совпадают по синтаксической функции настолько, что почти безразлично, какое поставить впереди и какое после.

Следующая ступень — предложения с сочинительными связями, в которых с помощью соединительных, противительных, противительных и разделительных союзов выражаются отчетливые отношения согласного сосуществования или последовательности, противоречивого сосуществования, а также взаимоисключающего сосуществования или

чередования.

Наиболее энергично однородность выражается в подключенных предложениях, которые стоят после законченного ряда однородной связи и содержат добавление еще одного или нескольких однородных элементов сверх сообщенных ранее, которых и самих по себе достаточно. Поэтому добавляемое предложение представляется избыточным, несколько отдаленным от сказанного. Этим объясняется энергичное выражение связи словами сверх этого, кроме всего того и др.

Около половины новелл пикла «Темные аллеи» начинается констатирующим предложением, в котором сообщается, не только кто действует, но и когда и где: «Перед вечером, по дороге в Чернь, молодого купца Красильникова захватил ливень с грозой» (Степа); «Зимой Левицкий проводил все свое свободное время в московской квартире Данилевских, летом стал приезжать к ним на дачу в сосновых лесах по казанской дороге» (Зойка и Валерия).

Принимая во внимание то, что эти предложения могут достигать больших размеров и сообщать множество подробностей, назовем их

предельно-распространенными.
Эта особенность стиля Бунина так показательна, что в 15 новеллах начало составляется из стройных соединений законченных предложений, в которых оказывается раз-

вернутое сообщение о герое, о времени и месте действия. Таким соединением начинается новелла «Темные аллеи»: «В холодное осеннее ненастье на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с подвязанными от слякоти хвостами. На козлах тарантаса сидел кренкий мужик в туго подпоясанном армяке...» и так далее, кончая сообщением о главном герое новеллы.

В реалистической прозе на перместе в предложении чаще BOM всего бывает группа слов подлежащего, сказуемое бывает на первом месте реже; так же редко бывает месте обстоятельство первом места и немного чаще обстоятельство времени. У Бунина в новеллах «Темные аллеи» получается иное соотношение: временных начал почти столько же, сколько подлежащных, а сказуемых вдвое больше обычного. По-видимому, это объясняется тем, что многие новеллы содержат повествование о давнем прошлом, о чем в новелле «Темные аллеи» говорится:

— A! Все проходит. Все забывается.

— Все проходит, да не все забывается... Ну, да что вспоминать, мертвых с погоста не носят.

Отсюда и выдвижение сказуемого на первое место: «Шел мне тогда, друзья мои, всего двадцать третий год,— дело, как видите, давнее...»

(Дубки).

Отсюда и стремление указать время событий: «В июне того года он гостил у нас в имении — всегда считался у нас своим человеном: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Пятнаддатого июня убили в Сараеве Фердинанда. Утром пестнаддатого привезли с почты газеты...» (Холодная осень).

Особый порядок слов в предельно-

распространенных предложениях представляет собою черту, соответствующую проникновенному повествованию о давнем прошлом, с характерной доминантой однородности.

Синтаксическая доминанта однородности сказывается уже в тех случаях, когда бунинские новеллы начинаются соединениями законченных предложений. Обычно однородные законченные предложения начального соединения следуют друг за другом без особых средств связи: «Тьма теплой августовской ночи. еле видны тусклые звезды, кое-где мерцающие в облачном небе. Мягкая, неслышная от глубокой пыли дорога в поле, по которой катится тележка с двумя молодыми седоками — мелкопоместной барышней и юношей-гимназистом. Пасмурные освещают иногда зарницы ровно бегущих рабочих лошадей со спутанными гривами, в простой упряжи, и картуз малого в замашной рубахе на козлах, на мгновение открывают впереди поля, опустевшие после рабочей и дальний печальный лесок. рабочей поры, и Вчера вечером на деревне был шум, крик, трусливый лай и визг собак: с удивительной дерзостью, когда по избам уже ужинали, волк зарезал в одном дворе овцу и едва не унес еевовремя выскочили на собачий гам мужики с дубинами и отбили ее, уже околевшую, с разорванным боком...» (Волки).

Однородность здесь выражена так слабо, что нигде нельзя подставить соединительный союз и. Местами эта линия однородности сменяется системой последовательности, тоже намечаемой настолько слабо, что невозможно или нежелательно прояснение при помощи слова потом. Такие констатирующие предложения можно было бы даже поменять местами.

Ярче сказывается синтаксическая доминанта в начальном соединении предложений, связанных отчетливыми отношениями сосуществования, или последовательности, или противопоставления. Например: «Ах, как давно я не был там, сказал я себе. С девятнадцати лет. Жил когда-то в России, чувствовал ее своей, имел полную свободу разъезжать куда угодно, и не велик был

труд проехать каких-нибудь 300 верст. А все не ехал, все откладывал. И шли и проходили годы, десятилетия. Но вот уже нельзя больше откладывать: теперь или никогда. Надо пользоваться единственным и последним случаем, благо час поздний и никто не встретит меня» (Поздний час).

Синтаксическая доминанта однородности постоянно проявляется в середине новелл. Довольно часто между законченными предложениями (как в авторской речи, так и в речи персонажей) наблюдаются отношения самой слабой степени однородности — отношения констатирующих предложений: «Я просыпался рано и, пока она спала, до чая, который мы пили часов в семь, шел по холмам в лесные чащи. Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор... Назад я проходил по знойному и пахнущему из труб горящим кизяком базару нашей деревни: там кипела торговля, было тесно от народа, от верховых лошадей и осликов...» (Кавказ).

Слабо выраженные отношения однородности часто сопровождаются одинаковым порядком слов, который является одним из грамматических средств однородности в целом тексте: «...Я крикнул: кто там? — но ответа не последовало. Я подождал, опять крикнул — опять молчание, потом новый стук. Я встал, отворил: у порога стоит высокая девушка в серой зимней шляпке» (Муза).

Заметнее следующая степень однородности, когда отношения выражаются при помощи сочинительных союзов: «Ведь было время, Николай Алексевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня—помните как? И все стихи мне изволили читать про всякие "темные алеи",—прибавила она с недоброй улыбкой» (Темные аллеи).

Не только отдельные законченные предложения часто соединяются сочинительными союзами, но и целые соединения законченных предложений: «И мы сидели, сидели в каком-то недоумении счастья.

Одной рукой я обнимал тебя, слыша твоего сердца, в другой держал твою руку, чувствуя через нее всю тебя. И было уже так поздно. что даже и колотушки не было слышно...» (Поздний час).

Лишь в немногих новеллах встречается выражение последовательности, большей частью посредством слова потом. Таким способом изредка вводится и значительное соединение законченных предложений:

« — Ой, ой, что за девчонка растет у меня, друзья мои! Боюсь я за нее!

Потом, с грубостью молодости, мы как-то сразу и все до единого, точно сговорившись, бросили ходить к нему, что-то надоело нам в Отраде верно его непрестанные разговоры об искусстве и о том, что он наконец открыл еще один замечательный секрет того, как надо писать...» (Галя Ганская).

В виде исключения встречается избыточное присоединение, когда возобновляется уже законченный ряд однородной связи и подключается с помощью слов кроме еще один или несколько однородных элементов сверх сообщенных ранее, которых и самих по себе до-

статочно: -- Какая она была?

- Худая, высокая. Носила желтый ситцевый сарафан и крестьянские чуньки на босу ногу, плетенкакой-то разноцветной из ные шерсти.

Тоже, значит, в русском стиле? — Думаю, что больше всего в стиле бедности. Не во что одеться, ну и сарафан. Кроме того, она была

художница... (Руся).

Больше всего заметно отчетливое выражение однородности посредством сочинительных союзов. Это наблюдается не только в авторской речи, но и в речи персонажей:

«...словом, дно ущелья, где тысячу лет живет эта чуждая всему миру горная дикость, родит, венчает, хоронит. И века веков высоко глядит из-за гранитов над нею какая-нибудь вечно белая гора, как исполинский мертвый ангел... A какие там девки, Генрих! Тугие, краснощекие, в черных корсажах и красных шерстяных чулках...

 Ох, уж эти мне поэты! — сказала она с ласковым зевком.-И опять девки, девки... Нет, в деревушке холодно, милый. И никаких девок я больше не желаю...» (Ген-DUX).

Синтаксическая доминанта середины новелл - однородность предложений — усиливается в завершающих предложениях и в завершающих соединениях предложений.

Здесь наблюдаются однородные отношения разных степеней. Чаще всего в последнем предложении посредством союза и добавляется еще один и последний однородный синтаксический элемент. Обычно это сказуемое: «Был он бит плетьми и отправлен в Сибирь, в рудники» (Дубки).

Нередко новелла завершается соединением законченных предложений: «Он был урод. У него было большое, плоское темя в кабаньей красной шерстке, носик расплющенный, с широкими ноздрями, глазки ореховые и очень блестящие. Но когда он улыбался, он был очень

мил» (Дурочка).

У других писателей можно наблюдать иные синтаксические до-Выбор синтаксических минанты. связей между законченными предложениями и строение предложений определяются задачами выражения.

> Профессор И. А. ФИГУРОВСКИЙ Елец



«Несрочная весна»

Индивидуальные художественные приемы писателя, оригинальное словотворчество нередко нахопят отклик в родственном по духу и стилю произведении другого автора, прямо используются этим послед-Так, известно, что эпитет ним. несрочный, впервые примененный Баратынским, был использован Буниным в рассказе «Несрочная вес-Чтобы подчеркнуть тематическую и стилистическую связь своего рассказа со стихотворением тынского, Бунин, рассказывая, как однажды весной он посетил заброшенную старинную усальбу, описывая неувядаемую прелесть парка и построек усаньбы, приводит отрывок из стихотворения Баратынского, всецело созвучного ему по настроению (курсив Бунина.— H. A.):

... пророчит мне страну, Где я наследую несрочную весну, Где разрушения следов я не примечу,

Где в сладостной тени невянущих дубов,

У нескудеющих ручьев Я тень священную мне встречу ...

Эпитет несрочный, изобретенный Баратынским по отношению к весне и подхваченный Буниным, ввеленный им в заглавие, придает колорит старины рассказу, который гармонирует с описанием старинной усадьбы, ее ветхости, заброшенности и в то же время какой-то вневременности, постоянства этой красоты, сливающейся с вечной красотой весенней природы.

Прилагательное срочный, помимо наиболее употребительного в современном русском языке значения ^стребующий быстрого, немедленного исполнения (срочное дело), имеет второе значение 'рассчитанный на определенный срок, продолжающийся определенный срок (например, срочная служба — о военной службе — служба на срок; вклад — вклад на определенный срок и т. д.). Это значение имеет оттенок, отмеченный только в семналпатитомном Словаре АН СССР и снабженный пометой «устарелое»: преходящий, временный. Например: «И цвет и радость срочны оба» (Вяземский).

Именно в этом значении и с этим оттенком устарелости прилагательное срочный с отрицанием не приобретает значение 'длящийся вечно', а шире — 'обладающий вечными, непреходящими качествами, свойствами'— у Бунина по отношению к красоте заглохшей усадьбы, ярко выступающей на фоне весенней природы.

В таком же значении, но по отношению к женской красоте, употребил Бунин эпитет несрочный и в одном из своих стихотворений;

... Откуда же являещься ты мне? Зачем же воскресаешь ты во сне, *Несрочной* прелестью сияя. И дивно повторяется восторг, Та встреча краткая, земная, Что бог нам дал и тотчас вновь расторг?

Н. С. АВИЛОВА

Хроника

МЕЖВУЗОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ

«Теория поэтической речи и поэтическая лексикография» — так называлась конференция, прошедшая в мае этого года в городе Шадринске. В ней приняли участие представители вузов и других научных Москвы, Ленинграда, центров из Мурманска, Тбилиси, Шадринска, Горького. Ворошиловграда, Днепропетровска. Харькова, Смоленска, Слуцка, Кокчетава, Рязани и других городов страны.

Опыт составления словарей одного автора в русской лексикографии невелик, тогда как такие словари имеют большое научное и практическое значение, потому что по словарю одного писателя, занимающего значительное место в истории налитературы, можно шиональной проследить не только процесс развития литературного языка в данную эпоху, язык его социальной и творческой среды, но и определить индивидуальные особенности художника, этапы развития его творчества.

Такие словари могут являться богатым учебным материалом, зать большую помощь как специалисту по языку и литературе, так и читателю в понимании того или иного художественного произвеле-

Сейчас над словарями одного автора или отпельного произведения работают научные коллективы во многих городах нашей страны. Куйбышеве готовится словарь Ф. И. Тютчева, в Ярославле — Н. А. Некрасова, в Харькове — Гулак-Артемовского, в Казани — Габдуллы Тукая. Во многих научных центрах готовятся словари прозаических произведений: словарь автобиографической трилогии М. Горького (Ленинград), словарь «Мертвых душ» Гоголя (Ленинград), словарь Тургенева (Курск, Орел), словарь Л. Тол-(Тула), словарь Шолохова (Ростов-на-Дону) и т. д.

Не случайно местом проведения конференции по проблемам поэтичелексикографии был выбран город Шадринск. С 1962 года авторский коллектив, состоящий из преподавателей кафедры русского языка Шадринского пединститута под руководством заведующего кафедрой доцента В. П. Тимофеева, работает нап составлением словаря Сергея Есенина. В настоящее время уже завершена подготовка хронологической картотеки. Все слова письменной речи поэта— слова, упо-требляемые им в поэтических, прозаических произведениях, а также в теоретических работах и письмах, - расписаны в контекстах на отдельные карточки. Всего в картотеке насчитывается свыше 111 тысяч словоупотреблений, из них более 44 тысяч в поэзии, примерно столько же в прозе и теоретических работах и свыше 23 тысяч — в письмах. Словарь языка Есенина будет первым опытом составления словаря одного поэта советской эпохи. этому, естественно, большой интерес и для авторов словаря языка Есенина и для других участников конференции представлял обмен мнениями о принципах составления такого словаря и о деталях статьи в словаре поэтической речи.

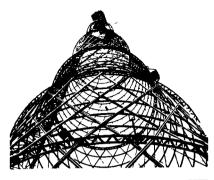
Членами кафедры русского языка Шадринского института практически закончена работа нал словарем рифм Сергея Есенина. Здесь же составляется словарь антонимов русской поэтической речи, о чем авторы работ также сделали доклады и сообщения на конференции.

Всего на конференции с докладами и сообщениями выступило около 30 участников.

Предполагается, что материалы конференции будут опубликованы отдельной книгой в будущем году.

B. E.

Культура речи





У ИСТОКОВ РАДИОРЕЧИ



работаю на Всесоюзном радио с 1931 года, то есть едва ли не с первых дней основания нашей дикторской группы. Многое изменилось с тех пор, одна-

ко крепкие реалистические основы, заложенные лучшими мастерами русского и советского театра, живы и плодотворно развиваются и в нашей профессии...

А начинать нам было очень непросто. Ведь речь шла об освоении совершенно нового дела. С какой же стороны к нему подступить?.. Конечно, мы чувствовали, что наша работа во многом близка работе актера на театре. И вот первыми дикторами — и одновременно первыми воспитателями молодежи — становятся такие известные актеры, как М. М. Лебедев, В. С. Канцель, О. Н. Абдулов, А. Н. Степанов.

В начале 30-х годов, по мере развития радиовещания в стране, уве-

личивается и состав нашей группы. Все более четко дикторское дело осознается нами как высокое искусство, а сам диктор рисуется как чтец-публицист, который владеет всеми приемами, необходимыми мастеру художественного слова.

Огромную помощь начинающим дикторам оказал Михаил Михайлович Лебедев, который в ту пору не только сам читал у микрофона, но и был консультантом всей нашей группы. В первую очередь он помог нам осознать себя творцами, создателями нового жанра чтецкого искусства... Нам, дикторам «первого призыва», вообще очень повезло на учителей. Назову лишь некоторых из них.

Народный артист СССР Л. М. Леонидов был нашим почетным шефом. Он тонко и умно рецензировал наше чтение. Как педагог - консультант по стихотворным текстам — работал с нами С. В. Шервинский, образованнейший и интереснейший человек. Талантливым педагогом была ученица знаменитого русского актера А. П. Ленского Е. А. Юзвипкая. Елизавета Александровна с основания радио и до последнего дня жизни работала с дикторами над техникой речи и постановкой голоса. Многие слушатели не без причины восхищаются той свежестью и чистотой, с которой звучат голоса московских дикторов. Главная этом принадлежит В Частым гостем Е. А. Юзвицкой. В. Н. радио Яхонтов. был Он с большим уважением отзывался о работе диктора. По-моему, говорил Владимир Николаевич, дикторы обладают каким-то шестым чувством, которое помогает им читать почти без подготовки, передавать то, на что актер тратит многие часы работы...

Вот действительный случай, который может подтвердить слова В. Н. Яхонтова. Однажды — это было в годы войны — народного артиста республики С. М. Балашова, который нередко читал на радио, попросили прочитать передовую. Условия были не идеальные, но вполне «дикторские»: минут пять на разметку материала, и — в студию! Сергей Михайлович начал, но уже на середине статьи вынужден был



О. С. Высоцкая

прервать чтение: слишком трудной, непривычной оказалась для него задача. Конец у этой истории счастливый и... поучительный. Статью дочитал и, кстати, весьма успешно диктор, который до той секунды не был вообще знаком с материалом.

…Вспоминаются очень интересные беседы с большими мастерами нашей сцены Д. Н. Орловым и Д. Н. Журавлевым.

Лмитрий Николаевич Журавлев советовал нам всегда стремиться увидеть то, о чем мы говорим. Он вспоминал такой случай из своей чтецкой практики. Однажды, выступеред рабочей аупиторией. Лмитрий Николаевич читал отрывок из «Бориса Годунова», сцену у фонтана. Там в начале есть кинская ремарка: «Ночь, сад, фонтан». После концерта к Журавлеву подошел рабочий: «Как Вы это хорошо сказали: ночь, сад... Я сразу представил хатку, вишневый салик».

Обстановке постоянной приполнятости, творчества, поиска, способствовало и... относительное несовершенство тогдашней аппаратуры. Она в ту пору не была столь надежна, да и качество записи оставляло желать лучшего. Поэтому многие передачи шли, как говорят на радио, «вживье». Дикторы в пере-

даче непосредственно встречались с такими выдающимися мастерами русской сцены, как Качалов. Тарханов, Москвин. Станицын, Рыжова, Турчанинова, Пров Саловский и многими другими блестящими актерами из той плеяды, которая впоследствии стала знаменем русского театрального искусства.

Надо ли говорить, как тщательно, с каким вдохновением и трепетом готовились мы к каждой такой передаче. И сколь много лавало лля творческого роста молодого диктора общение с большими художниками спены.

Раз уж речь зашла о «живых» передачах, не могу не сказать еще об одном их виде - непосредственной трансляции из лучших музыкальных и праматических театров страны. По войны и в первые послевоенные годы радиослушатели знакомились почти со всем репертуаром Большого, Хуложественного, Малого театров, Театра имени Е. Б. Вахтангова. И слушатели очень ценили эти передачи: в них была драгопенность лыхания зрительного зала, эффект присутствия, незримое участие в спектакле. Теперь таких передач нет вовсе. Монтаж?— Но вель это лишь бледное полобие театра. Полумать только, как невосполнимо много теряют те, кто по какой-то причине не могут попасть на спектакль! Живые трансляции из театров необходимо восстановить.

Послевоенные годы имели огромное значение в окончательном опрепелении творческого лица советского, русского, московского диктора. Наша дикторская группа решительно обратилась к простоте, мягкости, разговорности, доверительности ин-Исподволь созревавшее тонации. решение было ускорено и многочисленными пожеланиями радиослушателей. Людям хотелось, чтоб диктор вошел в их дом как добрый знакомый. Очень много в этом смысле сделал заслуженный артист РСФСР В. В. Всеволодов, пришедший радио в 1949 году и остающийся наставником нашей группы по сей день. Под руководством Владимира Всеволодовича обрели творческое дикторы лицо такие интересные «второго поколения», как В. Н. Валашов, С. А. Богомолов, Т. Н. Вдовина, А. П. Лазученкова, Г.С. Шу-маков.

Обращение к человеку, заинтересованность в его судьбе проявились на послевоенном радио и в обилии высоко-гражданственных, пропагандистских и общественно-политических передач. Особое место здесь занимают прямые трансляции Красной площади. Несомненно, в очередь я имею в вилу трансляцию парадов и демонстраций трудящихся во время празднования дней 7 ноября и 1 мая. Навсегда останется в памяти народа парад Победы. На всю жизнь запомню это огромное событие и я. участница незабываемого репортажа с Красной площади. Таким же незабываемым событием в

жизна остается ночь с восьмого на девятое мая, когда мне выпала великая честь вслед за Ю. Б. Левитаном, читать подробности Акта капитуляции фашистской Германии.

…Судьба диктора — она нелегка и вместе с тем — радостна. На долю диктора выпадает много невзгод и просто повседневных «нервотрепом», которые давно уже считаются «спецификой работы». И все-таки никто из нас никогда не променяет свою специальность ни на какую другую. Очень важно для человека творческого всегда быть в гуще событий и каждый день рассказывать о том, чем живет наша Родина, вся планета, самому дорогому собесед нику — нашему радиослушателю.

О. С. ВЫСОЦКАЯ

ТРУДНАЯ ПРОФЕССИЯ ДИКТОРА



аша страна занимает огромную территорию со многими временными поясами: когда в Москве глухая ночь, в Казахстане уже

утро, а на Дальнем Востоке в разгаре трудовой день... И во BCex уголках Родины слушают Москву: передачи Центрального радио ведутся непрерывно, круглосуточно, по многим программам. Непременный участник всех радиопередач диктор. Он включает и выключает микрофон, открывает и закрывает передачу, является ответственным за каждую из них. Он рассказывает слушателям обо всех новостях в нашей стране изарубежом, читает статьи, доклады, лекции, речи, комментарии, ведет беседы на разные темы, обзоры газет, дает пояснения операм и другим спектаклям, музыкальным произведениям, читает рассказы, очерки, стихи, объявляет номера радиопрограмм. А сама профессия радиодиктора родилась в нашей стране почти полвека назад. В те далекие годы уже само возникновение человеческого голоса из тарелки репродуктора казалось чудом.

Неизмеримо выросло с тех пор советское радио, расширился круг обязанностей дикторов, повысились требования к их профессиональному мастерству. Сейчас слушатель ждет от радио не только интересных, содержательных передач, он хочет, чтобы диктор делал свое дело творчески, с душой и мастерством. Особенно изменились требования к дикторскому чтению в послевоенные годы. Все чаще и настойчивее стали раздаваться голоса, протестующие против сухого, равнодушного, «казенного» чтения, против излишней парадности, приподнятости и всяческой декламационной мишуры. Многие полагают, что в этом нет ничего сложного. «А в чем дело?— рассуждают они.— Взял текст, пошел в студию, включил микрофон и читай себе».

Однако всякий, кому хоть раз доводилось выступать перед микрофоном, великолепно знает: очень не легко и не просто добиться того, чтобы читать легко и просто. Нужно уметь побороть волнение, возникающее от сознания того, что тебя слушает огромная аудитория, и все же не терять постоянной связи с этой воображаемой — и реально существующей! — аудиторией.

Нужно настолько свободно вла-



В. В. Всеволодов

деть текстом, чтобы по сути дела не читать, а делиться со слушателем своими мыслями, своим отношением к фактам и событиям. Это, повторяю, не легко и не просто. Недаром профессия диктора считается одной

из труднейших.

В 1967 году в Москве работали одногодичные курсы по подготовке дикторов радио и телевидения. Ни до, ни после этого специальных учебных заведений такого рода у нас не было. И тем не менее сейчас на Центральном радио (в Москве) и в других городах работает много прекрасных дикторов, настоящих мастеров своего дела. Их подготовка велась в стенах самих радиокомитетов, обучение сочеталось с работой у микрофона; затем годы самоусовершенствования и практики шлифовали умение и художественное мастерство. Большую помощь молодежи вместе с педагогами оказывают старшие дикторы.

Учебной литературы, изданной специально для подготовки дикторов, у нас пока нет. Радиокомитетом вычущено лишь несколько брошкор «В помощь диктору». Однако можно с успехом пользоваться пособиями, изданными по вопросам сценической речи и художественного чтения. Это прежде всего наследие великого Станиславского — все то, что написано им о речи и о

внутренней технике актера. Можно рекомендовать и такие книги: «Сценическая речь» Е. Ф. Саричевой, «Техника речи» и «Художественное чтение» С. В. Шервинского, «Искусство художественного слова» В. Н. Аксенова, «Книга для чтецов» М. Г. Германова. В этих пособиях подробно разобраны вопросы выразительчтения, элементы речевой культуры, правда, применительно к работе актера или чтеца на сцене. Но ведь они обязательны и для диктора. Не случайно первыми советскими дикторами были именно драматические артисты.

Однако при многих чертах схолства эти две профессии различны. В творчестве актера все основано на искусстве перевоплощения, на необходимости перевоплощения. включения себя В психологию изображаемого образа. В творчестве диктора все основано на том, что, владея в совершенстве искусством речевой выразительности и элементами внутренней актерской техники, диктор у микрофона всегда остается самим собой, выступает от собственного лица.

Как же становятся дикторами?

Что для этого нужно?

Радиокомитеты периодически объявляют приемы по конкурсу на курсы подготовки дикторов или на замещение вакантных должностей практикантов (тех, кто обучается этой профессии в самом дикторском коллективе). Допускаются к конкурсу молодые люди физически здоровые, политически грамотные, интеллигентные, образованные, а главное имеющие призвание к устному чтению, любовь к слову, обладающие хорошим голосом и образцовым речевым аппаратом. Качеству звучания уделяется особое внимание. Это вполне понятно. Диктор невидим. И то, чем могут пользоваться другие мастера слова: непосредственное общение с аудиторией, ответная реакция, мимика жест исполнителя, его живые глаза — все это исключено из творческого арсенала диктора, в его растолько голос. поряжении дневно незримо диктор входит в наш дом и начинает свой рассказ. Постепенно голос его становится знакомым и привычным. Но будет ли

он приятным? Станет ли желанным: Это зависит не столько от вкуса радиослушателя, сколько от самого диктора и в первую очередь от качества звучания его голоса. Поэтому голос, приятно и красиво звучащий через радиоаппаратуру, безупречная дикция, правильное произношение — вот непременные требования при отборе в дикторы.

Диктор обязан в совершенстве владеть своим голосовым аппаратом. Впрочем, делу может помочь и обучение, упорный труд. Можно распирить диапазон своего голоса, сделать его более гибким и послушным, исправить некоторые дикционные недостатки. Великолепное подспорье в работе над голосом — записи на пленку. Постоянный тренаж и совершенствование, начатое с первых же шагов работы, должны не прекращаться «до гробовой доски»...

Ежедневно диктор сталкивается с разнообразными формами и жанрами передач. И каждый раз ему надо почувствовать разницу между этими жанрами и формами, суметь быстро переключиться, перейти от жанра к жанру, найти для каждой передачи тот характер чтения, который бы органически соответствовал ее содержанию и форме.

При всем разнообразии передач основу каждодневного дикторского чтения составляют информационные и публицистические тексты. Не будет ошибкой сказать, что большую часть своей пропагандистской работы Радиокомитет осуществляет при посредстве диктора. Это требует от него подлинной гражданственности, убежденности, то есть черт, свойственных пропагандисту, агитатору партийному работнику. Диктор — официальный представитель радио, его «полпред». Прежде всего по нему радиослушатели судят о культуре, стиле и вкусе того или иного радиовещательного центра. Каждый диктор, голос которого стал знакомым и узнаваемым, приобретает в сознании слушателя особый облик. Он возникает у слушателя по впе-чатлениям от тембра, дикционных качества темперамента оттенков, (от сугубо индивидуальных отличий) в сочетании с характером мышотношения его к ления диктора, радиослушателю. Чем больше раз-

нообразия, тем богаче коллектив дикторов. И никонм образом не следует пытаться стричь всех под одну гребенку. Тем не менее существует и должен существовать единый, собирательный образ советского диктора. Он определяется единой для всех дикторов идейной платформой. а также установкой на доброжелательное, уважительное отношение к слушателю и, отсюда, открытым, доверительным, характером обше∼ ния, тактом и чувством меры. Именно эти элементы должны наличествовать в звучании каждого диктора!

Прислушиваясь к языку радио, многие люди не только судят о культуре радиовещания, но и сами учатся говорить грамотно, проверяют себя, свое знание языка. Диктор не имеет права быть равнодушным к родному языку. Он должен не только отлично владеть им, но и полюбить его, увлечься им, не уставать изучать его и следить за теми изменениями, которые в нем происходят.

При дикторском коллективе почти с первых дней существования радио была заведена советского картотека «трудных» слов. Для установления единообразия в произношении и ударениях в эту картотеку заносились все те слова, произнесение которых почему-либо вызывало затруднения или ошибки у дикторов. Руководил составлением картотеки до 1941 года профессор Д. Н. Ушаков, а затем профессор К. И. Былинский. На ее основе в 1960 году вышел в свет «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (составители Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарва) под редакцией К. И. Былинского. В 1967 году появилось второе издание Словаря, переработанное и дополненное. Им-то и пользуются дикторы, чтецы и все выступающие у микрофона. «Словарь ударений» специ-

Так, в нем много собственных имен, произношение которых может вызвать сомнения (географические названия, названия органов печати, музыкальных произведений, имена и фамилии крупных политических деятелей, известных ученых, деятелей, литературы, искусства и т. д.). Для слов с вариантами ударений

Словарь рекомендует только один. наиболее распространенный, например: индустрия, металлургия и т. д. Это сделано в целях установления единообразия в произношении ударениях. Надо сказать, что некоторые рекомендации Словаря в области произношения И ударений не совпадают с рекомендаци ями других словарей и энциклопедий. Дело в том, что составители обращались за рекомендациями к республиканским, краевым и областным радиоучреждениям. В результате длительной работы удалось получить официальные сведения о том, как на местах принято ставить ударения в тех или иных именах собственных и географических наименованиях. Например, столица Кал-мыцкой АССР Элиста приводится в словаре с ударением на конце (Элиста), что не совпадает с рекомендациями «Словаря географических названий СССР», энциклопедического словаря, МСЭ и БСЭ. Надо отметить, что подобных несовпадений - незначительное количество. И, наконец, в «Словаре ударений» приводится много таких слов, которых нет ни в одном словаре и произнесение которых также может вызвать сомнения у дикторов.

Что же касается норм произношения, то они почти полностью совпадают с нормами, рекомендованными другими словарями. Старомосковские традиции, которые бытовали на радио в первые годы его существования, почти полностью заменены произношением, отвечающим современным нормам. Исключение составляют только два правила. Старшее поколение дикторов (да и кое-кто из молодых) произносит прилагательные на -гий, -кий, -хий (строгий, московский, тихий) постаромосковски: твердые согласные редуцированной последующей гласной. Впрочем, в «Словаре ударений для работников радио и телевидения» рядом с указанием на то. что в данном случае гласные надо произносить мягко, сказано: «возможен и другой вариант». Его-то и употребляют дикторы, привыкшие говорить так всю жизнь. И второе: рекомендует наконечное -cb (-cя) в глаголах произносить с мягким с: боюсь, соберусь, сажусь.

Но тут же указано: «Твердое произношение частицы -сь еще встречается в речи у представителей старшего поколения, придерживающегося старомосковской традиции (боюс, соберус, сажус)». Надо сказать, что многие дикторы разных придерживаются возрастов традиции. «Словарь ударений для работников радио и телевидения» оказывает большую помощь в работе дикторов и всех выступающих у микрофона. Второе его издание выпущено тиражом в 52 тысячи экземпляров и разослано по всем радиокомитетам.

Кроме того, в дикторских коллективах всегда должны быть под рукой и другие словари. При подготовке к передаче многие из них часто бывают необходимы. Дикторы говорят: «Лучше три раза проверить, чем один раз ошибиться».. Вель диктор — последняя инстанция при выпуске передачи в В конце концов никто не гарантирован от ошибки: ни автор, ни ма-Диктор;. шинистка, ни редактор. видя текст последним, может предупредить брак. И надо сказать,, это случается — дикторы обнаруживают и исправляют ошибки, товясь к передаче, а иногда и в самом процессе чтения. Совсеми недавно был такой случай: в передаче было слово триптих. Кому-топришло в голову «исправить» его,. и вот вместо конечного х появляется с: триптис. Несмотря на правку, диктор прочитал слово верно.

И все-таки досадные ошибки проскальзывают! Ошибки в словах, в ударениях, «спотыки» и другие неточности. На них обычно остро реагируют радиослушатели. Их письма — свидетельство заботы о родном языке, об отечественном радиовещании. Конечно, обидно, когда диктор ошибается! Еще обиднее, если он, своей ошибки не замечая делая вид, что не заметил), продолжает читать, не поправившись и не извинившись. А ведь дикторы обязаны исправлять свои погрешности. и те из них, кто делает это легко, уважительно, непременно изящно, будут прощены и одобрены радиослушателем.

Можно было бы привести много любопытных примеров, объясняю-

тих возникновение дикторских отоворок. Расскажу только об одном случае.

Молодой диктор полжен читать передачу, в тексте которой встретилось выражение «в бозе почивший». Диктор не знал, что это значит. Стал спрашивать товарищей. но не нашлось никого, кто мог бы ему объяснить. Бросился к словарям, но нигде ничего подобного не нашел. Кончилось тем, что он прочел: «в бозе́ почивший». Незамедлипоследовало TAILBU осуждающее письмо... Конечно, для людей старпоколения, слышавших шего это церковнославянское знающих выражение, обозначающее ший в боге, с богом, с божьим благословением', было нелепо услышать то, что прочел диктор. Но можно ли его обвинять? В чем? В том, что он не обучался «закону божьему»? И все-таки диктор виноват... Ничего не поделаешь: он последняя инстанция, а «слово - не воробей, вылетит — не поймаешь!».

Пример этот — еще одно подтверждение того, как необходим диктору запас знаний по самому широкому

кругу вопросов.

Предотвратить возникновение ощибок диктору помогает... карандаш. Это вообще необходимое «орудие» диктора в его работе над текстом. (Карандаш лучше авторучки легче стереть, если понадобится.) Подготовить текстовую передачу в короткое время (иногда в несколько как это нередко бывает в дикторской практике) без карандаша невозможно. Производя (с карандашом в руках!) тематический и логический разбор текста, определяя главное и второстепенное, добираясь до сути передачи, отыскивая средства выразительности, диктор делает необходимые ему пометки и знаки. Попутно он отмечает и то, что поможет ему в чтении с чисто речевой, произносительной стороны.

Есть великое множество слов, которые очень легко произнести неправильно, если не проставить па них предварительно нужные ударения: травы — травы, города — города, узнают — узнают и т. д. Существует много труднопроизносимых слов и словосочетаний. Попробуйте,

например, при беглом чтении в потоке слов, произнести: «об опубликовании» — ничего не выйдет! Или вот еще: однажды подходит комне диктор и в шутку спрашивает: «Что такое витримазгор?». Я не понимаю. Он объясняет: «вид Рима с гор». Значит диктору во время чтения необходимо отделить эти слова маленькими паузами, четко произнести окончания предыдущих и начальный слог последующих Примеров, подобных этому, можно привести предостаточно: армиирака (армии Ирака), стаясов сов) и т. п.

Плохое впечатление производит диктор, неправильно или неуверенно произносящий иноязычные слова наименования, технические термины; следовательно, надо заранее проставить ударения и другие знаки, помогающие читать. Очень часто в текстах передач встречаются числа, переданные не словами, а пифрами. Между тем их нужно произносить в разных падежах, отвечающих смыслу фразы — без карандашных пометок в этих случаях тоже очень легко ошибиться.

Боюсь, что я уже утомил читателя перечислением тех забот, которые обступают диктора при подготовке и чтении передачи, а ведь это только их небольшая часть...

Все, что звучит по радио (будь то развлекательная программа или информационные, пропагандистские и любые другие тексты), имеет конкретные цели, выполняет те или иные задачи. Современный диктор не может быть безучастным исполнителем, механическим нередатчиком текстов. Он стремится к сознательному, активному участию в каждой передаче. Для этого ему, прежде чем включить микрофон, необходимо знать направленность, основную мысль передачи, а затем, определив характер чтения и пользуясь подходящими к данному случаю выразительными средствами, снабдить текст собственной оценкой и окрасить тем или иным личным отношением.

Таким образом, диктор не только участвует в передачах, «передает» их, но и самостоятельно трактует каждую. Значит, кроме отличного владения чтецким мастерством, дик-

TODY MoMent подготовки Heобходимо тренированное внимание, умение сосредоточиться на тексте. привычка быстро мобилизовать свои творческие силы и направить их в нужное русло. Другие исполнители (чтецы, актеры) имеют возможность не только самостоятельно проработать передачу, но и воспользоваться помощью режиссера. Диктору обычно и на это не хватает времени, он вынужден сам отвечать за все в своей работе у микрофона.

Поэтому чрезвычайно важны в дикторской практике так называемые внестудийные занятия, то есть тренировка в подготовке и чтении. Хорошо, когда такие занятия проходят под руководством педагога. Но можно заниматься и самостоятельно. Очень полезна и такая форма работы: диктор читает в студии «настоящую» передачу, а педагог или старший товарищ слушает его и затем делает разбор ошибок и удач читавшего.

Вполне естественно — чем опытнее, «оснащеннее» диктор, тем быстрее он сумеет подготовиться к передаче и тем лучше прочтет ее даже «с листа»: ведь иногда приходится читать совсем без просмотра! И нужно сказать, что большинство дикторов с честью выходят из этого трудного цоложения. Имея перед глазами незнакомый текст, диктор по заглавию, по первым фразам догадывается, о чем передача, улавливает (пли, скорее, пред-чувствует), в чем ее основная чувствует), в мысль — она при чтении как бы сама «ведет» диктора по смысловым кускам текста, дает возможность «на ходу» понять смысл кусков и отдельных фраз, направить их к главному в тексте. Разумеется, помогает осведомленность диктора, его умение ориентироваться в современных политических событиях. Диктор всегда должен быть в курсе происходящего, быть современным человеком в полном смысле этого слова. Одной из постоянных его забот является стремление сделать свое чтение простым и естественным, максимально приближенным к живой, разговорной речи, чтобы ничто не напоминало слушателю о бумаге, по которой читает диктор.

Как же добиваются дикторы того, чтобы чувствовать себя у микрофона легко и свободно, а читать естественно и просто? Что помогает и что мешает им в этом?

Мешает все то, что лишает творческого самочувствия, отвлекает проникновения В смысл суть передачи: мышечное w напряжение, голосовое плохая подготовка к передаче, равнодушное, казенное или невнимательное к ней отношение. Помещать могут и многие другие причины, например неумение или нежелание быть у микрофона самим собой, манерность, желание подражать кому-то, попытки искусственно изобразить простоту и естественность, которые почти всегда оборачиваются фальшью и неестественностью. А как трудно бывает читать, когда передача плохо написана или оформлена неряшливо и небрежно! Однако в таких случаях диктор должен сделать все, чтобы хорошим чтением слабую передачу. «спасти» этого нужно знать органические особенности живой речи и уметь максимально использовать их в работе у микрофона. Я убежден в том, что если диктор в момент чтения может ответить на три вопроса: о чем, зачем и кому он читает, его чтение будет наиболее приближено к живой, разговорной речи, а значит в меру эмоциональным, Тогда И создадутся логичным. благоприятные условия для того, чтобы содержание цередачи было воспринято слушателем. А ведь это и есть основная задача диктора.

> Заслуженный артист РСФСР В. В. ВСЕВОЛОДОВ



В русском языке существуют предлоги между и меж. Они очень похожи и по своему внешнему облику и по значениям. Меж более свойствен языку поэзии. Однако и в XIX веке и в наши дни его можно встретить в обычной речи, правда, реже, чем между.

Особенности предлогов между и меж по сравнению с другими состоят в том, что они употребляются не только в сочетании с одним, но также и с двумя существительными, соединенными союзом и. Кроме того, они сочетаются с существительными в двух падежах: творительном и родительном, хотя эта особенность уже не является их привилегией (ср., например, употребление предлогов в, на, с).

ребление предлогов в, на, с). Предлоги между и меж, как и многие другие, неоднозначны. Все эти особенности между и меж отмечены в академической «Грамматике русского языка» и в современных толковых словарях. Словари русского языка указывают, что предмежду с родительным падеупотребляется реже, чем с творительным, что конструкция с родительным в некотором смысле архаична. Поскольку предлог - неполнозначное слово, то его значение выясняется только в сочетании с управляющим и управляемым словом (сидеть ← между → гостями). В зависимости от значения управляющего и управляемого слова изменяется и значение предлога.

Как отмечает академическая Грамматика, предлог между (и меж) служит для выражения пространственных и временных отно-

шений, а также отношений взаимности:

- 1. При выражении пространственных отношений предлоги между и меж употребляются при указании на положение предмета или проявление действия в промежутке, посредине чего-пибудь. В этом случае они сочетаются с двумя существительными в творительном падеже единственного или множественного числа или с одним в творительном или родительном множественного.
- а) С двумя существительными в творительном падеже, соединенными союзом и, предлоги межд меж употребляются в тех случаях, когда речь идет о двух разных предметах, посредине которых находится, действует кто-, что-либо: «Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный» (М. Горький. Песня о Буревестнике).

Такое употребление между вполне закономерно и отражает норму современного языка. В языке XIX века предлоги между, меж могли употребляться с двумя разными существительными в родительном падеже, чаще в поэтической речи: «В мае мы переехали на дачу Ланских между Черной речки и Выборгской дороги» (Глинка. Записки);

Счастлив, кто мил и страшен миру;

О ком за песни, за дела Гремит правдивая хвала; Кто славил Марса и Темиру И бранную повесил лиру Меж верной сабли и седла! Пушкин. В. Л. Пушкину

б) Когда речь идет о том, что какое-либо действие совершается в интервале между одинаковыми явлениями, в пространстве между одинаковыми предметами, людьми и т. п., то существительное, связанное с предлогом между, меж имеет форму множественного творительного или родительного падежа. При этом сочетания с между равно употребительны с тем и с другим падежом: блеснуть между ветвями; просвет между галунами; валяться между воронок; ехать между высоких домов.

Сочетания $mem\partial y$ с родительным падежом кажутся несколько менее обычными, чем с творительным, однако вряд ли можно установить стилистические или какие-либо дру-

гие различия.

Несколько иную картину представляет употребление предлога жеж в сочетании с одним существительным в творительном или родительном множественного. Как в XIX веке, так и в настоящее время он, по-видимому, более употребляется с существительными в родительном падеже: «В глазах, меж длинных медных ресниц, стояли слезы» (Б. Полевой. Доктор Вера); «Меж возов стоят стриженые, не успевшие обрасти верблюды» (Федин. Братья).

По материалам картотеки словарного сектора в 35 случаях (24 современных автора) встретилось в этом значении сочетание меж с существительным в родительном падеже, в 4 случаях (4 автора) — с существительными в творительном.

2. Обозначая временные отношения, предлоги между, меж используются при указании на промежуток времени, в который чтолибо совершается, происходит. Обычно в этом случае они сочетаются с существительными в творительном падеже с двумя числительными, соединенными союзом и:

«Он велел сказать, что меж шестью и семью дома» (Тынянов. Пушкии).

Кроме того, при обозначении временных отношений предлоги меж- ∂y , меж сочетаются с существительными, обозначающими явления предметы, события, в промежутке между которыми что-нибудь совершается. В этом случае они употребляются как с двумя разными существительными в творительном падеже, так и с одним, в той же форме, но множественного числа: «Между Бромбергом и Берлином я заснул» (Салтыков-Щедрин. За рубежом); читать книгу в промежутке между лекциями.

Употребление предлогов между, меж с существительными в родительном падеже для современного языка устарело. Такие обороты встречались в XVIII и в первой половине XIX века: «К тебе пишу между хлопот отъезда» (Батюшков. Письмо Н. И. Гнедичу); «Вчера заснули мы меж шуток без забот» (Крылов, Бритвы).

3. Между и меж выражают также отношения совместности. Их используют при указании на лица, предметы, взаимосвязанные или вступающие во взаимодействие. Поскольку во взаимодействие могут вступать лица или предметы и разные и одинаковые, то и пред-

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КРОССВОРД (Ответы. См. № 4, 1970)

По горизонтали: 7. Клаузула. 8. Трагедия. 10. Фаза. 11. Острота. 12. Такт. 15. Тембр. 16. Поэма. 18. Залог. 20. Новелла. 21. Логопед. 22. Родство. 24. Словник. 25. Штамп. 26. Шипка. 27. Аника. 31. Золя. 33. Предлог. 34. Слог. 35. Полиглот. 36. Ситуация.

По вертикали: 1. Алфавит. 2. Дума. 3. Глосса. 4. Притча. 5. Текст. 6. Синкопа. 9. Правило. 13. Собомевский. 14. Обособление. 17. Голос. 19. Тезис. 23. Баллада. 26. Шолохов. 28. Антоним. 29. Жаргон. 30. Ирония. 32. Ягич. 34. Сказ.

доги между, меж употребляются как в сочетании с двумя разными существительными в творительном падеже, соединенными союзом и, так и с одним существительным в творительном или родительном падеже множественного. Сочетание между, меж с двумя разными существительными обычно и особых комментариев не требует: «Есть гонкие властительные связи меж контуром и запахом цветка» (Брюсов. Сонет к форме).

При сочетании между с одним существительным множественного для современного языка обычна форма творительного падежа: «Дружба и мир между народами; укрепление экономичестих отношений между двумя странами». В этом значении предлог между сочетается также с местоимением собой: «Они переговаривались между собой.

Употребление существительного в родительном надеже для современного языка устарело или противоречит норме: «А дружбы между псов, как будто меж людей. Почти совсем не видно» (Крылов. Собачья

дружба).

Предлог меж в этом значении употребителен с существительными как в творительном, так и в родительном падаже. По-видимому, это связано с тем, что преимущественная сфера употребления предлога меж — поэтическая речь. Поэтому здесь вряд ли можно обнаружить особые стилистические различия: «Меж ними все рождало споры И к размышлению вело» (Пушкин. Евгений Онегин); «Прескучная велась меж них беседа, и меня как бремя Она гнела» (А. К. Толстой. Портрет).

4. Интересно употребление между, меж при обозначении объектнопространственных отношений, когда предлог используется для указания на то, что действие совершается в окружении каких-либо предметов, лиц, или кто-либо, что-нибудь находится в числе кого-, чего-нибудь. Между, меж, соотносящиеся в этом случае с предлогом среди, не сочетаются с двумя существительными, соединенными союзом и.

Предлог $me \# \partial y$ сочетается с одним существительным в творитель-

ном множественного, а если это собирательное существительное, то и единственного числа: между письмами попался большой пакет; пользоваться уважением между товарищами; «Отец Паншина весь свой век терся между знатью» (Тургенев. Дворянское гнездо).

Употребление между с существительными в родительном для современного языка нехарактерно. В XIX веке находим такие примеры: «Несколько пушек, между коих узнал я нашу, поставлены были на походные лафеты» (Пушкин. Ка-

питанская дочка).

Что касается предлога меж, то эн одинаково употребителен как с существительными в творительном, так и родительном падежах. Кроме того, он часто встречается в сочетании с собирательными существительными родительного или с существительными, употребляемыми как собирательные, особенно с теми, что обозначают растения. «Густо на них [полках] стоят миски, горшки для трапезы. Есть меж ними и кубки серебряные, и чарки» (Гоголь. Страшная месть); «В дверях, меж женских платков, показался Артамашов» (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды); «В Долинном долу меж кудрявым орешником — ягодник кружевами стелется» (Панферов. Бруски).

употребление Таким образом, предлога меж несколько отличается от $меж \partial y$, что связано с различной сферой бытования предлогов. Не во всех случаях сочетание между с существительным в родительном в современном языке - отклонение от нормы. Безусловно устарелым следует считать употребление меж- ∂y (а также и меж) с двумя существительными в родительном падеже, соединенными союзом и. Устарело также употребление меж ∂y с одним существительным в родительном множественного при выражении временных отношений и отношений совместности. Однако при пространственных отвыражении ношений такое употребление остается в пределах общелитературной нормы.

Кандидат филологических наук Р. П. РОГОЖНИКОВА



Стихотворение К. Ф. Рылеева «Гражданин»

Не вы ль убранство наших дней, Свободы искры огневые,—
Рылеев умер, как элодей!—
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

Н. Языков 7 августа 1826 года

Стихотворение «Я ль буду в роковое время» было создано накануне восстания декабристов. Впоследствии оно получило название «Гражданин».

> Я ль буду в роковое время Позорить гражданина сан, И подражать тебе, изнеженное племя Переродившихся Славян! Нет, не способен я в объятьях сладострастья, В постыдной праздности влачить свой век младой И изнывать кипящею душой Под тяжким игом самовластья! Пусть юноши, своей не разгадав судьбы, Постигнуть не хотят предназначенья века И не готовятся для будущей борьбы За угнетенную свободу человека. Пусть с хладнокровием бросают хладный взор На бедствия страдающей отчизны И не читают в них грядущий свой позор И справедливые потомков укоризны. Они раскаются, когда народ, восстав, Застанет их в объятьях праздной неги, И в бурном мятеже ища свободных прав, В них не найдет ни Брута, ни Рисги.

Это было последнее, что Рылеев написал на воле. По многочисленным свидетельствам декабристов мы знаем, что в эти дни квартира поэта стала штабом готовящегося восстания, а сам он — наиболее деятельным его вождем. Ярко рисуют нам Рылеева в ночь перед восстанием воспоминация его друга и соратника Михаила Бестужева: «Многолюдное собрание было в каком-то лихорадочновысоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы,

неудобоисполнимые предложения и распоряжения, слова без дел... Зато как прекрасен был в этот вечер Рылеев! Он был нехорош собой, говорил просто, но не гладко; но когда он попадал на свою любимую тему — на любовь к родине — физиономия его оживлялась черные, как смоль, глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться им».

То, что лучшее лирическое стихотворение Рылеева было создано в такой момент, глубоко знаменательно. Декабристы считали искусство сильнейшим средством воспитания общества, художественное слово — важной частью революционного дела. Это и определило своеобразную поэтику их революционно-романтической литературы. В рылеевском «Гражданине» отразились основные идейные и стилевые принципы декабристской лирики.

Революционно-романтическое течение сформировалось у нас в конце 10-х — начале 20-х годов XIX века. К этому времени романтизм уже утвердился в России как направление, с которым было связано все новое и живое в литературе. Его приход был ознаменован замечательными творческими достижениями Батюшкова, Жуковского, а вскоре и Пушкина. В отличие от Западной Европы в России романтизм возникает в эпоху общественного подъема, поэтому в нем сильно звучали антифеодальные мотивы. Это относится не только к революционной поэзии декабристов. но и к «мечтательному романтизму» Жуковского. Позже, в 30-е годы, среди русских романтиков произойдет размежевание. Реакционный романтизм сделается официозным искусством, недаром журнал «Московский телеграф» будет по личному распоряжению царя закрыт за критику пьесы Н. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Реакционным романтикам будет резко противостоять революционно-романтическая литература, достигшая высочайшего расцвета в поэзии Лермонтова. Но по 1825 года именно русский романтизм в целом, во всех его разновидностях играл глубоко положительную роль в нашем идейном и художественном развитии. Это обстоятельство и позволило декабристам использовать художественные открытия своих предшественников-романтиков, как бы далеки ни казались, на первый взгляд, их идейные интересы. Однако романтическая поэтика, сложившаяся к тому времени, была во многих отношениях существенно переосмыслена декабристами. Изменения прежде всего коснулись жанров, что в свою очередь не могло не отразиться на стиле.

Стремясь утвердить ценность человеческой личности, показать неисчерпаемую глубину и многообразие внутренней жизни человека, романтики обратились к интимным лирическим жанрам послания, и в особенности элегии. С расцветом элегической лирики связаны крупные завоевания нашей поэзии. Именно в элегии было совершено открытие доселе неведомого искусству мира чувств, сложных, противоречивых. Для выражения этого нового содержания лирики понадобилось и обновление поэтического стиля.

При господстве рационалистической эстетики классицизма в поэзии преобладало слово-понятие, точное в своем значении лишенное дополнительных смысловых оттенков и ассоциаций. Но Жуковский делает достоянием литературы целую гамму неуловимых ощущений, неясных порывов души. Конечно, и слово ему потребовалось совершенно иное, чем у классицистов. У Жуковского оно «теряет свою общезначимую терминологичность, свойственную ему в классицизме. Слово должно звучать как музыка, и в нем должны выступить вперед его эмоциональные обертоны, оттесняя его предметный, объективный смысл. Значение слова поэта в этой системе — не в словаре, а в душе читателя, ассоциативно откликающейся на призыв словесной мелодии» (Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. М., 1965, стр. 48).

Несмотря на огромный успех элегической поэзии, в декабристских литературных кругах вскоре послыпались голоса, возражавшие против засилия элегии и послания в лирике. Наиболее четко свои претензии к этому жанру сформулировал В. К. Кюхельбекер, сравнивший элегию с одой к невыгоде первой: «Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу отечества, воспаряя к престолу неизреченного и пророчествуя перед благоговеющим народом, парит, гремит, блещет, порабощает слух и душу читателя. Сверх того в оде поэт бескорыстен: он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об них сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мещет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга.

В элегии новейшей и древней стихотворец говорит об самом себе, об своих скорбях и наслаждениях... Удел элегии умеренность, посредственность...

Послание у нас та же элегия, только в самом невыгодном для ней облачении, или сатирическая замашка... или просто письмо в стихах... Теперь спрашивается: выиграли ли мы, променяв оду на элегию и послание?».

В. К. Кюхельбекер точно формулирует причины, побудившие декабристов вновь обратиться к высоким жанрам и прежде всего к оде. Одическая традиция действительно оказала большое влияние на поэтику декабристской лирики. Но отношение революционных романтиков к оде было весьма далеко от простого возрождения старого классицистского жанра, да это было бы и в принципе невозможно. Жанровая система классицистов, основанная на определенных идеологических представлениях, безвозвратно ушла в прошлое. Отшумела литературная борьба предшествующего века, забыты споры о разных типах оды. В эстетическом сознании романтиков сложился некий «обобщенный образ» высокой оды, объединявший такие черты, которые в эпоху расцвета этого жанра далежо не всегда можно было встретить у одного поэта. Для декабристов ценными в оде оказываются два признака: во-первых, в восприятии читателей она прочно связана с общественно-важной, вы-

Let Sit se votola spand They am & Epoci Janua cons, Il not porand with none serve nuch Megogradulunce Classes. Atoms, recovered & B ofolowall was and samps and Mugnorbound trunkugan Dyewi Typond ronoum chair mapas rayals cydelle Warmshrighed recombing my dragnas and Both De generalaryo allog recolore. Tyur Species suche Ha Industil class omanguly, Il neremand by nick golding who myggt Mangolidentil nome along stopused. One pus kononet, Keelo nagon & Egmall, Ho Syphent whomen were and how the many

Беловой автограф стихотворения «Я ль буду в роковое время»

сокой темой, и во-вторых, ораторское, витийственное начало, свойственное поэтике оды. Понятно, что для писателей, стремившихся воспитывать своих современников в духе гражданской активности и революционного героизма, эти качества имели первостепенное значение. Ясно выраженную агитационную установку поэзии Рылеева прекрасно понял и отчетливо сформулировал его товарищ по восстанию Николай Бестужев: «Постоянная мысль, постоянная его идея была — пробудить... чувствование любви к отечеству, зажечь желание свободы».

Наиболее естественной формой для агитационной политической поэзии Рылеева оказывается страстный лирический монолог, использующий синтаксис и интонацию ораторского типа, столь характерные для оды. Так написано и стихотворение «Гражданин».

Однако оно, как и вся политическая лирика Рылеева, именно напоминает оду, но вовсе не воспроизводит ее поэтику полностью

Прежде всего, стихотворение Рылеева несравненно проще и логичнее настоящей оды. Оно состоит из пяти предложений, каждое из которых укладывается в четверостишие, иначе говоря — фразовое и строфическое членение речи совпадают. Мысль изложена последовательно, поэт не позволяет себе ни отступлений, ни метафорического развития образа, свойственного высокой оде классипизма.

Однако ораторская природа этого стихотворения благодаря его лаконизму делается даже более отчетливой, особенно подчеркнута она применением риторических фигур. Еще Ломоносов в «Риторике» относил их к числу важных признаков высокого стиля. Все стихотворение представляет собой обращение, то есть одну из основных риторических фигур, широко применявшихся в оде. Это обращение у Рылеева включает в себя еще и другие фигуры.

Столкновение вопросительной и восклицательной интонации всегда создает впечатление особой взволнованности, эмоциональной остроты. Стихотворение Рыдеева начинается риторическим вопросом, за которым следует восклицание. Очень своеобразно построены три остальные строфы стихотворения. В сущности говоря, они представляют собой единое высказывание, содержание которого не может быть распределено между отдельными предложениями без ущерба для смысла. Это — угроза юношам, уклонившимся от выполнения общественного долга, и она должна была бы быть синтаксически оформлена в виде уступительного сложноподчиненного предложения. На самом деле каждая из этих строф представляет собой законченное предложение. При таком условии две средние строфы, которые начинаются словом пусть, относящимся к глаголам в третьем лице множественного числа, могут быть поняты как побудительные предложения, что было бы художественной и логической нелепостью.

Если бы речь шла о тексте, предназначенном просто для чтения, все наше рассуждение было бы верным. Но «Гражданин» — произведение звучащее, оно немыслимо вне определенной интонации. И ради создания этой интонации Рылеев идет на то, чтобы несколько искусственно разбить единое по смыслу высказывание на три части. Паузы в конце каждой строфы позволяют затем сделать сильное смысловое ударение, обладающее ярко выраженной волевой экспрессией. Таким образом, не только две первые строфы, но и три остальные представляют собой тоже некое подобие риторической фигуры: содержащееся в них «побуждение» имеет лишь эмоционально-экспрессивное значение. Конкретным же, реальным смыслом обладает не каждая из этих трех строф в отдельности, а состоящее из них сверхфразовое единство.

Непременным свойством стиля высокой оды, его типичной приметой в эстетическом сознании современников Рылеева было употребление славянизмов. Многие поэты-романтики, связанные с

декабризмом, в своей политической лирике широко пользовались архаической лексикой. Они считали архаические славянизмы необходимыми для раскрытия высокой, гражданской темы. Рылеев проявляет в этом отношении большую умеренность. В стихотворении «Гражданин» нет ни одного слова, которое было бы совсем устаревшим. Здесь мы встречаем лишь славянизмы, несущие легкий отпечаток торжественности, но вполне живые в ту эпоху: влачить, младой, хладный, грядущий. Архаизирующая окраска лексики почти совершенно незаметна у Рылеева. Высоты, торжественности он достигает иными средствами.

В стихотворении «Гражданин» полностью выявилась еще одна характерная черта рылеевской поэтики - перифрастичность стиля, то есть широкое применение описательных конструкций вместо прямого называния предметов, явлений или действий: «в объятьях сладострастья в постыдной праздности влачить свой век младой» вместо «жить в праздности», «предаваться чувственным удовольствиям»; «с хладнокровием бросают хладный взор» вместо «равнодушно смотрят» и т. п. Этот стилистический принцип может быть соотнесен, с одной стороны, со стилем высоких жанров классипизма - оды и трагедии, а следовательно, с высокой, гражданской темой в русской поэзии. Но, с другой стороны, перифрастичен и стиль Карамзина, творчество которого связано с пробуждением интереса к внутреннему миру человека, интереса, унаследованного и развитого русскими романтиками. Такая двойственная историческая мотивировка вполне органична в применении к творчеству Рылеева: ведь в его поэзии гражданственность, патриотизм, готовность к самопожертвованию - все эти чувства, осознававшиеся классицизмом как суровый долг, становятся глубоко личным переживанием.

Как и у других романтиков, у Рылеева слово теряет свою одновначную точность, важную роль начинают играть дополнительные смыслы, семантические оттенки. Слово не просто называет предмет, явление, действие — его употребление рассчитано на то, чтобы пробудить в сознании читателей определенные ассоциации. Это свойство романтического стиля поэты-декабристы использовали для создания агитационной политической поэзии. Широкое применение перифразы создавало стилевой контекст, благоприятный для такого принципа поэтического словоупотребления.

Благодаря творчеству Жуковского русские читатели уже были знакомы с лирикой, в которой огромную роль играли «опорные слова», таившие за собой и вызывавшие в воображении целые миры многообразных, трудно определимых, но глубоких и подлинных чувств. У Жуковского эти опорные слова переходили из одного стихотворения в другое, наполнялись смыслом в контексте всей его лирики. И тем не менее они были принадлежностью именно его поэтической системы. В выборе этих слов поэт, стремившийся описать мир единственной и неповторимой человеческой души, был очень своеволен. Это могло быть слово-носитель богатого смысла и

в обычной бытовой речи, например *небо.* Но могло быть и какоенибудь совсем незначительное, на первый взгляд, словечко, вроде указательного местоимения *там*.

Иначе создаются опорные слова в поэзии декабристов. Они у них ни в коем случае не принадлежность индивидуальной поэтической системы. Больше того, эти опорные слова у декабристов общие, притом не только в их поэзии, но и в их публицистике. Впоследствии историки литературы стали говорить, что декабристы создали систему словесных сигналов. Эти слова-сигналы в поэзии Рылеева нужны не просто для создания эмоционально-экспрессивной выразительности речи, но они как бы замещают собой целые пласты политических представлений, доводов, доказательств.

Какие же слова становились опорными в поэзии декабристов? Легко догадаться, что это прежде всего, общественно-политическая лексика их времени: гражданин, свобода, право, раб, тиран, самовластье. Но не только она. Некоторые, казалось бы, нейтральные слова, часто употребляясь в соответствующем контексте, также получили дополнительные, ассоциативно возникающие значения: честь, слава, подвиг, позор и др.

Взрывчатая сила, таившаяся в этих словах, пугала еще Павла I. В журнале «Русская Старина» за 1871—1872 год приведены распоряжения Павла I относительно неугодных ему слов: вместо гражданин писать купец или мещанин, вместо граждане— жители или обыватели, вместо общество— собрание, вместо отечество— государство.

Как видно из следственных материалов, подозрительными словами граждане и патриотизм интересовались и судьи декабристов.

Роль слов-сигналов нередко играли в поэзии Рылеева— и в этом он также сходен с другими декабристскими писателями— собственные имена.

В искусстве XVIII века большое значение имело использование мифологических образов. Боги и герои античности в европейском классицизме превратились в аллегорические фигуры, олицетворявшие красоту и мудрость, справедливость и коварство, гнев и любовь. Революционная поэзия декабристов создает свой Олимп. Языческая религия перестает быть для нее источником поэтической символики. Зато имена исторических деятелей широко применяются в поэзии. Имена древних тиранов, римских императоров и римских республиканцев, деятелей французской революции, реальных и легендарных героев отечественной истории и даже широко известных современников в поэзии декабристов становятся символами героизма или подлости, гражданского мужества или предательства. Так, в последнем политическом стихотворении Рылеева появляются древнеримский республиканец Бруг и Риего, современник декабристов, испанский революционер. Характерно, что эти люди, разделенные веками истории, не похожие ни в чем, кроме преданности интересам отечества, упомянуты Рылеевым в одном стихе. Эти собственные имена в пределах данной поэтической системы превращены в синонимы. Конечно, такое своеобразное явление может быть объяснено лишь совершенно особой ролью исторических мотивов в поэзии декабристов.

Романтики многое сделали, чтобы воплотить в литературе национальную стихию. Вероятно, больше всего среди них удалось это Жуковскому и Рылееву. Жуковский с этой целью обращается к народно-поэтической фантастике, к преданьям и поверьям старины. Рылеева привлекает сфера национально-исторической героики.

Мир отечественной истории, нарисованный в знаменитых «Думах» Рылеева, во многом далек от исторической реальности, от научной достоверности. Поэту она была не нужна, он стремился найти среди наших предков идеальных граждан, достойных стать образцами для подражания. Вместе с тем в «Думах» и поэмах Рылеева, как и в творчестве других декабристских писателей, был создан легендарный облик нации — мужественных и свободолюбивых славян. В частности декабристская литература создала поэтическую легенду об идеально свободной древней новгородской республике. Отзвуки ее встречаем и в творчестве юного Лермонтова:

Сыны снегов, сыны славян, Зачем вы мужеством упали? Зачем? Погибнет ваш тиран, Как все тираны погибали.

Героизация славянской древности сказалась и в стихотворении «Я ль буду в роковое время». Рылеев, обращаясь к своим современникам, далеким от гражданских интересов, с упреком называет их «изнеженное племя переродившихся славян».

«Я ль буду в роковое время» — замечательный образец русской политической лирики. Стихотворение Рылеева обращено как будто бы к тем современникам, которые в решительный момент истории оказались неподготовленными к совершению гражданского подвита. Это стихотворение — упрек, даже угроза, если исходить только из того, что в нем прямо сказано. Но за первым, непосредственно выраженным в тексте пластом смысла встает другой, более глубокий — мир революционной героики, чистого и бескорыстного служения Отечеству.

Кандидат филологических наук А. И. ЖУРАВЛЕВА

О Рылееве читайте:

- К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений. М. Л., 1934.
- В. Г. Базанов. Поэты-декабристы: К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский. М.— Л., 1950.
- Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
- В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912.
- И. Н. Розанов. Кондратий Рылеев. В кн.: Розанов. Поэты 20-х годов XIX века. М., 1925.

ЯЗЫКИ Народов С С С Р

ЯЗЫКИ-БРАТЬЯ

Когда мы сравниваем русский с другими языками, то обнаруживаем, что сходство и отличие его от них очень пеодинаково. Возьмем для примера фразу из Шевченко: «Співае, плаче Ярославна, як та зозуленька куе» (Поет, плачет Ярославна, как та кукушечка кукует). Даже человек, никогда не слышавший украинской речи, если и не все поймет в этой фразе, то все же сразу определит, что имеет дело с языком, близким к его родному русскому языку. Корни и весь морфологический состав большинства слов, грамматические формы и значения совпадают или находят себе соответствия в строе русской речи. А вот пример из Мицкевича: «Wybiega na koniec łączki, gdzie w jezioro wpada rzeka, Załamuje białe raczki i takzałośnie narzeka» (Выбегает на конец луговинки, где в озеро впадает река. Заламывает белые ручки и так жалобно сетует). И здесь не знающий польского языка русский найдет по созвучию, по контексту знакомые для него слова и формы слов, хотя не все иля него булет понятно.

Совсем по-другому будет воспринят немецкий текст из Гейне: «Ісһ weiß nicht, was soll es bedeuten, Daß ish so traurig bin» (Я не знаю, что это значит, Почему я так грустен). Для человека, не изучавшего немецкий язык, понимание вовсе исключено, и только специалисты-языковеды обнаруживают элементы, сближающие русский и немецкий языки, имеющие в отдаленном прошлом общие истоки. Например, сравнивая русское я, старославянское азъ с литовским аš, латинским едо, греческим ёү ю, древнеиндийским а́һат, готским ік, они устанавливают родство этого я с немецким ісһ (общий источник для всех этих слов — предполагаемое древнейшее индоевропейское *eģh).

Наконец, есть языки, которые имеют совершенно иное происхождение, чем русский. В эстонской пословице «Kuidas sa mulle, nonda ma sulle» (На добрый привет добрый и ответ), как и во всем эстонском языке, мы не найдем ничего такого, что позволило бы нам искать общий источник происхождения эстонского и русского. Некоторые элементы сходства, обнаруживаемые в отдель-

ных словах этих языков, возникли в результате заимствований, причем, как правило, позднего времени.

Все языки мира, в соответствии с генеалогической их классификацией, делятся на семьи, которые в свою очередь разделяются на подсемьи или группы, далее на подгруппы и в ряде случаев на еще более мелкие подразделения. Языки, входящие в какую-либо семью, имеют общее происхождение. Правда, есть отдельные языки (например японский и корейский), родство которых с какими-либо другими пока не найдено (языки-одиночки). Наиболее обширной является индоевропейская семья языков, которая распадается на группы и подгруппы (индийские, пранские, славянские, балтийские, романские, германские, кельтские и некоторые другие). Заинтересованный читатель может получить нужные сведения о семьях языков и методах их изучения в научно-популярной книге профессора А. А. Реформатского «Введение в языковедение» (издание четвертое, исправленное и дополненное, М., 1967).

Древний общеславянский (или праславянский) язык сложился на базе еще более древней индоевропейской языковой общности в эпоху родового строя. Когда он возник, в какой местности жили носители этого языка — древние славяне, в точности не известно. Как можно предполагать, в конце первого тысячелетия до н. э. наши предки — славяне занимали земли между средним течением Днепра и Западным Бугом (теперешние северная Украина и южная Белоруссия). Начавшееся разложение родового общества, возникновение славянских племенных союзов привело в движение славянское население. Уже в начале н. э. славяне появляются на Висле и постепенно продвигаются на запад. В VI веке н. э. они завоевывают и заселяют Балканский полуостров. По речным путям славянские племена распространяются далеко на север и восток, заняв верхнее течение Днепра и Западной Двины, Ильмень, Волхов, Псковское и Чудское озеро, междуречье Оки и Волги, бассейн Десны и верхнего Дона.

Славянский мир в VII веке раскинулся на огромном пространстве: от Эгейского и Адриатического морей на юго-западе до Ладоги на северо-востоке, от побережья Дании на западе до Оки на востоке. Естественно, что прямые связи между отдельными славянскими группами, удаливнимися друг от друга на тысячи километров и попавшими в разные природные, культурно-экономические и этнические условия, прекратились. Еще до этого в праславянском языке накапливались диалектные различия, а при новых исторических обстоятельствах праславянский язык прекращает свое существование как единая система. На базе праславянского языка образуются новые родственные друг другу языки, из которых впоследствии развиваются хорошо известные современные славянские языки: русский, украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкие, болгарский, македонский, сербскохорватский и словенский, а также некоторые вымершие теперь языки.

Примерно в VII—VIII веках на восточноевропейской территории из восточной части славянских племен образуется восточнославянская (древнерусская) народность, создавшая восточнославянский (древнерусский) язык, политическим центром которой в IX веке становится Киев (по выражению

древнерусского летописца, «мати городом русским»— мать русских городов). Обо всем этом я писал в статье «У истоков русского языка» («Русская речь», 1968, № 2). Подробные сведения интересующийся читатель может найти в моей книге «Образование языка восточных славян» (М.— Л., 1962). В настоящей статье речь пойдет о другом: как и когда на базе древнерусского языка возникли языки-братья — русский, украинский и белорусский.

Очевидное сходство славянских языков может быть объяснено только тем, что эти языки произошли из одного источника — прасдавянского языка. Праславянский язык с большой долей достоверности реконструируется сравнительно-историческим знанием, но в точности он нам не известен, так как его создатели и носители — праславянские племена не знали письменности. Иначе обстоит дело с восточнославянским (древнерусским) В 863 году славянские просветители — уроженцы города Солуня (теперешние Салоники в Греции) братья Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий создают славянскую письменность и, будучи приглашенными в славянское Великоморавское государство, переводят с греческого языка на солунский диалект древнеболгарского языка богослужебные книги. Так возникает письменный славянский язык, который обычно называют старославянским, древнецерковнославянским или древнеболгарским. Старославянский язык распространяется в разных славянских странах, становясь международным языком образованности.

По-видимому, старославянская письменность появляется в Превней Руси в конце IX — начале X века. Первым документальным ее подтверждением является найденная в Гнездовском могильнике близ Смоленска надпись кирилловскими буквами на корчаге, читаемая различно: горуща, горухна, Горух иса (писал). Эта надпись приурочивается к первой четверти X века. К сожалению, других документов древнерусской письменности от Х века до нас не дошло. XI век представлен уже письменными памятниками различных жанров, датированными и недатированными. К числу памятников с проставленной датой относится знаменитое Остромирово евангелие (1056—1057). Древнейшей датированной надписью светского содержания считалась надпись на Тмутараканском камне 1068 года. Кстати, вопреки попыткам скептиков отнести эту надпись к подделкам XVIII века, нужно отметить безусловную ее подлинность (см.: Лопатина Л. Е. Тмутараканскому камню 900 лет. — «Русская речь», 1968, № 3). В 1966 году киевский ученый С. А. Высоцкий опубликовал еще более раннюю надпись на стене киевской Софии: «В лето 6560 (1052 г.) марта в 3 розъгръ (ме) в 9 (час) дне» (прогремел гром, каковое событие для начала марта необычно, поэтому и было отмечено кем-то из посетивших собор).

Особенно широкое распространение письменность в Древней Руси получила в связи с массовым распространением христианской религии, приурочиваемым летописцем к 988 году. Конечно, это были прежде всего



Восточная Европа в ІХ веке

богослужебные книги, паписанные на старославянском языке. По подсчетам Б. В. Сапунова, до татаро-монгольского нашествия на Руси было построено около 10 тысяч церковных зданий, для свершения службы в которых с X века по 1240 год были написаны сотни тысяч книг. До нас дошла лишь незначительная их часть.

Кирилловский алфавит был использован и для других целей. Появляются различного рода деловые документы, из которых особое внимание исследователей привлек свод древнерусских законов под названием «Правда русская», зачатки которого были в устном виде сформулированы еще в языческие времена. Возникают летописание, повести, переводы иностранных хроник и иных произведений, поучительные и похвальные «слова» и другие виды литературы. В конце XII века безвестный гений древнерусского народа создал замечательную поэму «Слово о полку Игореве», в подлинно-

сти которой не сомневается ни один объективно мыслящий ученый. Распространенной была частная переписка, о чем свидетельствуют многочисленные новгородские берестяные грамоты, обстоятельные лингвистические комментарии к изданию которых написаны В. И. Борковским.

Язык богатой и разнообразной по своим жанрам древнерусской письменности неодинаков. Богослужебные книги были написаны на старославянском языке, родственном народному древнерусскому языку, но отличающемся от него своим звуковым, грамматическим и лексическим строем. Ближе всего к народной речи был язык частной переписки и различного рода грамот. Своеобразное совмещение старославянских и древнерусских народных речевых особенностей мы находим в так называемой повествовательной литературе (большинство летописных статей, «Слово о полку Игореве», ряд оригинальных житий, поучений, повестей и некоторые другие памятники).

В настоящее время ведется еще далеко не завершенный спор об истоках литературного языка, о том, что в нем преобладало: старославянское языковое наследство или народная языковая основа, можно ли считать, что было в древнерусскую эпоху в сфере письменности: один язык с двумя или тремя типами или два языка (тарославянский и собственно древнерусский) и т. п. Не останавливаясь здесь на этом сложном вопросе, отметим, что даже в несомненно старославянском языке богослужебных книг, переписываемых древнерусскими писцами, так или иначе находили свое отражение особенности устной народной речи. В целом же древнерусская письменность предоставляет достаточные документальные данные для суждения об обиходном языке восточнославянского (древнерусского) населения, которые к тому же существенно пополняются и корректируются сведениями из сравнительно-исторического языкознания и современной диалектологии.

Совершенно очевидно, что все славянское население Древней Руси говорило на одном языке, в то же время отличавшемся от западно- и южнославянских языков. Жители северного Новгорода, Ростова и Суздаля, Полоцка, западного Берестья, Киева и юго-западного Галича составляли единую древнерусскую народность. Замечательно, что древнерусский летописец четко отличал восточнославянские племена от других славянских племен. Сознание единства Древней Руси красной нитью проходит через весь текст «Слова о полку Игореве», дает о себе знать в ряде других произведений. В то время не было еще деления восточнославянского населения на русских, украинцев и белорусов.

Единство языка не исключало диалектного его разнообразия. Еще в праславянскую эпоху существовали диалектные различия, часть которых сохранилась в древнерусском языке. Эти различия по своему географическому распространению не совпадают с границами исторически известных славянских языковых групп, то есть они старше самих славянских языков. В древнерусское время возникают новые диалектизмы в фонетике (фонологии), грамматлке, лексике. Многие из них поддаются только приблизительному
географическому и хронологическому спределению. Например,
большие споры вызывают вопросы о времени происхождения и о
географическом распространении в древнэрусскую эпоху такого
важного фонетического явления, как аканье.

В настоящее время аканье занимает центральную полосу восточнославянских земель: оно является нормой в южно- и средневеликорусских говорах русского языка (откуда и наше акающее литературное произношение) и в белорусском языке. Украинцы и северные великорусы окают. По моему предположению, аканье и оканье одинаково древни: они возникли еще в дописьменную эпоху в результате изменения праславянского открытого гласного o^a (или a^o) в безударном положении в двух противоположных направлениях: полной делабиализации (потери огубления) звука o^a ($o^a > a$) и, наоборот, дальнейшей лабиализации (огубления) звука o^a ($o^a > o$). В первом случае возникло аканье, во втором — оканье. Скорее всего, акали вятичи и радимичи, остальные восточнославянские племена окали. Конечно, на протяжении многих веков границы аканья и оканья изменялись, и в теперешнем своем виде они не отражают древних племенных границ.

В древней новгородской письменности с самого начала ее существования имелось смешение букв ψ и ψ , отражавшее особенность произношения новгородского населения — цоканье (совпадение согласных ψ и ψ в одном звуке — ψ мягком). Цоканье было также у псковичей, смолян, полочан, значительной части населения волго-окского междуречья. Цоканье было устойчивой диалектной особенностью. Куда бы ни попадали жители цокающих земель, они сохраняли свое цоканье. Характерна в этом отношении настенная надпись XII века в киевской Софии: «Воинегъ писалъ Журяговиць полоцанинъ» (в коренном киевском говоре цоканья не было). Цоканье дожило до наших дней, но под воздействием литературного языка и непокающих говоров оно теперь исчезает.

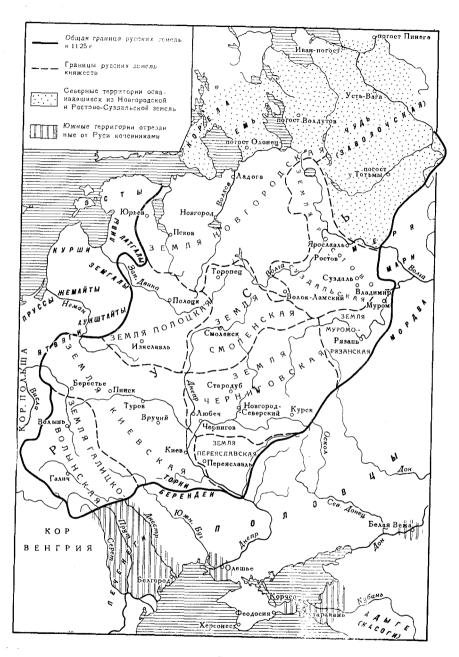
Архаические сочетания kvb-, gvb-, chvb- (квет, гвезда, хвист и т. п. вместо цвет, звезда, свист), среди которых наибольшее количество примеров приходится на сочетание kvb-, на современной восточнославянской территории постепенно убывают по направлению с запада на восток (на Украине с севера на юг). Известно, что эти сочетания сохраняются в западнославянских языках. Есть основание предполагать, что диалектное противопоставление kvb- || сvb- и проч. существовало у восточных славянеще до возникновения письменности, причем восточнославянский ареал kvb- являлся продолжением западнославянского. Только в псковских и отчасти новгородских письменных памятниках и современных говорах засвидетельствованы своеобразные сочетания согласных kl, gl на месте общевосточнославянского I (чькли — члич, сочклись — сочлись, ёгла — сельч, жерегло — жерело — сустье реки и др.). Эти kl, gl восходят к древним праславянским сочетаниям tl, dl, которые еще в дописьменную эпоху в подавляющем большинстве восточнославянских и южнославянских диалек-

тов упростились в l, но на крайнем восточнославянском северо-западе сохранились, видоизменившись в kl, gl.

Географически сложную картину показывают древние диалектные явления в области грамматики. Например, разрушение древних основ склонения на й, начавшееся значительно раньше возникновения славянской письменности, протекало в разных говорах неравномерно. Замена формы именительного падежа единственного числа формой винительного папежа (свекръвь вместо арханческого свекры, ятръвь 'жена брата' вместо ятры и проч.), как можно полагать, шла по направлению с юга на север и с запада на восток. Форма свекры оказалась устойчивой в говорах бассейна Оки и Дона, где как рудимент доживает до наших дней. Теперь единственная форма местоимений 1-го лица единственного числа я в древнерусском языке употреблялась наряду с язъ и книжным азъ, однако на северовостоке восточнославянских земель я появляется только в XV—XVI веках. Следовательно, в древнерусскую эпоху в северо-восточных говорах употреблялось только язъ, тогда как на всей другой восточнославянской территории существовали язъ и я. Синтаксическая конструкция косить трава 'косить траву' (форма именительного падежа -а используется в значении винительного), начиная с ранних памятников письменности, хорошо представлена на севере и, можно сказать, не известна на юге. По-видимому, в языке южных восточнославянских племен ее вовсе не было. Союз а в чисто присоединительном значении был известен только на юге (ср. в «Слове о полку Игореве»: «княземъ слава а дружинъ» — князьям слава и дружине) и особенно на юго-западе.

Много диалектных различий было в лексике древнерусского языка, причем границы распространения диалектных слов были разнообразными. Если такие слова, как багно 'болото', болонье (оболонье, болонь, оболонь) 'низменное поречье', 'луг', глей 'глина', 'ил', луща 'большой лес' и др., каждые по-разному выделяют юго-запад, то буй 'возвышенное место', възводъ (възводье) 'подъем воды в реке вследствие сильного ветра против течения', голомя 'водное пространство вдали от берегов', губа 'залив', рыль 'заливной луг', пожыля 'сенокосное угодье' и др. выделяют (тоже по-разному) север и северо-запад, а рёнь 'крупный песок', лёпъкъ 'особый цветок', черевикъ 'башмак' — юг, дёлъ 'гребень горы', полонина 'торная равнина', 'торное пастбище', рупа 'яма', 'пещера', 'горная котловина' — крайний юговапад (Прикарпатье), зеремя 'местопребывание бобров' — одновременно юго-запад и северо-запад, вълмина 'ивовый кустарник' — только новгородский север, вълна 'шерсть' — весь юг и центр (Украина, Белоруссия, теперешние южновеликорусские и отчасти средневеликорусские говоры) и т. д.

Мы привели здесь только немногие примеры фонетических, грамматических и лексических диалектизмов древнего происхождения, имевшихся в "ревнерусском языке. На самом деле их было во много раз больше. Если бы мы попытались нанести на одну карту границы всех диалектных особенностей древнерусского языка, то получили бы чрезвычайно сложную сеть линий, пересекающих древнюю восточнославянскую территорию в самых различных направлениях. Каких-либо четких делений древнерусского языка на



Pусь в конце XI — начале XII века

наречия, поднаречия и диалекты не существовало. Конечно, в Новгороде X—XIII веков говорили несколько иначе, чем в Киеве. а на Волыни несколько иначе, чем в Ростовско-Суздальской земле. Однако нарастание диалектных различий от местности к местности происходило постепенно. Характер пиалектной пифференциации любого языка зависит от различных внелингвистических причин и в разных языках проявляется неодинаково. Чем дольше сохранялись хозяйственно-политические и иные границы межлу отдельными местностями, препятствующие общению их населения, тем были устойчивее эти границы, тем резче становятся пиалектные различия. Устойчивая феодальная раздробленность, существовавшая в течение веков в Германии, привела к образованию диалектных различий, границы которых во многих случаях более или менее совпадают с границами феодальных княжеств. Однако, как показала А. В. Десницкая на материале ряда языков, соответствие диалектных границ границам феодальных княжеств, а в более раннее время племенным границам, является скорее частным случаем, а не общим правилом.

Восточнославянские племена, говорившие на общем для них древнерусском языке, находились в тесном общении между собой. Племена, о которых нам известно из древнерусских летописей и других источников, скорее всего являдись союзами племен, причем состав этих союзов изменялся. Территория восточных славян была богата реками, являвшимися основными путями сообщения. Какихлибо существенных препятствий для взаимообщения этих племен не было. У восточных славян в дописьменное время несомненно имелись межплеменной язык народной поэзии, зачатки общей публичной речи, звучавшей при заключении межплеменных договоров и судопроизводства по законам обычного права (нашедших частичное свое отражение в «Правде русской») и другие формы наддиалектной речи, оказывавшие свое воздействие на распространение диалектизмов. С возникновением древнерусского государства и развитием феодальных отношений централизующую роль играла речь таких городских центров, как Киев, Новгород и некоторых других. Границы древнерусских феодальных княжеств в общем были малоустойчивыми, да и сами княжества то возникали, то исчезали. Все это определило характер диалектного членения древнерусского языка, для которого совпадение границ распространения диалектных особенностей с племенными или феодальными границами нужно признать нетипичным (вопреки распространенному традиционному мнению на этот счет).

Русский, украинский и белорусский языки возникают не на базе племенных группировок или развития феодальных княжеств, а по другим причинам. К XIII—XIV векам остатки племенных делений исчезают и уже не играют какой-либо роли в дальнейшем развитии восточнославянского этноса. Феодальные границы, как уже было сказано выше, были изменчивы. Зато сам феодальный строй способствует возникновению новых диалектных явлений, по-

скольку централизующее воздействие на развитие языка крупных культурных центров, а также наддиалектных речевых жанров ослабевает. Постепенное накопление диалектных различий от местности к местности усиливается. К тому же в указанное время восточные славяне заселяют новые обширные пространства, особенно на севере и северо-востоке, ассимилируют неславянское население на этих пространствах (финно-угорское, балтийское, на юге тюркское и, может быть, иранское), вступают в контакты с новыми соседями. Во второй половине XII — первой половине XIII века происходит падение особых редуцированных гласных звуков ъ и ь, повлекшее за собой серьезную перестройку всей звуковой и значительной части морфологической систем древнерусского языка. Эта перестройка в разпых местностях во многих отношениях дала неодинаковые результаты. Все это подготавливало почву для распада древнерусского языка.

Трагические для восточного славянства внешнеполитические события происходят в XIII и последующих веках. Орды Батыя нападают на Русь и надолго закабаляют большую часть ее областей. За этим следует польско-литовская интервенция, которая на многие века отрывает юго-западную часть восточного славянства от северо-восточной. На северо-востоке славянское население с XIV века в борьбе за свое существование объединяется вокруг Москвы. Возникает Московское государство, в пределах которого складывается великорусская народность. На юге и западе борьба восточных славян за сохранение этнической самобытности, культуры, религии, родного языка протекает не менее остро. На юге возникает украинская народность, на западе — белорусская.

Общение населения распавшихся территорий не прерывается вовсе, но все же оказывается затрудненным в течение ряда веков, что создает благоприятные условия для формирования трех самостоятельных языковых систем. Древнерусский язык распадается и становится достоянием истории. На его базе возникают русский, украинский и белорусский языки со своими специфическими особенностями. Начала этих языков относятся к XIII—XIV векам, развитие их особенностей продолжается до нашего времени. Например для русского языка характерно окончание -а в именительном-винительном падежах множественного числа существительных мужского рода (луга, леса, города, тополя и т. п.). В XIV — XV веках это окончание в русской письменности представлено единичными примерами, очень редко оно и в XVI-XVII веках, и лишь в XVIII—XIX веках наблюдается заметный рост слов, получающих данную форму. Расширение круга слов с окончанием -а, не свойственным украинскому и белорусскому языкам, продолжается и теперь.

Нередко можно услышать, что русскому человеку легче понимать украинские народные песни, безыскусственную речь сельского украинского населения и украинских поэтов XIX века, чем современный украинский литературный язык. В общем это верно.

Объясняется это прежде всего бурпым ростом украинской литературной лексики, развивающейся по своим, присущим украинскому языку законам. Бурное развитие лексики отражает колоссальный рост украинского пародного хозяйства, пауки и культуры, который осуществляется в условиях нашего социалистического общества. То же нужно сказать и о прогрессе белорусского языка.

Отмечая развитие близких, но оригинальных систем каждого из восточнославянских языков, в то же время мы не должны забывать об их постоянном взаимодействии, особенно усилившемся в нашу эпоху. Еще в XVI— XVII веках значительному белорусскому воздействию подверглись южно-исковские и другие северо-западные и западные говоры русского языка. Между русским и белорусским языками образовалась широкая полоса переходных говоров, поэтому четкой территориальной границы, отделяющей эти языки, не существует. Более определенной является граница между русским и украинским языками, однако различия между ними не настолько велики, чтобы быть непреодолимым препятствием для взаимопроникновения различных явлений на диалектном уровне. На территории Белгородской, Курской, Воронежской и некоторых других областей имеются русские говоры с украинскими особенностями, и, наоборот, некоторые окраинные украинские говоры подверглись заметному русскому влиянию (ср., например, акающие северноукраинские говоры). Через белорусский и украинский языки в XVI—XVII веках осуществлялось влияние польского языка, отчасти также латинского и западноевропейских языков на русский. Известен также украинско-белорусский вклад в русское книжное произношение и отчасти другие стороны русзкого языка. Русский литературный язык и в XIX-XX веках включает в свой состав некоторые лексические и словообразовательные особенности украинской и белорусской речи. В XIX и XX веках русский язык, ставший одним из наиболее развитых мировых языков, а в наше время и языком межнационального общения народов СССР, оказывает прогрессивное воздействие на украинский и белорусский языки, способствуя их дальнейшему развитию.

Итак, русский, украинский и белорусский языки произошли от одного корня — древнерусского (восточнославянского) языка, причем возникновение их — дело сравнительно недавнего прошлого. Они — языки-братья (если пользоваться терминологией родства, их можно назвать родными братьями). Впрочем, следует заметить, что социалистический строй порождает новый тип родства — не по происхождению, а по общественному положению. Взаимодействие и взаимообогащение языков всех народов СССР, больших и малых, — процесс, который охватил все языковое содружество нашей страны. В этом смысле все языки нашей страны, независимо от их происхождения, стали языками-братьями.

Лауреат Ленинской премии Ф. П. ФИЛИН



реди замечательных памятников русской письменности начала XVII века особого внимания заслужи вает «Книга Большому Чертежу» (1627). (Большому чертежу чертежу

– дательный принаплежности употреблявшийся в древнерусском языке в определительной роли, наряду с родительным падежом эта форма обозначала принадлежность лицу или предмету). «Книга Большому Чертежу» представляет собой одно из ранних дошедших до нас рукописных географических описаний карты («чертежа») Русского государства, хотя карты существовали на Руси и раньше. Древнейшая отечественная карта «Боль-шой Чертеж», а также и другие карты, составлявшие основу «Книги Большому Чертежу», не сохранились, и мы располагаем только их описанием.

В предисловии, сделанном авторами-составителями, говорится о том, что в 1627 году по указу царя Михаила Федоровича был «сыскан в Розряде [в Разрядном приказе] старый чертеж всему Московскому государству...». В связи с тем, что он стал «ветх, впредь по нем урочищ смотреть не можно, избился весь и развалился», на основании его был сделан «новый чертеж». Эту работу выполнили дьяки Разрядного приказа Федор Лихачев и Михаил Данилов. «Киига Большому Чертежу» содержит данные двух официальных чертежей - «старого» и «нового», которые до нас не дошли. Это увеличивает значение памятника для современной науки как первого авторитетного свода географических знаний.

«Книга Большому Чертежу» открывается географической характеристикой Москвы и прилегающего к ней района: «Царствующий град Москва стоит на реке на Москве на левом берегу. А в реку в Москву, с вышней стороны города Кремля, пала речка Неглинна, течет сквозь Белый город, а ниже Белого города в реку Москву пала река Нуза. А река Москва вытекла по Вяземской дороге за Можайском верст с 30 и больше».



Пругие части огромной территории Русского государства были охарактеризованы с неменьшей тща-тельностью и вниманием, но их географическое описание имело свои особенности. Описание центра и севера Руси было произведено по рекам, с подробной характеристикой речного бассейна. Об этом красноречиво свидетельствуют сами названия отдельных глав «Книги»: «Роспись реке Оке и рекам, которые реки в Оку пали, и на кольких верстах протоку, и с которыми реками верховьями вязались»; «Реки, которые в Двину пали» и т. д. Описание юга велось преимущественно трем основным дорогам: Изюмской, Калмиюской и Муравской. Но не были оставлены без внимания и юга Русского государства: Донец-Северский, Везеница, Нежеголь, Белая Калитва и др. О них рассказывается в главе подробно «Роспись реке Донцу и рекам и колодезям, которые реки и колодези в реку в Донец с Крымской и с Нагайской стороны пали, и на Донце татарские перевозы и перелазы, в которые приходят Татаровя в Русь».

Очевидно, что слово колодель (древнерусское колодель) первоначально имело значение 'родник, источник; ручей, вытекавший из этого источника'. Именно так и следует понимать слово колодель в «Книге Большому Чертежу».

В памятнике подробно описаны также города «порубежные», расположенные вдоль тогдашней западной границы Русского государства: Невль, Полотск [Полоцк], Себеж, Старая Руса и др. Усиленное внимание русских к дорогам, рекам и городам юга не было простой случайностью. В детальной характеристике данных географических объектов, имеющих большое стратегисказалась ческое значение. бота наших предков о безопасности и укреплении русских границ. Поэтому названные географические объекты были не только тщательно охарактеризованы в «Книге Больтому Чертежу», но в дополнение к ним давались указания и на те «перевозы и перелазы, в которые приходят Татаровя в Русь».

Появление одного из первых оте-

чественных географических описаний не было случайным явлением в жизни Русского государства, оно диктовалось общегосударственными нуждами Руси: с 1627 года «Книга Чертежу» Большому становится единственным надежным руководдля «государевой службы посылок». В течение последующего времени «Книга Большому Чертежу» широко применяется и в практических целях, и в качестве свода знаний. способных **УДОВЛЕТВОРИТЬ** растущий интерес русских к географии своей родины. Таким широким использованием и следует объяснять большое количество ее списков и редакций, рассеянных по всей территории Русского госупарства. Всего насчитывается 38 списков памятника.

Являясь старейшим пособием по географии России, «Книга Болыному Чертежу» в течение вот уже двух веков привлекает внимание исследователей. Открыл ее для науки известный русский историк и географ XVIII века В. Н. Татищев, рассказавший о ней в первом томе «Истории Российской», в главе «О географии вобсче и о русской» (М., 1768). В 1744—1745 годах В. Н. Татищев готовил памятник для опубликования, использовав имевшиеся у него списки и снабдив предполагаемое издание обширными «изъяснениями» (примечаниями). «Книга Большому Чертежу» так и не была тогда напечатана.

Памятник был издан только в 1773 году Н. И. Новиковым под названием «Древняя Российская Идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей и какие по них городы и урочища и на каком оные расстоянии». Выдающийся просветитель осуществил ряд исторических изданий, которые должны были сопействовать укреплению нального самосознания и дать «начертание нравов и обычаев наших предков». Именно в этом плане и рассматривать «Древнюю следует Российскую Вивлиофику, или собрание разных древних сочинений...» (1773—1775); «Повествователя древностей Российских, или собрание достопамятных записок по Истории и Географии России» (1776) и другие исторические издания, к которым примыкает «Древняя Российская Идрография», занимая свое почетное место и опровергая «несправедливое менение тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, окроме церковных».

Второе издание появилось 1792 году в Петербурге под названием «..Книга Большому Чертежу", или древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года». Излание, вероятно, было осуществлено археологом и собирателем древних летописных материалов графом И. Мусиным-Пушкиным, который известен как первый владелен рукописи «Слова о полку Игореве» и издатель многих ценных памятников русской письменности. В «Предуведомлении» издателя раскрыты богатейшие преимущества «Книги Чертежу» «не только Большому пред всеми новейшими географиями, но и перед всеми древними летописями». А. И. Мусин-Пушкин подробно аргументирует ложение, касаясь важнейших «Книгу делающих преимуществ, Большому Чертежу» подлинной географической энциклопедией своего времени. Издатель опровергает в корне неверные утверждения, бытовавшие в то время относительно местоположения и характера того или иного географического объекта, и доказывает непреходящую ценность памятника. В заключение издатель обращает внимание на то, что даже незначительные подробпости, содержащиеся B «Книге Большому Чертежу», «суть такого рода, что много объяснят Российскую Историю и дадут ей такой вид, которого б лишена она была навсегда без пособия [без помощи] сея книги».

В XIX веке памятник издавали также Д. И. Языков (1838) и Г. И. Спасский (1846). В советское время «Книга Большому Чертежу» с обширным справочно-библиографическим аппаратом была издана Ленинградским отделением Института истории АН СССР (под редакцией К. Н. Сербиной. 1950).

«Книга Большому Чертежу» как памятник русской письменности и одно из первых географических описаний Русского государства — интереснейший предмет изучения для языковеда, историка, географа. Немало дает и анализ только географических названий, разнообразно и богато в нем представленных.

Необходимо сразу же подчеркнуть ярко выраженный гидрографический характер «Книги Большому Чертежу». Не случайно поэтому, что первое издание памятника было названо «Древней Российской Идрографией». Это и вполне понятно: ведь реки были главнейшими путями сообщения того времени. Закономерно, что гидронимы (названия рек и других водных объектов) преобладают над всеми прочими названиями. Во многих гидронимах, состоящих из двух слов, определительное прилагательное заключает в себе богатый смысл и подчеркивает характерную особенность реки или указывает на место ее протекания. А это имело первостепенное значение для Русского государства XVI-XVII веков в торговом, стратегическом и других отношениях: Гнилая Орель, Тихая Сосна, Быстрая Сосна, Сухая Ракитна, Мокрая Ракитна, Лесная Ливна, Полевая Ливна, Всполная Быстрая и др. Постепенно смысл определительного прилагательного утратился, и прилагательное стало восприниматься только как непременная составная часть названия.

В «Кпиге Большому Чертежу» есть три названия, по форме состоящие только из прилагательных: Всполная Быстрая, Подстепная Быстрая (реки); Двинский Архангельский (город). В современном русском литературном языке такая форма непродуктивна, и подобные названия встречаются крайне редко.

Второе место в количественном отношении занимают названия городов, которые к XVI—XVII векам выросли и окрепли, стали играть значительную роль в государстве. По структуре названия городов состоят из одного слова (Пропойск, Касимов) и двух и более слов (Красная Слобода, Новый Царев-город). В названиях, состоящих из двух слов, часто одна из частей — местные географические термины: лука — 'излучина реки, кривизна' (ср.

в современном русском языке ликавый сизворотливый, хитрый,); соль, усолье - соляные копи, разработзаймище — 'пойма, заливные луга, покрываемые водой во время весенних разливов' и т. д. Первоначально местные географические термины отражали физико-географические особенности, присущие данной местности. К термину нередко присоединялось определительное прилагательное, и в итоге получалось название: Великие Луки (об этом названии см. «Русскую речь», 1968, № 4), Усолье-Камское, Царево Займище и др.

Большому Чертежу» \mathbf{R} «Книге представлены также оронимы (названия гор), но они составляют незначительную в количественном отношении группу: гора Шамагод-Камень, гора Меньшой Каский

мень. Сизые горы и т. п.

Заслуживает внимания и орфография памятника, анализ которой помогает лучше понять современное правописание географических названий. отличающееся известной сложностью.

Володимерь. Это старое грамматическое образование, утраченное русским языком. Оно является прилагательным с йотовым суффиксом принаплежности: Володимер + јь→ Володимерь (город князя Владимира). Когда этот суффикс стал непропуктивным, конечное р отвердело. Полногласная древнерусская форма -оло- подверглась церковнославянизации и стала звучать как -ла-. В результате название Володимерь по ассоциации с личным именем получило новое написание, в котором оно сохранилось до нашего времени, - Владимир.

Черкасы-Пятигорские. Черкасы, Злесь верно дано написание одного с в корне в отличие от неправильного написания в современной орфографии двух с — Черкассы. Это могло быть обусловлено, с одной стороны, стремлением придать исконно названию форму русскому странного, а с другой — влиянием образованных от прилагательных, (черкасский). названий подобных Между тем данное название происходит от слова черкесы (черкасы), обозначавшего казаков, переселившихся в XIII веке с Северного Кав-

на Днепр и организовавших там свое поселение. Таким образом, ошибочность современного написания двух согласных в корне указанных названий совершенно очевидна.

В «Книге Большому Чертежу» уже в то время были представлены гидронимы тюркского происхождения. К некоторым из тюркизмов в памятнике были даны в основном верные переводы на русский язык: «у моря на берегу город Дербент. Железные Ворота тож, а по-турскы Темиркапы»; «ниже Большого Ергелика пала в Маначю речка Ергелик-Сасык, по-нашему, Гнилой».

В географических названиях, разносторонне и богато представленных в памятнике, сказалась наблюдательность русского народа, умение раскрыть в названии основную сущность того или иного географического объекта, причем именно сообразно со своими практическими и

хозяйственными нуждами.

Совсем недавно среди деловых бумаг Разрядного приказа был найден документ, позволивший советскому исследователю Г. А. Хабургаеву утверждать, что действительно авто-Большому Чертежу» «Книги был Афанасий Иванович Мезенцов. Покумент этот — челобитная А. И. Мезенцова, в которой говорилось: «... в нынешнем во 136 (1627) году сентября в 12 день в Разряде я ... большой чертеж сделал и мне ... в Разряде ... государевы дьяки велели отр я ... сделал против чертежам, старого чертежу морю и рекам и городом и зделати роспись и по росписи чертежи справить». Г. А. Хабургаев рассказал об авторе «Кни-Чертежу» в статье ги Большому «Замечательный географ XVII века», напечатанной в газете «Курская правда» (3 сентября 1955) (Подробнее об этом см.: Б. П. Полевой. Новое о «Большом Чертеже».-«Известия АН СССР. Серия географическая», 1967, № 6).

Со времени создания «Книги Большому Чертежу» прошло уже более трех столетий, но до сих пор этот выдающийся русский историко-географический памятник не утратил сво-

его значения для науки.

А. В. БАРАНДЕЕВ

BEYEP

Г. Паустовский в «Золотой К. розе» пишет: «Мы часто путаем два понятия - закат солнца и вечернюю зарю. Вечерняя заря начинается, когда солнце уже зайдет за край земли. Тогда она овладевает меркнущим небом, разливает нему множество красок - от червонного золота до бирюзы — и медленно переходит в поздние сумерки и в ночь». В народных говорах есть немало выражений, фиксирующих большой c точностью последние мгновения VX0дящего дня. «Вот иду, иду потихоньку...- передает А. А. Черкасов в "Записках охотника Восточной Сибири" речь сибиряка.— а уж солнышко иазакать. Уж чего, почитай, лесины на две от сопки было. не выше». Заметим, что лесины на ∂se от $con\kappa u$ — для местных жителей довольно точное указание времени. В той же книге приведены вызá солнце — «Глухари прилетают... иногда еще "за солиде", то есть когда оно еще светит»; «neped потихом вечерней На Псковщине о заходящем солнце говорят: солнце за лес. «Сонце залес, сонце за лес, Не поймал бы меня заяц...» (цитата из картотеки Псковского областного словаря в Ленинграде): «Смеркается. Сонпа ва лес. А папажжей [поповже] — су-



меречки» (из наших записей). Пока «солнце еще не за лес», до тех пор продолжается день.

Термины, означающие сумеречную пору, в русских говорах чаще всего относятся не только к вечернему времени, но и к утреннему. Это объясняется сходством восприятий и ощущений переходной поры дня полусвета, полумрака: межесвет, межесве́ток. сутиски. сутисочки. сутемь, зорные сумерки, сумерек, суморок, сутемёнки, сутемки; сутычки, су́тники. Впрочем, вариант су́тники, приведенный в «Опыте областного великорусского словаря» (1852) как тульский диалектизм. В. И. Даль считает ошибочно прочитанным -вместо сутычки. Слово сутычки записано в Нижегородской, Ярославской и Казанской губерниях с некоторыми вариациями в оттенках значения. Так, в Ярославской губернии, по объяснению собирателя, суты́чки — это начало вечера, а в Казанской — глубокий вечер. В одной из записей встречается даже попытка объяснить происхождение этого названия: «Сутычки — сумерки, когда становится темно, так что друг на друга натыкаются» (1853. Архив АН CCCP).

В литературном языке прошлого века была в обороте калька с французского выражения «entre chien et loup» (между собакой и волком). Вспомним в «Евгении Онегине»:

Вечерняя находит мгла ... (Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина Порою той, что названа Пора меж волка и собаки, А почему, не вижу я.)

В «Былом и думах» Герцена, в главе «Доктор Мюллер», читаем: «между волком и собакой забегал он ко мне, выпивал галон пива, ел что попало, и когда волк брал верх над собакой, Мюллер уж сидел в райке какого-нибудь театра, заливаясь громким гутуральным хохотом и потом, струившимся со всего лица его».

Время, «когда потухает заря», на Колыме именуется поту́х заре. «Приехали са́мо на поту́х заре. На поту́х заре заметали то́ню» (В. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901).

За сумерками следуют потёмки, потёмыпотёменки. потеменьки, ши - глубокие сумерки, темнота, наступающая с приближением ночи. Это значение известно литературному языку, гле слово потёмки чаше употребляется в более общем смысле: вообще темнота, отсутствие света. Но оба значения тесно переплетены, например: «Потемки, ночи темные, Карачуна проводите. Тогда зима изломится, Медведь переворотится» (А. Н. Островский. Снегурочка).

Некоторые «вечерние термины» отражают особенности крестьянского быта. С наступлением темноты сельский житель был в помещении. По нижегородским записям, наступление темноты известно под именем огонь в избу, на Северной Двине — огни берут или лучину (лучёну) берут: «Приехали домой — огпи уж берут (время, когда начинают зажигаться вечерние огни)». Собиратель

поясняет: «так как в некоторых деревнях все еще преобладает освещение лучиной» (1928). Как неизмеримо далека от нас даже эта эпоха! $Cud\acute{e}$ нь-вечер — $^{\circ}$ вечер после рек, при свечах (Челябинская губерния, 1914). Для Нижегородской губернии эта идиома толкуется так: «Время часа через два-три после того, как вечером зажгут огонь в избе, то есть посидят уже». Вариант сидень вечера был распространен во Владимирской губернии: «Он уже сидень вечера приехал, то есть как уже насиделись довольно вечером» (Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1858). Беседовать без огня значит 'толковать в потеменьках' (псковское, тверское: 1852), В Оло-Архангельской ниях потемёнками назывались «сумерки и темнота в избе, в которой нет еще огня». Если в эту пору еще предстоит делать что-либо вне дома. употребляют литературное на ночь глядя.

Ля́гомо время. когла ложатся спать - старинный термин, известный по летописям и представленный диалектными данными в разных вариантах. Так, в I Псковской летописи говорится: «6974 (1465) года октября 19, был в Пскове большой пожар. а загорелося в лягоми, и в ту нощь да до обеда выгоре весь град...». В Ипатьевской летописи: «весь день идоша, оли [даже] до ночи... и бысть в лягомо, и приде весть»; «бысть вельми вечер, нача (Владимир Галицкий) изнемогати, и яко же бы влягомо преставися». В русских говорах: «на ля́гомо, на ля́гоме -- перед самым сном, перед тем, как ложиться спать. Я это уж налягомо сделал»; «Пора и на лягома нам» (вологодское); «На лягому не нужно пить чай» (на Ветлуге); «Вчера мы гуляли до самого лягома» (ярославское); на лягом 'на сон грядущий' (пижегородское, 1860); ля́гомо 'отход ко сну': «Утром по десять капель велел принимать да на лягомо тоже по десять» (костромское). На этой же территории употребительна форма ля́гово.

Местные слова, обозначающие периоды времени, часто содержат характеристику действия, обозначая одновременно и место совершения этого действия. Так, аягома может означать не только 'время для

спанья, но и 'постель': «Лягома-то уж больно плоха» (на Веглуге).

В Саратовской области время, когда ложатся спать, называется полёг: «Разговор был до самого полёга. Только и знает, что ныть с утра до голёга».

На этом мы остановимся. Названия, относящиеся ко времени после лягома или полёга, будем рассматривать уже как «ночные термины», хотя отделить вечер от ночи и пелегко.

Н. В. ПОПОВА

Какого цвета лазоревый цветок



При словах лазурь, лазурный в нашем представлении возникают голубые дали морей, разливы рек и озер, заросли незабудок. Так мы воспринимаем один из самых поэтичных оттенков голубого цвета, читая с детства знакомые строки:

Безмолвное море, лазурное море, Стою очарован над бездной твоей. В. Жуковский

Под ним струя светлей лазури,

Над ним луч солнца золотой. М. Лермонтов

В лазури темной, к полуночи Летят станицей журавли.

А. Майков



В народной речи, в песнях, сказках встречается прилагательное лазоревый:

> Посадили соловья Что на травоньку, на муравоньку, На светы-то на лазоревы.

Во лузях, во лузях ... Расцвели цветы лазоревые.

Уж вы дайте мне, младеньке, погуляти, Мие шелковые травы да потоптати, Мне лазоревых цветочков посрывати.



В. М. Сидельников в книге «Поэтика русской народной лирики» (М., 1959) слово лазоревый включает в число наиболее распространенных эпитетов русской народной лирической песни.

Прилагательное *лазоревый* не чуждо и классической поэзии:

И в лазоревой дали Показались корабли.

А, Пушкин

Прекрасный путник, птичка рая, Сидит на дереве сухом, Блестя лазоревым крылом.

М. Лермонтов

Лазоревый — голубой, темно-голубой, светло-синий. Именно такое объяснение дают словари. Лазурный и лазоревый рассматриваются в них как слова с одинаковым

значением. В семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка»: «лазурный — светло-синий, цвета ясного неба», а «лазоревый — светло-синий, лазурный».

Цветоводы-специалисты лазоревыми называют цветы голубовато-сиреневого цвета: садовый барвинок, многолетние астры и др.

Между прилагательными лазурный — лазуревый — лазоревый словари отмечают различия стилистического свойства: лазуревый — устаревшее, лазоревый — народно-поэтическое.

Итак, «моря блеск лазурный», «лазурный юга небосклон», «двух озер лазурные равнины», «лазурный пышный сарафан» и «лазоревая даль»— торжество голубого цвета.

Но вот мы читаем стихи Есенина:

На лазоревые ткани Пролил пальцы багрянец ... Разошлись мы в даль и шири Под лазоревым крылом ...

Голубые дали, голубое небо. Дальше:

А кругом цветы лазоревы Распускали волны пряные ...



Вспоминаем, какие цветы голубого или синего цвета имеют пряный запах. Цветы, растущие в средней полосе нашей страны. Незабудки? Васильки? Колокольчики? К сожалению, все они и многие другие не подходят. Какие же цветы имел в виду С. Есенин? Ответ находим в Словаре В. И. Даля: «В ряз. лазоревым цветком называют шапки, шапочки, Tagetes [erecta]...». Этот цветок, кроме научного, имеет и другие названия: бархатцы, гвоздика, чернобровцы; на Украине — чорнобрівці. Цветы эти разводят повсеместно, существует множество их сортов — от темно-коричневого до нежно-палевого, но нет сорта с голубыми или синими цветами. В. И. Даль подтверждает: «махровый, ярко-желтый цветок».



Эти цветы имеют сильный, пряный запах. Вполне можно допустить, что С. Есепин, житель Рязанской области, знал о существовании лазоревого цветка— желтого тагетеса. Таким образом, в народной речи лазоревыми называют цветы не только голубого цвета.

«Лазоревым цветком на Дону называют степной тюльпан»,— читаем у М. Шолохова (Кривая стежка). Известно, что дикие тюльпаны разноцветны, но чаще встречаются красные, желтые и белые цветы. Возможно, лазоревым

цветком тюльнан называют безотносительно к его цвету. У М. Шолохова лазоревый цветок связывается с красным цветом: «Увидел Васька распахнутую кофту и разорванный ворот рубахи... а пониже рваная рана и красное пятно крови, расцветшее на рубахе лазоревым цветком» (там же).

В русской народной лирической песне лазоревый цветок — один из распространенных и любимых поэтических образов. Но как он выглядит? Так называется какойто один цветок, или обобщенно все цветы голубого цвета, или вообще все красивые цветы? А как объяснить такое пеобычное соседство: «Ох, ты, аленький лазоревый цветок» и «Ах, свет мои, лазоревые алы цветочки» (Киреевский)?

Едва ли можно считать, что прилагательные аленький лазоревый синонимичны сочетанию слов аленький голубенький. Скорее можно предположить, что лазоревым пазывают цветок яркой, нарядной окраски. Прилагательное лазоревый, первоначально обозначавшее яркий голубой цвет, имеет иногда значение вообще яркого цвета.

Значение прилагательного лазоревый в народной речи отличается от литературного: в словосочетании лазоревый цветок оно может быть связано не только с разными оттенками голубого, но и с другим цветом.

Н. П. ГОЛУБЕВА,

доцент Дрогобычского педагогического института



Введение в языкознание

Этимологические заметки

Этимологическими дублетами называются слова, в той или иной степени различающиеся по значению, но происходящие от одной или нескольких форм одного и того же слова. Примеры их в русском языке: волость - власть, борозда - бразда, горожанин - гражданин, гарь жар(а), зеленый — золотой — желтый, вензель — узел, шах — чек, легальный - лояльный, махина -машина и многие другие.

По происхождению эти пары неоднородны. Их можно разделить на три группы:

- 1. Все слова исконные: гарь зеленый — золотой — желжар(а), тый.
- 2. Одно слово исконное, а другое заимствованное: борозда — бразда, горожанин — гражданин, узел вензель.
- 3. Оба слова заимствованы: шах — чек, машина — махина.

Термином «этимологические леты» пользуются лишь по традиции: $\partial y \delta_{\Lambda} e \tau$, буквально 'двойной', но в ряду может быть три и больше слов: майор — мажор — мэр.

Обратим внимание на слова, которые появились в русском языке в результате двукратного заимствования одного и того же слова в разные эпохи и через посредство разных языков.

Здесь существенное различие между устными и письменными, книжными заимствованиями. Для слов, заимствованных устным путем, характерны более разнообразные звуковые вилоизменения (такие заимствования возникали преимущественно в отдаленные эпохи развития языка). Зато новое слово, зафиксированное на письме, не допускает

заметного искажения при его воспроизведении, а при отклонении в произношении всегда есть возможность «исправить» его, сверив с чтением в «оригинале».

Приведем несколько этимологических дублетов, образовавшихся посредством двукратного заимствования иностранного слова: сначала ---VCTHO. затем — книжным путем. Легко заметить, насколько дальше по звучанию от своего источника слова в левой колонке по сравнению со словами позднего заимствования (правая колонка):

доска — диск (< греч. diskos сметательный круг) король — Карл (по имени Карла Великого) царь -- цесарь и кесарь (по имени Юлия Цезаря) рынок — ринг (< нем. Ring) пуд — фунт (< repм. < лат. pondo) якорь — анкер (< герм. < лат. < греч. ánkūra 'якорь').

Каким образом, например, из латинского pondo возникли русские дублеты этимологические ny∂ n фунт?

Русское $ny\partial$ восходит к древнерусскому и старославянскому пждъ, которое пришло к славянам в свою очередь из древнескандинавского. Как и другие германские слова этого корня (древнеанглийское pund, древневерхненемецкое pfunt), древнескандинавское pund заимствовано из латинского языка, вероятно, еще в I—II веках нашей эры, в эпоху тесного соприкосновения германцев с

В этом слове интересно обратить внимание на переход германского сочетания -un-(гласный + носовой согласный) в славянский посовой гласный, обозначавшийся буквой ж (юс большой; звук типа французскоro on), то есть pund > podъ. Hocoвые звуки в славянских языках исчезли (кроме польского) к концу X века. Следовательно, слово *пуд* могло быть заимствовано не позднее этого времени (в «Материалах для древнерусского Словаря И. И. Срезневского приводятся примеры с XII века).

В дальнейшем носовой гласный о превратился в русском языке в у.

Например:

лат. pons, pontis—старослав. пжть— русск. nymь

нем. Gans—старослав. гжсь—русск. гусь.

теперь к русскому Обратимся фунт. Оно было заимствовано позднее из немецкого языка (ср. нем. Pfund, древневерхненемецкое pfunt). Словаре Срезневского ранний пример на это слово относится к 1388 году. Оно почти не изменило своего звукового облика по сравнению с источником. Однако в русском языке удержался звук f, возникший в немецком в период так называемого второго верхненемецпередвижения кого согласных (VI-VIII века). Ср. более поздние заимствования из немецкого языка, где сочетание pf передается иначе через n:

русск. nopm — нем. Pforte (лат. porta) русск. nnys — нем. Pflug.

Общий источник слов $ny\partial$ и фунт — латинское pondo, pondo. Это наречие — 'весом', 'по весу', образованное от застывшего отложительного падежа в сочетании libra pondo 'фунт весом'. Исходное слово pondum — производное от латинского глагола pendere 'вешать'.

Различие в значении обоих слов (пуд, как известно, равен 40 фунтам), вероятно, объясняется тем, что эта старая русская мера «не имела постоянного, строго определенного характеризующего коэффициента, отношение между некоторой единицей [фунтом] и ближайшей к ней кратной или дольной единицей [пудом]». Как указывает далее Большая Советская Энциклопедия, «коэффициент 40 давал возможность непосредственно определять на весах любой вес в пределах пуда в целых фунтах ири помощи только 4 гирь (1, 3, 9, 27 фунтов), так как разные комбинации их на обеих чашках весов исчерпывают все числа от 1 до 40». Дифференциация значений слов *пуд* и фунт окончательно сложилась, очевидно, к началу XVIII века, ко времени установления старых русских мер.

Таким образом, возникновение этимологических дублетов $ny\partial = \phi yum$ графически можно изобразить

Другая этимологическая пара, связанная с существовавшими в древности носовыми звуками, — это дублеты угры — венгры. Старое русское название венгров угры указывает на то, что русские вошли в соприкосновение с мадьярами (венграми) в период существования носовых звуков о (ж — юс большой) и е (А — юс малый). Из истории известно, что первые такие контакты происходили в ІХ веке. В других языках это слово сохраняет сочетание ип: например лат. (h)ungarī, нем. Ungarn. Совре-

следующим образом: (см. стр. 110).

węgrzy).
Это позднее заимствование стало более употребительным; теперь единственное название государства — Венгрия, народа — венгры, мадыяры. Старое слово угры сохранилось, например, в названии угро-

менное русское венгры заимствовано

в начале XVIII века из польско-

число

wegier (множественное

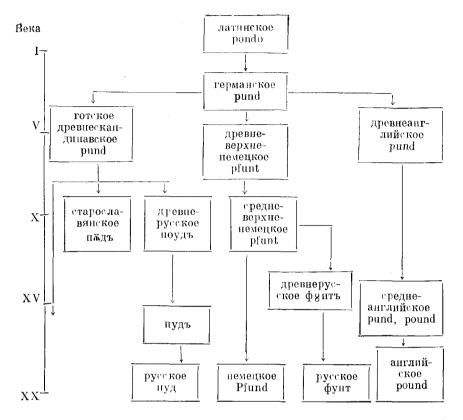
финские языки.

Этимологические дублеты — махина и машина. Источник обоих словлатинское māchina 'механизм', 'приспособление⁾, ^суловка⁾, ^схитрость, но второе заимствовано через посредство французского machine, где ch произносится как ш. Латинское māchina восходит к грече-'приспособление', скому mēkhanē **'**уловка' \mathbf{m} ekhos 'средство', (из сспособ), родственному с русским глаголом мочь.

Относительно развития этих двух слов в русском языке академик В. В. Виноградов писал: «В русском литературном языке XVIII и начала XIX века как формы одного и того же слова воспринимались махина (латинское machina) и машина.

Позднее — не ранее 20—40-х годов XIX века слово махина, выйдя за пределы профессионально-технической речи, стало в устно-бытовом языке обозначать лишь громоздкую, очень большую вещь, предмет необычной величины... Со второй половины XIX века махина и машина, изменившие свое ударение, стали совсем разными словами» («Вопросы теории и истории языка». М., 1952).

От греческого mēkhane и французского machine происходят рус-



ские механик и машинист, отличающиеся друг от друга суффиксами $-u\kappa$ и - ucm.

Вот еще интересная пара. Никакой смысловой связи не осталось между словами *шах* и *чек*, и трудно догадаться, что это этимологические дублеты.

Первое из этих слов пришло в русский язык в XIII веке либо через арабское shāg (отсюда нем. Schach), либо пеносредственно из персидского shāh 'шах', 'король'.

Русское чек заимствовано из английского check. Англичане взяли это слово у французов в самом начале XIV века. Старофранцузское eschee, eschac восходит через арабское shāg к персидскому shāh. Основные звуковые изменения произонили во французском и английском языках: в старофранцузском языке в положении после предшествующего согласного и перед начальными

согласными (особенно s) следующего слова, во избежание неудобопроизносимого сочетания согласных, появлялся так называемый «протетический» гласный звук e: арабское shāg > старофранцузское eschag, eschac. Под влиянием этого e- и корневой гласный a изменился в e: eschac > eschec, персидско-арабское sh стало в английском звучать как ch [tl]; ср. такое же изменение: нем. Кагl > франц. Charles (Шарль) > англ. Charles (Чарльз).

Развитие значения слова чек представляется в следующем виде: шах (король) → шах, главная фигура в шахматной игре → шах! (будь начеку, король в опасности!) → проверка, контроль, остановка → чек (чековая, контрольная книга).

Как мы только что видели, имена собственные Карл, Шарль и Чарльзтоже этимологические дублеты. Имя Карл стало распространенным и ин-

тернациональным в конце VIII—
начале IX века благодаря Карлу
Великому, могущественному франкскому королю, позднее императору.
Славянским племенам часто приходилось отражать нападения франкских завоевателей. Имя Карл, придя
к славянам, превратилось в русском
языке в нарицательное существительное король. Этимологические сопоставления показывают, что первоначальным значением германского
имени Карл было 'муж', 'мужчина',
'свободный человек'.

Изменение имени Karl в король пример действия «закона восточнославянского полногласия». Явление это состоит в том, что общеславянские сочетания звуков *tolt (*tart, *talt); *tert, *telt (где t условно обозначает любой согласный), в связи со стремлением сделать слог открытым в древнерусском языке, развились в *torot, *tolot и т. д., а в старославянском языке претерпели перестановку плавного согласного и гласного (с удлинением последнего), так что получились сочетания *trat, *tlat и т. п. Впоследствии многие старославянские слова попали книжным путем в древнерусский язык. В результате в русском языке возникло большое количество этимологических дублетов. Вот некоторые из них:

Русские: во-Старославя нлость, волоские: власть, влачить, ворота, чить, врата, глава, голова, голос, глас, древо, кратдерево, короткий, нрав, праздкий, норов, поный, прах, рожний, порох, страж, страна, сторона, CTOстража, хранить. рож, хоронить.

Любопытно отметить, что у слов исконного происхождения (левая колонка) сохраняется более конкретное, узкое значение, в то время как у заимствованных слов (правая колонка) значения слов абстрактнее, шире, «ученее». То же самое видим в парах:

Русские: горожанин, певежа, одёжа, чужой. Старос лавя но ские: гражданинневежда, одеждачуждый.

Известно, что в классической латыни с перед е, i, у произносилось как ['k], но позднее (к V веку) под влиянием этих переднеязычных гласных превратилось в [ts]. В результате этого изменения возникли, например, такие дублеты:

киста (<rpeч.) — циста (<лат. cista, <rpeч.)
кифара (<rpeч. kithárā) — цитра
(<нем. <лат. <rpeч.) — гитара (<пс-

((нем. (лат. (греч.) — гитара (сиспан. (лат. (греч.)

кесарь ((греч. (лат.) — кайвер (лат.) — цесарь ((герм.- лат., по имени Юлия Цезаря) — царь (возникло из последнего путем «стяжения»).

В заключение приведем еще некоторые этимологические дублеты, представляющие интерес с фонетической, и семантической точек зрения:

агитация (<лат.) — ажитация (<франц. <лат.)

алмаз (<тюрк. <греч.) — адамант (<старослав. <греч.)

артикль ((франц. (лат.) — артикул ((нем. (лат.) бот(ы) ((польек. (франц.) — бутс(ы)

оот(ы) (спольял. сфранц.) ((англ. сфранц.) гранат сплод. ((лат.) — граната

(<нем. <лат.) известь — асбест (оба из греч.) канун — канон (оба из греч.)

кристалл — хрусталь (оба из греч.) легальный ((лат.) — лояльный ((франц. (лат.)

медаль (<франц. <итал. <лат. <греч). — металл (<пем. <лат. <преч.)

отель (<франц. <лат.) — госпиталь (<пем. <лат.)

пана [Римский] (<лат. <греч.)—поп (<греч., возможно, через герм.) пауза (<лат. <греч.)—поза (<франц., на основе <лат. -греч.)

почта ((польск. (чтал. (лат.) — пост ((франц. (лат.)

рацион ((нем. (лат.) — резон (франц. (лат.)

сатана (<старослав. <греч. <древнеевр.) — шайтан (<турецк. <арабск. <персидск. <древнеевр.) цифра (<ием. <итал. <арабск.) — шифр (<франц. <испанск. <арабск.) — (<арабск.) — карабск.) — карабск.) — карабск.) — карабск.) — карабск.) — карабск.) — карабск.)

В. Н. ФАЦЕЕВ Житомир

Прочитайте /детям



Народная сказка в обработке Б. Шергина



варила бабушка на ужин каши полный горшок. Горшок не велик, не больше десятка фунтов крупы вошло. Ну, эту кашу за ужином бабушка да дедушка вдвоем всю и обработали. Вот дедко ложку облизал и полез из-за стола:

- Ну, баба, я спать пойду.
- Как это спать? А горшок из-под каши кто будет мыть?
- A мне какое дело? Сама не хочешь так горничну с судомойкой найми.
 - Я кашу варила, а тебе горшок мыть.
 - Не буду!
 - Будеть!

Спору, — хоть потолоком полезай.

До петухов шумели, наконец порешили: кто завтра первый с постели встанет да первый слово скажет — тому и мыть этот горшок. Сделали меж собой такое условие и спать легли.

Ночь прошла, утро рассветало. Соседи коров выпустили, по хозяйству работают, хлоночут — день рабочий начался. Только около стариковой избушки — ни слуху, ни духу. Соседи заудивлялись: что это старики не топят, не работают и коровушку не выпускают?

Бабы зашли к старикам.

Видят — дед лежит на печи, бабушка на лавке. Оба не спят, глазками так и глядят. Бабы поклонились:

— Здравствуй, дедушка, здравствуй, бабушка!

Старик молчит, и бабка молчит...

Бабы опять:

Вы здоровы ли?

Дед — ни слова, и старуха ни гу-гу. Бабы выкатились из избы, полетели по домам с вестями:

— Старик да старуха заболели: лежат — не морщатся, глазами глядят, а ни слова не говорят!

В избу к старичкам вся деревня скатилась.

— Что с вами, дедушка да бабушка?

Молчат.

Больны вы?

Лежат, молчат. Соседи поговорили и решили — надо фельдшера позвать.

Привели фельдшера. Он потрогал пульс и задал некоторые вопросы. На ответ старик молчит, и старуха молчит. Фельдшер говорит:

— Науке известны такие факты. Пущай старички полежат, а около них кто-нибудь останьтесь за сиделку. Вот хоть ты, тетушка Анисья. У тебя ребят нету, дом близко, ты и посиди.

Соседка говорит:

— Остаться можно. Только мне за дежурство жалованье положьте.

Фельдшер говорит:

— Како-тако жалованье... Вон старухино пальто висит. Ты это пальто за дежурство и возьмешь.

Нашу бабку с лавки как шилом подняло:

- Как же! Отдам я свое ново пальто! Нет, не отдам!..

И дедушка с печи свалился. Подлетел к старухе:

 Тебе мыть! Ты перва с постели встала, перва слово

сказала! Тебе



горшок

мыть!

Ypa!!!





Б. ШЕРГИН

Н Е **БЫ** Л И **ЦЫ**

Я вставал поутру — ввечеру, На босу погу топор надевал, Топорищем подпоясывался. Не путем, не дорогой шел, Подле лыка гору драл. Увидал на утке озеро. Топором в нее шиб — перешиб, В другой раз шиб — не дошиб, Я в третий раз... попал да мимо! Утка всколыбалась, озеро улетело. Я пошел на поскотину, Там корова хозяйку пасет. Я говорю: — Тетенька, дай мне полтора молока парного стакана.

Опа меня послала к бабке. А живет бабка против неба на земле, в непокрытой улице, на гладком месте, как на бороне. Я пришел, а бабку печка топит. Я говорю:

— Пустите обогреться...
Она выхватила из полена
печку, да за мной!
Я полетел, а на меня собака.
Я выхватил из оглобель сани,
Тем и оборонился.
Сам с горя спать повалился.



Консультации



(Продолжение)

РЕЧЬ

Способность говорить, выражать свои мысли

О характере произношения или произнесения; манере говорить: безапелляционная, бесстрастная, благоуханная, бойкая, буйная, вежливая, взволнованная, вкрадчивая, властная, возбужденно-радостная, ворчливая, восторженная, восторженноцылкая, гнусавая, гордая, гортанная, горячая, грозная, громкая, громовая, грубая, дерзкая, дерзновенная, задористая, задорная, задумчизанозистая, запальчивая, стенчивая, звучная, злая, картавая, кипучая, лаистая, ласковая, льстивая. медлительная, медлительноплавная, медовая, медоточивая, мерная, могучая, мягкая, надутая, напыщенная, неподобострастная, неторопливая, обрывистая, отрывистая, патетическая, певучая, плавная, покойная, покорная, покорно-ласковая, полноголосая, полнозвучная, порывистая, почтительная, приторная, приторно-ласковая, проникновенная, пылкая, равнодушная, размеренная, резкая, сахарная, сиплая, скрипучая, сладкая, сладкогласная, сладкозвучная, слащавая, спокойная, степенная, страстная, стремительная, строгая, сухая, сюсюкающая, темпераментная, тенористая, теноровая, тихая, торопливая, тоскливая, трескучая, тягучая, ренная, холодная, хриплая, шепелявая, эмоциональная, эмфатическая.

«Это чувствовалось и в его речи, резкой и обрывистой, иногда безапелляционной, когда он был уверен в своей правоте» (Новиков-Прибой. Цусима); «Я лил потоки слез нежданных. И ранам совести моей Твоих речей благоуханных Отраден чистый был елей» (Пушкин. В часы забав иль праздной скуки...); «Я вслушивался в их тягучую, размевежливую, но неподобострастную речь» (Златовратский, Золотое сердце); «Авось, хоть за чайным похмельем Ворчливые речимои Затеплят случайным весельем Сонливые очи твои» (Блок. На улице дождик и слякоть...); «Свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные» (Тургенев. Ася); «Иной раз хотелось посидеть на Варварке, в кабаке, с гостинодворцами, послушагь запозистые речи, самому язык» (А. Н. Толстой. почесать Π erp I); «Звучные теноровые речи Кузьки Косяка, тоскливо-страстное контральто девушки как бы смягчили ноющую боль в груди Тихона Павловича» (М. Горький. Тоска); «К ней и пылинка не пристала От глупых сплетней, злых речей; И даже клевета не смяла Воздушный шелк ее кудрей» (Тютчев. Как ни бесилося злоречье...); «Напрасно прислушивался к разговорам молодых людей, напрасно радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово в их кипучие речи» (Тургенев. Отцы и дети); «Все было ненавистно в нем от сухой, лаистой речи до старой, с острыми полями фуражки» (Heoнов. Соть); «Все толпятся вокруг нее,— продолжала Зинаида, — все расточают перед ней самые льстивые речи» (Тургенев. Первая любовь); «- Нет, нет! Не медовые речи старика, а разве голубые глаза его дочери очаровали твой разум» (Загоскин. Аскольдова могила): «Под ее мерную речь я незаметно засынал и просыпался вместе с птинами» (М. Горький. Детство); «В весьма напыщенной речи, насаживая одну фразу на другую ... он дал мне понять, чтоб я гулял с детьми где-нибудь подальше» (Достоевский. Игрок); «Конечно, я бы так не рассказала хорошо, как вы сказали, я не училась, - робко прибавила она, потому что все еще чувствовала какое-то уважение к моей патетической речи и к моему высокому слогу» (Достоевский. Белые но-

чи); «Бурмистра речь покорная Понравилась помещику» (Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); «Полноголосая русская речь ... вспыхивает и разносится по коридорам» (Федин. Развеянный дым); «Но я, не вслушиваясь строго В ее порывистую речь, Слежу, как ширится тревога В сияньи глаз и в дрожи плеч» (Блок. Как день, светла, по непонятна ...); «Камердинер был у него француз, с почтительной речью и наглым взглядом» (Гончаров. Обрыв); «Роман, сидя на крыльце, ковырял в зубах, потряхивал головой в такт размеренной речи хозяина дома» (Родичев. Цветы отцу); «Я пошел по направлению к заводской фабрике, раздумывая дорогой об о. Егоре, его слащавых речах, утонченной вежливости и полном отсутствии любопытства» (Мамин-Сибиряк. Сестры); «Пока Анна Степановна в передней обрушивала на Торкунова свою стремительную речь, Марья Сергеевна прижимала петей к себе» (Н. Чуковский. Балтийское небо.

О содержательности и значительности, доходчивости, ясности и лаконичности речи: бессвязная, бессмысленная, бессодержательная, цветная, благоразумная, бледная, важная, верная, витиеватая, водянистая, враждебная, вразумительная, выразительная, выспренная, высокопарная, вычурная, горькая, грамотная, двусмысленная, деловая, длинная, досужая, дурманная, душещипательная, желчная, задушевная, закорючистая, заманчивая, запутанная, игривая, изобличительная, искренняя, кабалистическая, коварная, корявая, косноязычная, краткая, кудрявая, культурная, лаконическая, лаконичная, малословная, многословная, мудрая, мятежная, наносная, нарядная, наставительная, невнятная, невыразительная, негодная, непонятная, нечленораздельная, неясная, нудная, обольстительная, образная, одуряющая, открытая, отчетливая, подлая, покаянная, полуграмотная, понятная, популярная, поучительная, похвальная, правильная, простая, прямая, пугающая, пустая, разумная, рассудительная, рельефная, самокритическая, самоуничижительная, сбивчивая, связанная, сердечная, скованная, скользкая, ском-

канная, скучная, смелая, соблазнительная, спутанная, страшная, суконпая, сумбурная, точная. трогательная, туманная, тусклая, убедительная, увертливая, увесистая, увещательная, увещевательная, укорительная, умная, упрямая, успокоиуспокоительно-благорательная, зумная, утешительная, хитрая, хитростная, худая, цветистая, цветисчеканная. честная, то-вычурная, чувствительная, четкая, чистая, шальная, шероховатая, шумливая, эзоповская, экономная, ядовитая, яз-

вительная, яркая, ясная.

речи бессвязные. «Заслышавши На хриплые песни похожие, Смеются извозчики праздные, Сторонятся грубо прохожие» (Брюсов. Подруги); «Эти подергиванья, эти прыжки, эта бессмысленная, косноязычная речь ...» (Тургенев. Часы); «Слушай веское слово! Слушай верную речь!» Человечество с нами!); «[Мармеладов] наклонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различными незнакомцами» (Достоевский, Преступление и наказание); «Томимая весь день душевною борьбой, От взоров и речей враждебных ты устала...» (А. К. Толстой. Усни, печальный друг); «Слушая непонятные. кабалистические речи прохожего, я знал и видел, что он страдает» Из путевых (Г. Успенский. ток); «Полынов вдруг почувствовал свое превосходство перед этим Рябым ... превосходство образованночеловека, к услугам которого точная, чеканная, культурная речь» Город (Серафимович, в степи); «Речь его была лаконичной, без общих мест И правоучений» (Ажаев. Далеко от Москвы); «- О том помысли, что было бы, ежели б, коим ни на есть случаем, сведал владыко о таковых мятежных речах твоих?» (Мельников-Печерский. На горах); «А жить надобно в провинции, в тихом городе ... в таком же вот, где подлинная и грустная правда человеческой жизни не прикрыта шумом нарядных речей и выдумок!» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «Говорил он нечленораздельной речью, отрывисто вылетавшей из его горла, словно он насильно выталкивал каждое слово»

(Новиков-Прибой, Цусима): «В дав ке соседа гудит мягкий, сладкий голос. лос, течет одуряющая речь...» (М. Горький. В людях); «С возратечет одуряющая стающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив одного слова, слушала дева откры-Сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая. полная сил душа» (Гоголь. Тарас Бульба); «- Дьявол ты, а не человек, - обратился я к нему, - слышал я в окно твои подлые речи» (Гарин-Михайловский. Несколько лет в деревие); «Выходит с покаянной речью Голованов» (Панова. Времена года); «Глядя в сумрак голубой, Ha огни янтарные, Говорили меж собой Речи пулярные» (Исаковский. В позабытой стороне); «Ясная, правильная речь и чистое произношение — первое и главнейшее основание для хорошего актера» (Каратыгин. Записки); «Толкуя с Хорем, яв первый раз услышал простую, умную речь русского мужика» (Тургенев. Хорь и Калиныч); «Мечтами детскими ни с кем я не делился, Ни от кого речей разумных не слыхал» (И. Никитин. С суровой долею я рано подружился ...); «— У вас своя работа,заметил Симон Аверьяныч, которому не понравились самоуничижительные речи хозяйки» (Родичев. Цветы отцу); «Трогательная, сбивчивая речь старика волновала ее до слез» (Павленко. Хлеб жизни); «Он смеялся, плакал и говорил что-то, как в горячем бреду, и в его спутанной речи были понятны для меня только слова: "Моя мать! Где моя мать?"» (Чехов. Моя жизнь); «Невнимательно слушая усмешливые и сумбурные речи Лютова, он вспомнил, что раза два пытался сочинить Лидии длинные послания» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «Вновь зазвучала тусклая речь старшего судьи» (М. Горький. Мать); «Кудряво расцветив увертливую речь, Не прочь Европу он из края в край за-(Вяземский. Оправдание); «Голос у Букина — рычанье хрипучее, а речь у него всегда увесистая, окончательная» (Фурманов. Мятеж); «[Карачаев] стал против Балахнова, обнаруживая готовность начать увещательную, успокоительно-благоразумную речь» (Григорович.

Проселочные дороги); «Ему даже казалось, что он слышит упрямую речь Якова, видит его глаза» (М. Горький. Анекдот); «[Кн. Иван Петрович:] Не в первый раз, боярин, хитрой речью Обходишь ты противников своих» (А. К. Толстой. Царь Федор Иоаннович); «- Вот, Матвей, подрастешь ты, может, услышишь про меня здесь худую речь - будто деньги я не добром нажил или там что иное, ты этому не верь!» (М. Горький, Жизнь Матвея Кожемякина); «Иван Иваныч Ять, у которого давно уже висела на языке цветистая речь, начал беспокойно вер-теться на стуле» (Чехов. Свадьба с генералом); «У старика был хмурый вид, Цветисто-вычурная речь» (Май-ков. Поля); «Наш разумный порыв, Нашу честную речь Надо в кровь претворить. Надо плотью облечь» (И. Никитин. Разговоры); «Корова с колокольчиком ... Пришла к костру, уставила Глаза на мужиков, Шальных речей послушала И начала, сердечная, Мычать, мычать, мычать!» (Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); «Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества!» (Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 12, стр. 100); «Федя изучил лицо Казакова, его привычки, шутки, а Казаков усвоил все обороты его экономной ... речи» (Ляшко, Минучая смерть); «Печальны были наши встречи; Его улыбка, чудный взгляд, Его язвительные речи Вливали в душу хладный яд» (Пушкин. Демон).

Публичное выступление по какому-либо поводу, обращение к слушателям

Авторитетная, благонамеренная, вдохновенная, верноподданническая, зажигательная, зажигательно-казенная, застольная, защитительная, изобличительная, интересная, крепкая, критическая, надгробная, напутственная, наставительная, обвинительная, огневая, огненная, пламенная, погребальная, поджигательная, потрясающая, приветственная, пространная, сильная, торжественная, тронная, удачная, шумливая, юбилейная.

«Блестящий оратор, глубоко начитанный, Киров обладал исключительной способностью подбирать живые

образы и примеры. Его вдохновенные, полные глубокой веры в победу революции речи буквально зажигали аудиторию» (История гражданской войны); «Я никак не предполагал, что вы способны на такие зажигательные речи» (Чаковский. У нас уже утро); «[Генерал Ренненкампф] ездил перед строем уходивших на передовые позиции войск, произносил зажигательно-казенные (Шолохов. Тихий Дон); «Здесь бывало всего понемногу: и несколько застольных речей по поводу текущих событий, и множество новостей» (Телешов. Записки писателя); «Мать жално слушала его крепкую речь» (М. Горький. Мать); «Публика очень любила наставительные речи, раздававшиеся с театральных подмосток!» (Плеханов. История русской общественной мысли); «И над могилою раскрытой, В возглавии, где гроб стоит, Ученый пастор, сановитый, Речь погребальную гласит ...» (Тютчев. И гроб опущен уж в могилу ...); «Товарищи избавили меня от обязанности выслушивать такую излишнюю вещь, как юбилейные речи» (Виноградская. Юбиляр).

Редкие эпитеты: булькающая, нагая, немытая, полноводная,

тихоструйная.

«Особенно комичен был этот книжник рядом со своим соратником ... с большим животом и булькающей, тенористой речью» (M. Горький. Жизнь Клима Самгина); «Нами лирика в штыки неоднократно атакована, ищем речи точной и нагой» (Маяковский. Юбилейное); «Корявыми, немытыми речами Они свою обсуживают "жись"» (Есенин. Русь советская); «Так и лилась речь его ьолноводная, ясная и стремительная» (Вяземский. Старая записная книжка); «Опять полилась струйная речь чиновника, опять зашевелил он пергаментными ми» (Герман. Дело, которому служишь).

В устойчивых определениях: диалогическая, живая, канцелярская, косвенная, книжная, монологическая, народная, обиходная, письменная, поэтическая, простонародная, просторечная, прямая, разговорная, родная, стиховая, стихотворная, сценическая, устная, чужая. (Окончание в следующем номере)



В современных русских народных говорах от Карелии, Прибалтики и Белоруссии на западе до берегов Тихого океана на востоке отмечены десятки и сотии различных местных пазваний рыб. Большая часть из них известна лишь носителям тех или иных диалектов. Кто из рыболовов или работников рыбной промышленности не встречался с таким положением, когда вы уверяете, что поймали именно леща, а ваш собеседник с пеной у рта доказывает, что это не леш, а синеп?

Незнание местных названий рыб особенно остро сказывается на определении закупочных и продажных цен при приеме выловленной рыбы и продаже ее. Однако обилие синонимов для отдельных видов рыб приводит нередко и к тому, что при описании рыб и рыболовецких промыслов в местных газетах и журналах иногда одну и ту же рыбу изывают по-разному, а иногда, наоборот, разных рыб — одинаково.

Предлагаемые ниже материалы представляют собой списки местных русских названий рыб. Они составлены на основе различных специальных ихтиологических и лингвистических работ (монографии, диссертации, статьи, словари),

значительная часть названий собрапа или перспроверена нами заново во время неоднократных экспедиций и выездов на Кольский полуостров, Белое море, в Карелию, на озера Ладожское и Онежское, Псковское озеро и озеро Ильмень, на Селигер и озеро Лаче, на Псковщину и Смоленщину, в Среднюю Азию и Закавказье.

Материал расположен с учетом распространенности пород рыб в водоемах СССР и близости их друг к другу по биологическому виду: вместе даны карповые, хариусовые, сиговые и т. д.

Рядом с основным общепринятым русским названием в скобках указывается его латинское наименова-Каждое название сопровождается ударением и указанием на распространения. географию его После двух точек (:) следуют географические пометы, уточняющие место бытования слова. Например. Вагаль КАССР: Водлозеро. графические названия, приводимые за длинным тире после ряда наименований, означают, что все слова известны в указанных местах. Сокрашенные названия областей. республик приводятся с прописной Например. Горьк. -- Горьковская область, КАССР — Карельская АССР, В скобках после названия нередко приводятся указания, уточняющие общее значение данслова. Например: головик (однолеток), то есть мелкий окунь в возрасте одного года, или летник (мелк.). При названии широко известных и часто упоминаемых рек Байкал. озер, типа Ильмень, Волга, Кама, Днепр, слова река, озеро опущены; слово море сокращено до «м.» (Белое м., Азовское м.). При названиях озер, выраженных формой имени прилагательно

го, сохраняется сокращение «оз.» (озеро), например: Ладожское оз.

Следует отметить, что везде указывается география с л о в, а не распространение тех или иных рыб. Все подробные справки о строении, биологии, образе жизни и местах распространения тех или иных рыб читатель найдет в книгах:

Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т. 1—3. М.— Л. 1948—1949.

Промысловые рыбы СССР. М., 1949.

Л. Сабанеев. Рыбы России. М., 1911.

Доктор филологических наук $A.\ C.\ \Gamma EP \mathcal{A}$



Окунь (Perca fluviatilis). Барга́нник, барканник, барканчик (мелк. окунь двух лет) — Псковско-Чудское оз. Береговой окунь Урал. Борзун, борзунож (мелк.) Псковско-Чудское оз. Бузун, бузунок (окунь двух лет) Белое м., Онежское оз., КАССР: Волвагиль (мелк.) Ва́галь, лозеро. Водлозеро. Водень Смол. KACCP: Брян. Второго́дник (окунь двух лет) КАССР. Водлозеро. Глубьевой окунь Урал. Годник (однолеток) КАССР: Водлозеро. Годовик (однолеток) сев.вост. часть Опежского оз. Головастик (крупн.) Белое м., Опежское оз. Головной окунь (крупн.) Кобяшник четырех лет) — Псковско-(окунь Чудское оз. Курьевой окунь Урал. *Ле́тии*к (мелк.) Псковско-Чудское оз. Лоншак (окунь двух лет) Ильмень. р. Волхов; Новг.: р. Сясь. Малыш, малышок (мелк.) — Псковско-Чудмалышо́к ское оз. Мелек. Мелик Пск. Моревой окунь Урал. Мугач, мугачо́к, мухга-чо́к (мелк.) КАССР: Онежское оз., Водлозеро. Муль (мелк.) Новг.: р.

Сясь. Окупчак Яросл.: р. Молога. Окушок (мелк.) р. Печора, Новг.: р. Сясь, Пск.: оз. Селигер; Урал, Оренб. Острец КАССР, Остречонок (мелк.) Ильмень, р. Волхов, оз. Ук-лемно Новг.; Калин.: оз. Вселуг, Стерж, Селигер; Урал: оз. Тургояк. Остричо́к, остричо́нок (мелк.) оз. Ильмень, Валдайское. Остря́к, острячо́к Пск., оз. Селигер. Палечник (мелк.) КАССР. Пальцевик КАССР: Водлозеро. Паровой окунь (окунь. выходящий на луды в июле - августе) Онежское оз. Π ервого́док (мелк.) Псковско-Чудское оз. Подкаточник. подпалечник Белое м.. Онежского Ceroчасть 03. (мелк.) сев. часть Онежского оз., Псковско-Чудское оз. Соболёк (мелк.) Псковско-Чудское оз. Сущ Новг. Третьяк (окунь трех лет), устричок (молодь) Ильмень, Волхов Хохлик. χοχόλ, χοχολόκ (мелк.) Псковско-Чудское оз. Хохоль Новг. Чекамас, чекомаз Дон, Кубань. Шеба́н Калин.: Осташков. Ше́лмоток (однолеток) Новг.: оз. Валдайское. Шепарь Калин.: Осташков. (мелк.) Псковско-Чудское оз.



(Lucioperca lucioperca). Барканник (мелк.) Ильмень, Волхов. Барканничек (мелк.) Ильмень, Волхов. Псковско-Чудское оз. Барканик Псковско-Чудское 03. Барконник Ильмень, Волхов. Берш (мелк.) сев. Азовского М. Боркотник (мелк.) Ильмень. Бурканник, Буркотник (мелк.). Новг. Весенний судак, Выросток (от 400 до 1200 г). Выюрок (мелк. от 400 до 800 г) гвоздарёк, гвоздарёчек, гвоздарь (мелк. до 200 г), головной судак, морковка (мелк. до 200 г) Ильмень, Волхов, Ноготь западные области РСФСР. Паровина, паровой судак Ильмень. Волхов, $\Pi \acute{e} x o \pi b$ (молодь) Волхов, $\Pi u_$ калёк (мелк. до 200 г) Ильмень, Волхов. Плавунок Смол. Подсулок Дон. Похоль, пяхоль Ладожское оз. Секрет юг европ, части РСФСР, Судо́к Белое оз., pp. Волга от Костромы до Астрахани, Дон, Терек, Урал. Сула Дон. Кубань, Азовское м. Хлопун,

чоб, чобик (мелк.) Дон. Чоп (мелк.), чо́пик (мелк.) лиманы Днепра, Днестра, Буга, Дуная, сев. часть Азовского м. Шибак, шибачо́к, шибо́к мелк. до 400 г) Ильмень, Волхов. Юро́к Белое м.



Берш (Lucioperca volgensis). Часто путают с судаком. Берш, бершик Белое оз., Волга от Горького до Астрахани, Каспийское м., Урал. Бершовник (не менее 1200 г) Новг. Бершовник (мелк.) Волга, Каспийское м., Урал, Аральское м. Бершовок. Волга. Келш, кельиш, пестряк Белое оз., р. Шексна. Подсудак Волга. Подсула, подсулок Дон, Донец. Секрет Дон, Днепр. Телец Белое оз., р. Шексна.



Щ ý к a (Esox lucius). Болобо́лица Пск. Касарик Кур.: р. Сейм. Лончак (молодь) Яросл. Лоншак, лоншачок (молодь) Арх., Ильмень, Волхов. Нюр Свердл. Серая рыба р. Печора. Синяв-(мелк.) КАССР. Тёмная рыба Псковско-Чудское оз., р. Нарова. Травянка Урал: р. Тура. Тростянка (до 1200 г) р. Свирь в нижн. теч. *Цве*точная шука Псковско-Чудское оз. *Пуклёнок* (молодь) Калин. Чугара́й (мелк.) Ильмень, Волхов. Чуклёнок Горьк.: р. Теша. Чуругай Обь, Иртыш. Чуругайка (мелк.) Урал: р. Тура. Шапара Пск., Калин.: Осташков. Шурага, шурагай (мелк.) Урал: рр. Тавда, Сосьва, Лозьва. Шуругай Иртыт. Щукарка, щукина Пск. Щуклёнок Новг.: р. Малый Тудёр; Калин.: оз. Вселуг, Стерж, Селигер; Горьк.: Теша. Щукрёнок, щупак Смол. Щурёнок (мелк.) Ильмень, Волхов, оз. Уклеино; Новг., Казан., Урал: pp. Тавда, Сосьва, Лозьва. Шуругай Урал: pp. Тавда, Сосьва, Лозьва. Юрлак, юрлачок (мелк.) Псковско-Чудское оз.

(Продолжение в следующем номере)

Почта "Русской речи"



Продукты питания

«В "Толковом словаре русского языка" Д. Н. Ушакова,— пишет нам П. Х. Веденеев из Чернигова, — приведено без подробных объяснений словосочетание продукты питания (в смысле 'пища, продовольствие, корм³). Это словосочетание употребляется и в научном языке (в частности, в статьях по физиологии, медицине). А ведь оно, если считаться со значением составляющих слов, звучит курьезно, так обозначает то, что образуется в организме из пищи плюс то, что организм отбросил, вывел наружу через почки и кишечник... Латинское productus, как известно, обозначает результат, следствие какого-либо процесса, изделия. В нашем случае процесс - питание, то есть усвоение пищи, а его продукты ткани, энергия организма и пр. Таким образом, в нынешнем словосочетании продукты питания причина и следствие перепутаны, смысл перевернут с ног на голову; хотя во всех других случаях говорим правильно. например: продукты труда, производства, общественного развития...».

В современном русском литературном языке словосочетание про-

дукты питания употребляется как фразеологизм В значении 'съестприпасы, ные продовольствие'. «Цептральный Комитет в новой пятилетке ставит перед сельским хозяйством большие задачи, решение которых позволит полнее удовлетворить возрастающий спрос населения на продукты питания» («Материалы XXIII съезда КПСС». 1966); «Он сообщил, что по приказу командующего армией к всчеру в село прибудут машины с полным обмундированием и продуктами питания для полка» (Бубеннов. Белая береза).

В любом языке, в том числе и русском, имеются как однозначные слова, так и многозначные. К последним относятся слова продукт и питание. Все современные толковые словари русского языка отмечают у этих слов ряд значений. Обратимся самому большому — «Словарю современного русского литературного языка» в 17-ти томах, изданному Академией наук СССР. Словарь отмечает пять значений у слова продукт: это и предмет, являючеловеческого щийся результатом труда, деятельности; и создание, порождение, результат чего-либо'; и вещество, получаемое химическим или иным путем из другого вещества; и 'вещество, служащее материалом для изготовления чего-либо; это, наконец, съестные принасы, продовольствие. Причем, в последнем значении слово продукт оомчно употребляется в форме множественного числа — продукты: дисгические продукты, скоропортящиеся продукты, молочные продукты и т. п.

Для слова питание тот же словарь указывает шесть значений. В словосочетании продукты опо применяется в одном из них: что, чем питаются, питают: ела, пища': «Со дня на день люди начнут прибывать. Им жилье потребуется, питание» (Солоухин. Рожление Зернограда); «Питание птиц разнообразно. Часто птицы меняют вид пищи в зависимости от времени года: зяблики, чижи, щеглы, овсянки осенью и зимой питаются семенами и почками, а летом переходят поиски насекомых» (Туров. Жизнь птиц).

Вернемся к «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, из которого было взято словосочетание. В Словаре все сделано правильно: отмечено, что слово продукт в значении 'съестные принасы' употребляется только во множественном числе как в соединении со словом питания, так и без него. Приведены краткие примеры употребления слова в языке: молочные продукты (молоко, масло, сметана и т. н.); подвоз продуктов в город; купить продуктов на дорогу; продукты питания.

Товарищ П. Х. Веденеев просто указал не на те значения слов про-дукт и питание, которые даны в этом словосочетании. В образовании фразеологизма участвуют слова, употребляющиеся в одном значении— 'еда, пища, продовольствие'.

В. Н. Сергеев



Род, колено, поколение

Читатель В. Л. Кроваткин (Московская область) обратился к мам с вопросом: «Как могли стать синонимами такие далекие по первичному смыслу слова, как колено и род?».

Эти слова действительно разного происхождения и были раньше синопимами, хотя в современном русском литературном языке они таковыми уже не являются.

Слово колено сейчас обозначает прежде всего часть тела - сустав. соединяющий бедро и голень' и имеет переносные значения: отдельное сочленение, отрезок чего-либо, являющегося соединением таких отрезков', 'изгиб чего-либо от одного поворота до другого; в пении и тание: отдельный пассаж или фигура, отличающаяся своей эффектностью', чеожиданный, необычный поступок^а. В книжном языке, в высоком стиле речи или наоборот с иронией мы иногда употребляем выражения: «проклясть до седьмого колена». «родственник кому-то в третьем колене», где слово обозначает 'разветвление рода, поколение в родословной. Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова сопровождает его пометой «книжное». В обычной речи в этом значении употребляется слово поколение. Его значения: 1) 'родственники одной степени родства по отношению к общему предку', 2) 'одновременно живущие люди близкого возраста'.

Слово по-колен-ие является производным от колен-о (оно образовано по той же модели, что и по-вер-ие от вер-а). Оба слова поколение и колено перекликаются, хотя и не совпадают полностью с одним из современных значений слова род гряд поколений, происходящих от одного предказ. Словари С. И. Ожегова и 4-томный академический «Словарь русского языка» толкуют это значение слова род более расширительно, добавляя в определение его 'вообще поколение' или выпеляя 'поколение' как оттенок к основному значению. Тот и другой словарь иллюстрируют добавление одним и тем же устойчивым словосочетанием «из рода в род». Поэтому расширительное толкование значения на основании лишь одного фразеологизма представляется спорным. Остальные значения слова род в современном русском литературном языке: 'основная общественная организация первобытно-общинного являющаяся объединением родственных семей, и в систематике животных и растений: 'группа, которая объединяет несколько видов, обладающих общими признаками, со словами колено, поколение, не имеют по существу ничего общего. Таким образом, о совпадении даже одного из значений колено, поколение со словом род в современном русском языке говорить не приходится. Хотя и нельзя не заметить в них известной семантической бли-BOCTEL.

Иначе было в истории языка.

Род восходит к индоевропейскому корию *oordh-, который имел значе-

ние 'расти', 'растить', 'рождать'. Слово колено — к корню *kuel- с первоначальным значением 'вертеться, поворачиваться'. Подробно об этимологии этих слов можно прочитать в книге О. Н. Трубачева «История славянских терминов родства» (М., 1959).

Общность одного из значений слов кольно и родъ в общеславянском языке подтверждается данными памятников старославянской письмен-В Мариинском евангели**и** XΙ века и Остромировом 1056 -1057 годов оба слова употребляются в одинаковых контекстах, обозначая одно и то же понятие 'род, племя': «І бъ анна пророчица дъшти фано-улова отъ колъна асоурова» (Лука, II, 29); «отъвъща пилать еда азъ жидовинъ есмъ родъ твои I архиереи пръдаща тя мьнѣ» (Иоанн, XVIII, 36).

В древнерусском языке известная синонимичность слов кольно и родъ продолжалась довольно долго. Совпадая в одном из значений — 'род, поколение', они различались сферой употребления. По данным картотеки Словаря древнерусского языка XI — XIV веков, слово родъ употреблялось во всех жанрах древнерусской литературы, и прежде всего в оригинальных повествовательных произведениях, грамотах, памятниках юридического характера.

Колвно встречалось реже, по преимуществу в переводных памятниках, было свойственно церковно-книжному языку, языку библейских и богослужебных книг. В оригинальных произведениях оно отмечено у летописцев в цитатах из переводных хроник, у русских проповедников — в цитатах или переложениях из книг Ветхого и Нового завета. Отметим попутно, что слово поколвние появилось значительно позже. Можно

полагать, что его появление относится к XVI веку, когда на Руси при Иване Грозном составлялся Государев родословец — первый официальный свод родословных московских служилых людей.

Т. А. Сумникова



Папа, мама и имя ребенка

Многие читатели «Русской речи» касаются очень в своих письмах важной темы: какое имя родители пают ребенку. В прошлом году на страницах «Русской речи» была открыта специальная рубрика «Спор о русских именах» (1969, № 1). В этом споре журнал приглашал принять участие всех читателей. Многие откликнулись на это приглашение и прислали письма и статьи (1969, № 2, 3), в которых отмечают, что нерелко родители, не задумываясь, дают любое имя, попавшееся случайно. Появляется «оригинальное» сочетание имени с фамилией: Грация Неумытова, Лев Зайчиков! Даются «гордые» имена Гений, Герой, Аполлон — подлинная трагедия для тех, кого так назвали. Каково будет школьникам со средними способностями, а иногда и с физическими недостатками носить эти имена! К счастью, подобных случаев не очень много.

Правда, возникает другая опасность — наличие в коллективе большого числа тезок. Это создает большие неудобства в общении. В самом деле, как быть, если, например, в одной группе детского сада семьвосемь Лен, пять-шесть Андрюш и несколько Марин? Не называть же их по имени и отчеству. Приходится переходить на официальный тон — так чуждый детскому миру — и называть детей по фамилии.

Автор статьи «Сколько имен у малышей? Какие они?» А. В. Суслоприводит следующие данные: «Подсчеты в Ленинградском дворце "Малютка" за январь — март 1966 года показали, что самые распространенные имена мальчиков — Александр, Алексей, Андрей, Дмитрий, Игорь, Сергей. Эти шесть имен охватывают 53,6 процента всех детей мужского пола. У певочек имен - Елена, Ирина, Марина, Наталья, Ольга, Светлана, Татьяна уже 66,6 процента. Это и есть имена массового распространения, которые так часты среди малышей» (1969, № 1). Но есть же и другие благозвучные красивые русские имена. Не надо их забывать.

По-видимому, те, кто регистрирует новорожденных должны советовать родителям, как назвать ребенка. Наконец, если они сообщат маме и папе, что в этом месяце уже зарегистрировано около тридцати Светлан или Жень, вряд ли у родителей появится желание продолжить этот список.

Читатели совершенно правы: родители должны ответственнее подходить к выбору имени для ребен-

ка. А наиболее претенциозным из родителей не бесполезно напомнить, например, о такой мысли Белинского: «Всякий немец курит табак и ест картофель; всякий немец тяжел и расчетлив; но не всякий немец — Гете или Шиллер. Сколько на Руси найдется людей, которые умеют петухом кричать и любят в трескучие морозы окунуться в реке; но из этого еще не следует, чтоб каждый из этих людей был Суворов».

В. Н. Сергеев

Лестница — трап

Читательница Архангельская (Москва) просит редакцию рассказать о происхождении слова лестница, а также объяснить, в какой связи находятся немецкое слово trappe и русское трап 'сходни с супна'.

В древнерусском языке века встречается только слово лвствица, значение которого такое же, что и современного слова лестница — сооружение в виде ступеней или перекладин для подъема и спуска: «И льствица исчинища черезъ стъну льзти» (Лестницу соорудили. чтобы через стену перелезать) -Псковская I летопись, под 1323 годом. С XV века то же слово появляется в написании льстница с меной в на н: «Ту бо погани иконоборци льстницу приставили въсхотъвъ содрати вънець златви» (Тут поганые борцы против икон приставили лестницу, желая содрать іс иконыі золотой венец) - из сочинения «Странникъ», списка XV века. В XVI --XVII веках полностью вытесняется написание лествица, заменившись написанием лъстница.

Написание *лъствица* свидетельствует о том, что это слово образовано

присоединением суффикса -тва к основе глагола лвз-(у), так же как бритва от бри-(ти), яство от яс-(ти), клятва от кля-(ти) и т. д. В словенском языке и в настоящее время lestva 'лестница'. При образовании *лвства звук з в основе глагола лвз-перед глухим т оглушился и стал звучать как с. В древности писали по слуху, поэтому и находим начертание лвствица, а не лвзтвица,

В славянских языках, в том числе и древнерусском, множество существительных имеет суффикс -ица: удица - 'удочка'; пьшеница; вьялица — ^сметель, вьялица; тряпица: мокрица и т. д. Образования на -ица были характерны для устной речи, поэтому и слово лества очень рано приобрело форму лъствица. Кроме того, в древнерусском языке, как и в современном, преобладают существительные на -ииа от основ прилагательных: дверьница — дверный, скотьница — скотьный (двор). колокольница — колокольный, темьница — темьный, кадильница - кадильный и т. д. Образования на -вица исключительно редки, этим объясняется то, что по аналогии наиболее распространенных форм лъствица стала произноситься как лвстница.

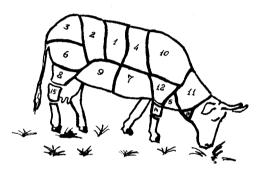
Таким образом, в слове осталось неясное т, потому что никакого прилагательного лестный, от которого могло образоваться лестница, нет и не было. В самом деле, есть образования существительных от основ глаголов, к которым присоединяетсуффикс -ница: мельнипа мел-(ю) 🕂 ница; скребница скреб-(у) ∔ ница; варница вар-(ю) 🕂 ница и т. п. По этому типу от лез-(у) + ница было бы лезница, но такого слова нет.

Итак, *лестница* произошло из *льствица* под влиянием существительных на -ница: хлъбъница, гробьница, коровьница, темьница, горьница и многих других.

Что касается слова трап 'приспособление для входа и спуска с судна, с самолета', то оно заимствовано из голландского trap, которое по происхождению одинаково с немецким trappe, шведским trappa 'лестнипа'.

Украинский и белорусский языки вместо лестница употребляют драбина, драбина, заимствованное из польского drabina, последнее, по всей вероятности, из немецкого trappe (в немецких диалектах может быть и drabbe).

А. С. Львов



Говядина

Читатель Г. И. Герасименко из г. Гуково Ростовской области просит: «Объясните, пожалуйста, происхождение слова говядина».

Как известно, мясо свиньи называется свинина, барана или овцы — баранина, теленка — телятина и т. д. По этой схеме говядина должна быть мясом говяда.

А. К. Толстой в «Балладе с тенденциями» писал о роще:

> Ее порубят, Лада, На здание такое, Где б жирные говяда Кормились на жаркое.

Здесь жирные говя ∂a — в форме именительного падежа множественного числа, а в единственном должно быть говя ∂o .

В Ипатьевской летописи под 1238 годом читаем: «Данилъ же и Василко... даста ему [князю Михаилу] пшеницъ много и меду и говядъ и овъць доволъ» (Даниил и Василько дали ему много пшеницы, и меду, и говяд, и овец).

Таким образом, наличие животного говядо бесспорно. В. Даль определяет значение этого слова так: «Говядо 'крупная рогатая скотина, бык, вол или корова'. Действительно, говядиной называют мясо быка или коровы.

Слово говА до древнее, ныне оно вышло из употребления. производные от него: говяжье (мясо), говядина, говяжий жир — остались. Корень слова говядо - говиз *gou-, что подтверждается сравнением со словами этого же корня в других языках, например, в латышском gúovs 'крупный рогатый скот, корова², древненемецком chuo (из gou) 'корова', древнеиндийском Установлено, ^скорова⁵. слово в форме *gou или *guu предками славян, германцев, индусов и т. д. заимствовано из шумерского языка, где оно было звукоподражательным и значило 'корова'. В славянских языках к корню gou- присоединился суффикс -Адо (А-носовой гласный е), в результате получилось слово гов $q \land \partial o$, которое в русском стало звучать как говядо (я = a после мягкого согласного), отнего образовались прилагательговяжье (мясо), говяжья (кость), а также говядина и др.

Кстати сказать, говядину русские ели очень давно. Так, в летописи под 964 годом (то есть более 1000 лет назад) рассказывается о князе

Святославе храбром, который «ходя возъ по собъ не возяше, ни котъла, ни мясъ варя, но потонку изръзавъ конину ли, звърину ли, или говядину на оуглехъ испекъ ядаше» (Святослав в походах обоза за собой не брал, и котла [не брал], и мяса не варил, но тонко изрезав, конину, зверину или говядину, на углях изжарив, ел).

А. С. Львов

Скучный или скушный?

Часто в стихах, особенно у поэтов прошлого столетия, встречаются слова, которые не рифмуются, если их читать по современным пормам быть в произношения. Как же случаях? спрашивает таких __ П. П. Кремлев (Ярославль). Подобные вопросы задают и другие читатели журнала.

В литературном языке первой половины ХІХ века произносительная норма многих слов еще не установилась. Об этом свидетельствуют поэтический язык и орфо-В времени. одном графия того рифмовали стихи, случае поэты пользуясь «орфографическим изношением», то есть предлагалось читать так, как написано:

> Давно он знал ее заочно. С его глазами ненарочно Глазами встретилась она.

Баратынский. Цыганка

Ступай благополучно — Моя Наташа, под венец: Одной в светелке скучно.

Пушкин. Жених

В этих отрывках рифмуются заочно— ненарочно и благополучно— скучно.

В другом случае, строя рифму, поэты придерживались «фонетического произношения»:

Ему в гостиных стало душно: То было глупо; это скучно. Бараты и ский. Пыганка

Не спится, няня: здесь так душно! Открой окно да сядь ко мне! — Что, Тапя, что с тобой? — Мне скучно...

B этих отрывках рифмуются слова ∂y ило — скушло.

В стихотворении «Зимняя дорога» Пушкин построил рифму на основе «орфографического произношения», и слово скучный из отрывка

По дороге зимпей, скучной Тройка борзая бежит, Колокольчик однозвучный Утомительно гремит следует произносить с сочетанием ч'и, а не ши.

Слова скучно, скучный, когда они не рифмуются со словами с чи, в современном русском литературном языке произносятся с ши: скушно,

В. Н. Сергеев

Отверждение

скуппный.

Слово отверждение довольно часто привлекает к себе внимание читателей. Всякий раз возникает сомнение, правильно ли оно образовано и нет ли здесь отступления от нормы. Сомнение увеличивается после того, как мы заглядываем в толковые словари современного русского языка и не находим там этого слова. Встретив на ожидаемом месте отвердение, мы укрепляемся мысли, что слово отверждение незаконно. Олнако такой вывол несколько поспешен.

Действительно, слова *отвержде*ние в словарях современного литературного языка нет. И это не должно нас удивлять: такие словари фиксируют терминологическую лексику в довольно ограниченном количестве. Слово отверждение, как отмечает автор письма в «Русскую речь» В. В. Кочетов, встречается в технической литературе, то есть оно — специальный термин.

Теперь посмотрим на этот термин с точки зрения закономерностей словообразования.

Известно, что в языке существуют пары глаголов, которые различаются формами образования, грамматическими признаками и соответственно значением. Имеются в виду пары, образованные посредством суффиксов -еть и -ить. Они различаются тем, что одни из них непереходные (с суффиксом -еть) - означают изменение в состоянии, а другие переходные (с суффиксом -ить) означают действие, направленное на предмет и производящее в нем какие-либо изменения: полнеть — полнить, зеленеть — зеленить, белеть белить, худеть - худить и др. К их числу относятся и глаголы отвердеть - отвердить. Образованные от основ этих глаголов существительные также представляют собой пару: отвердение (от отвердеть) и отверждение (от отвердить — отверждать).

Ср. аналогичные образования той же основы, но с другими ытоиставками: утверждение от утведить - утверждать, подтвержде $no\partial \tau sep \partial u \tau b \rightarrow no\partial \tau sep xe$ дение от $\partial a\tau b$ — с одной стороны, и затвер ∂e шие от затвердеть, потвердение от потвердеть. Эти последние. будучи словами общелитературного языка. естественно. включены в толковые словари.

Интересно отметить, что в Словаре В. И. Даля можно найти все интересующие нас слова: отверждение. отвердить - отверждать. Вероятно, ранее данные слова были употребительными в более широких сферах. чем специальная, техническая терминология. Таким образом, оба сл ва - и отвердение и отверждение. закономерно образованы, но толы одно из них осталось в литературном языке, другое укрепилось в специальной терминологии. Значение и различается так, как различаютс породившие их глаголы.

В. П. Даниленка